

Коммуникативное поведение

Вып.19

Коммуникативное поведение славянских народов

Русские, сербы, чехи,
словаки, поляки

**Воронеж
2004**

Сборник представляет собой очередную публикацию межрегионального Центра коммуникативных исследований Воронежского университета в рамках проекта «Коммуникативное поведение».

Сборник посвящен описанию коммуникативного поведения ряда славянских народов – русских, сербов, чехов, словаков, поляков.

Подготовлен совместно Центром коммуникативных исследований ВГУ и кафедрой славистики Белградского университета.

Для филологов, культурологов, специалистов в области межкультурной коммуникации, всех интересующихся национальными особенностями общения разных народов.

Научные редакторы
проф. П.Пипер (Сербия), проф.И.А.Стернин (Россия)

© Коллектив авторов, 2004

Компьютерная верстка и оригинал-макет
– И.А.Стернин

ISBN

Национальные особенности коммуникативного поведения

П.Пипер, И.А.Стернин

О контрастивном изучении коммуникативного поведения близкородственных народов (русская и сербская коммуникативные культуры)

Коммуникативное поведение народа требует систематического описания, которое может быть осуществлено на базе определенной теоретической модели.

Межрегиональным центром коммуникативных исследований ВГУ разработано несколько моделей описания коммуникативного поведения – ситуативная, аспектная и параметрическая. Эти модели показали свою «работоспособность» при описании неблизкородственных коммуникативных культур – русской и американской, русской и британской, русской и немецкой, русской и французской, русской и китайской. Описание неблизкородственных коммуникативных культур в равной степени оказалось осуществимым по всем трем названным моделям, хотя выявились и некоторые особенности – например, для системно-контрастивного описания наиболее пригодной оказалась формализованная параметрическая модель, для целей обучения национальному коммуникативному поведению – ситуативная.

До сих пор, однако, описанию не подвергались близкородственные коммуникативные культуры, к которым могут быть отнесены славянские коммуникативные культуры. Описание и сравнение коммуникативных культур близкородственных языков имеет свои трудности – наблюдения показывают, что степень близости этих коммуникативных культур весьма высока, и исследование практически не выявляет каких-либо эндемичных или лакунарных коммуникативных фактов и явлений в сравниваемых культурах. Вместе с тем, описание близкородственных коммуникативных культур имеет важное значение для обучения соответствующим языкам представителей данных культур – коммуникативное поведение представляет собой важный аспект лингводидактики. В связи с этим встает вопрос методики выявления и описания коммуникативных различий близкородственных культур.

Контрастивное описание коммуникативного поведения русских и сербов позволяет говорить о том, что различия в коммуникативном поведении этих двух народов, несомненно, существуют, но эти различия характеризуются в большинстве случаев не наличием/отсутствием тех или иных коммуникативных фактов, а степенью их проявления в общении, частотностью встречаемости. При этом наиболее удобной моделью контрастивного описания

коммуникативного поведения близкородственных народов является ситуативная модель.

Приведем некоторые примеры.

Встреча

Сербы при встрече почти всегда спрашивают собеседника *Како си?* или *Како сте?* (рус. *Как дела?*), иногда даже повторяя этот вопрос несколько раз с небольшими промежутками. Функция этого вопроса - скорее установление контакта или выражение вежливости, чем настоящая заинтересованность в том, как собеседник чувствует себя. Ответы могут быть совершенно стереотипны (записаны около ста таких ответов) или индивидуализированы. Нередко в ответах собеседники стремятся блеснуть остроумием или просто чувством юмора. Довольно редко собеседник начинает рассказывать, как он чувствует себя в самом деле.

Сербы чаще, чем русские, целуются при встрече, что относится и к мужчинам. Если целуются взрослые мужчины-сербы, то они обычно целуются троекратно (по-православному), чаще в селе, чем в городе, чаще в Черногории и Республике Сербской, чем в Сербии.

Девушки при встрече с ровесницами часто целуются однократно или двукратно, но это характерно больше для провинции.

До недавнего времени при встрече сербов с хорватами возникал иногда вопрос «третьего поцелуя» – хорваты-католики имеют обычай двукратного поцелуя, сербы – трехкратного, серб может настаивать на третьем поцелуе, а хорват его не воспринимает или воспринимает даже как оскорблениe. Это было более характерно для сельского, чем для городского населения. Однако, вследствие гражданской войны в Югославии в девяностых годах XX века количество сербов в Хорватии сократилось почти втрое, и в новых напряженных межэтнических отношениях возможности "третьего поцелуя" при встрече значительно уменьшились.

Обращение

Обращение в сербском языке довольно сильно отличается от обращения в русском языке и инвентарем форм, и способом их структурированности, и частотностью употребления отдельных форм. Это проявляется, между прочим в отсутствии звательного падежа в русском языке, в отсутствии отчеств в сербском языке, в некоторых различиях в функциональном распределении названий лиц по возрасту, полу, профессии и т.д. Например, обращения типа *Господине!* *Госпођо!* в сербском языке гораздо чаще используются в функции обращения, чем в соответствующие существительные *господин*, *госпожа* в русском языке, в то время как обращение типа русского *Женщина!* в сербском встречается редко и с сильной экспрессивной окраской.

Только в сербской языковой среде широко принято обращение продавца к покупателю *Комшија!* *Комшинице!* (рус. *Сосед!* *Соседка!*), особенно в продовольственных магазинах, в киосках и на рынках, независимо от того, живет ли покупатель действительно по соседству с магазином, рынком и т.п.

или нет. Покупатель со своей стороны может использовать выражение *Комшија!* или *Комшинице!* при обращении к продавцу.

В средствах транспорта водителю по-сербски принято говорить *Мајсторе!* (буквально "мастер").

Прощание

У сербов нет обычая, как у русских, присесть перед тем, как отправиться в путь.

Приглашение в гости

В русской коммуникативной культуре приглашение в гости является важным коммуникативным актом демонстрации расположения к собеседнику, и приглашение в гости у русских может последовать очень быстро после знакомства – это демонстрация доброго отношения, дружбы, возникшей личной симпатии. Сербы реже приглашают в гости новых знакомых сразу после знакомства.

С одной стороны, это – проявление западного стиля общения; с другой, у серба приглашение в гости может быть вызвано дороговизной ресторанов и невозможностью поэтому пригласить гостя в ресторан. Приглашение в ресторан у сербов – более яркий сигнал уважения, расположения, чем приглашение в гости. У русских приглашение в гости обычно выше по степени демонстрируемого доверия и расположения к человеку, чем приглашение его в ресторан; считается, что ресторанная еда менее вкусная, чем домашняя, а ресторанный обстановка не способствует общению, которое удобнее осуществлять в домашней обстановке.

Общение в ресторане

Когда закончился вечер в ресторане, между мужчинами-сербами часто возникает достаточно бурный спор, кто будет платить за всех. Это – демонстрация уважения к собеседнику; не заплатить – значит, показать, что ты человек скупой или бедный. В России подобные споры не носят ритуального характера, обычно платит тот, кто приглашал, другие из вежливости предлагают принять участие в оплате, но не настаивают, этот вопрос решен уже самим ритуалом приглашения в ресторан.

Алкоголь и общение

Городские сербы мало говорят тосты за столом, хотя в сельской местности у сербов тосты выступают как вид устного народного творчества.

Сербы меньше, чем русские, пьют крепкие напитки, пьют медленнее, мелкими глотками, с расстановкой, реже пьют до дна – пьют как бы из уважения к хозяину, а не для того, чтобы скорее ощутить на себе действие алкоголя.

У сербов реже, чем у русских, встречается благосклонное отношение к пьяницам.

В России можно увидеть девушку с юношой на прогулке, когда у него или у нее в одной руке сигарета, а в другой – бутылка пива, у сербов это выглядело бы крайне необычно, это не принято.

Благодарность

Сербы чаще, чем русские, благодарят за мелкие услуги. У сербов благодарность часто выступает просто как демонстрация вежливости к собеседнику, в то время как у русских благодарность, выражаемая реже, имеет смысл именно благодарности – выражения признательности за помощь, услугу и т.д. Здесь сербы ближе к западной культуре, где благодарность имеет преимущественно функцию сигнала вежливости. Отметим, что и улыбка, и извинение у русских не имеют в качестве основной функции функцию вежливости.

В кассе

Для сербов в России очень непривычно и на первых порах кажется сложным то, что в кассе, особенно в продовольственных магазинах, покупатель должен назвать цены продуктов, которые он оплачивает и номер отдела, в котором эти продукты покупаются.

В очереди

Русские демонстрируют больше готовности терпеливо ждать в очередях, в то время как сербы чаще пытаются получить то, что им нужно без очереди, демонстрируя при этом различные виды находчивости или просто нахальность (чаще всего прямо подходят к прилавку и говорят стоящим в очереди "Я ничего не покупаю, я только хочу что-то спросить", а потом и спрашивают и покупают). Иногда кажется, что купить без очереди или войти без очереди для некоторых как бы дело чести (чаще для мужчин, чем для женщин, чаще в селах или в городках, где все более менее знакомы, чем в больших городах, чаще в Черногории, чем в Сербии).

Нетерпение, которое сербы часто проявляют в повседневной жизни и в повседневном общении, имеет свой аналог в историческом плане (и свою историческую цену), о чем наиболее ярко свидетельствуют первое сербское восстание против турецкой оккупации 1804 г. (первое на Балканах), и первые большие антигитлеровские демонстрации (в Белграде 27 марта 1941), приведшие к падению югославского правительства и разрыву пакта с Гитлером, не говоря уже о событиях новейшей истории.

С другой стороны, у сербов не принято, как довольно часто это бывает у русских, признавать чье-нибудь заочное место в очереди, т. е. занимать место сразу в двух или в трех очередях с помощью обращений типа *я за Вами; я отойду на минутку; Вы меня помните - я ведь стоял/a/ за Вами; Скажите, что я за Вами* и т.п. Такие «фиктивные очереди» удивляют, а иногда и раздражают сербов, приехавших в Россию.

Милосердие

И русские и сербы проявляют милосердие, особенно около церквей и на кладбищах, а также по отношению к нищим на улицах. Однако, русские проявляют милосердие несколько чаще (напр. в залах ожидания на вокзалах), включая более широкие слои населения (напр. русские мужчины и молодые люди, пожалуй, несколько чаще, чем сербы, готовы дать милостыню, даже тогда, когда ясно, что человек попрошайничает без особой нужды).

Громкость речи и сквернословие

Сербы, как правило, говорят громче в публичных местах, даже сквернословят чаще (как бы "к слову"), чем русские в соответствующих ситуациях.

В общественном транспорте

В общественном транспорте русские демонстрируют больше готовности передать деньги на билет, закомпостировать билет другому пассажиру, который не может подойти к компостеру и т.п. У сербов такие мелкие услуги пассажиров друг к другу также приняты, но пассажиры чаще пытаются решить это без помощи других. С другой стороны, сербы в таких ситуациях, если необходимо, пойдут навстречу, однако предпочитают, если возможно, не оказывать такого рода услуги.

Кондукторы в общественном транспорте в России чаще, чем кондукторы в Сербии, склонны вести себя как начальство, громко напоминать, предостерегать и т.п.

Водители такси в Сербии и Черногории чаще заметно более разговорчивы, чем их русские коллеги.

Водители автобусов в Сербии и Черногории часто заставляют пассажиров слушать в полную громкость музыку, которая водителю нравится.

В Сербии и Черногории пассажиры в поездах часто не стесняются спрашивать своих попутчиков о подробностях их биографии, цели поездки и т. п. В Черногории, узнав фамилию попутчика, иногда пытаются найти общих знакомых или даже родственников, что нередко удается.

Этикет письма

Хотя в общем этикет письма в сербском и русском языках совпадает, между сербским и русским эпистолярным этикетом существует ряд межъязыковых различий, как в богатстве форм (напр. русскому *уважаемый*, *многоуважаемый*, *глубокоуважаемый* и под. в сербском, как правило, соответствуют синонимические формы *поштовани*, *уважени*, *цењени*, в то время как выражение типа *веома поштовани* малочастотно и сильно стилистически маркировано).

Наблюдается своеобразие отдельных форм; например, в русском языке эпистолярный дискурс может начаться с формулы *Здравствуйте*, ..., в то время как в сербском языке не принято начинать письмо выражением *Здраво*, ..., за исключением, пожалуй, писем менее образованных людей, у которых этикет письма меньше отличается от этикета устной речи.

Публичная печатная коммуникация

Хотя и в сербской, и в русской среде, как и во всем мире, широко используются публичная печатная информация как форма официальной коммуникации между учреждением и индивидом, в разных культурных традициях публичная печатная информация обладает своей спецификой. Общее сопоставление публичного коммуникативного поведения такого рода показывает, что в России объем публичной печатной коммуникации больше, чем в Сербии. Это можно объяснять по-разному.

Можно ограничиться двумя соображениями. Прежде всего, традиция публичной печатной информации в России более глубокая, чем в Сербии. Во-вторых, на частотность общения государства с гражданами в форме публичной печатной информации, вероятно, наложили отпечаток столетия ярко выраженной противопоставленности в российском государстве сильно централизованной власти отдельным гражданам.

Военные годы, а также лагерная культура также могли повлиять на распространенность в России публичной печатной информации. Если в течение последнего десятилетия XX и начала XXI века начали все большее распространение получать печатные публичные тексты коммерческого типа (разного рода реклама), то долгие годы для русского и советского публичного общения были характерны политические тексты, а также многочисленные директивы, указывающие, как необходимо вести себя или как нельзя вести себя.

В Сербии публичные директивы и декларативы также существовали и существуют, однако, в отличие от русских, они менее частотны, менее широко представлены в различных общественных местах (государственные учреждения, улица, транспорт, жилые дома и т.д.), и менее разнообразны по содержанию.

С точки зрения сербов, российские служащие демонстрируют очень большую изобретательность в письменном общении с клиентами, когда называют причины прекращения работы в рабочее время, напр.: *Закрыто по техническим причинам, Закрыто на ремонт, Ушла на базу, Санитарный день, Санитарный час, Идет уборка, Закрыто на учет, Проветривается, Обед, Обеденный перерыв* и т.д.

В Сербии служащие довольно часто прекращают работу в рабочее время (еще чаще начинают с опозданием или уходят домой до окончания рабочего дня), ничего не сообщая потенциальным клиентам о причине своего отсутствия. Мелкие частники иногда вывешивают объявление типа *Одмах се враћам*, т. е. "я сейчас приду", ловко используя скользящую дейктичность наречия времени, чтобы оставалось неясным, когда такое объявление вывешено.

Директивы в публичной общественной коммуникации в России, как правило, более категоричны, чем в Сербии, ср. русское *Не курить! Не сорить!* *По газонам неходить!* *Вход воспрещен!* хотя, конечно, и в Сербии встречаются категоричные директивы. Однако, поскольку в Сербии традиционно предпочтитаются менее официальные формы коммуникативного поведения, обращения на "ты" (напр. *Гурай, Вуци, Гаси светло* и т.п.) не имеют

той окраски категоричности, какую они могут иметь в русском коммуникативном поведении. Конечно, это зависит от конкретной коммуникативной ситуации, напр., в русском языке в выражении *Не уверен - не обгоняй* как обобщенном обращении водителя к другим водителям, налицо скорее дружеский совет, чем категоричность.

К области публичных печатных текстов относятся и объявления на русском языке: *Вход в верхней одежде не разрешается, Шапки не принимаются* и под. В сербском коммуникативном поведении такие тексты совсем отсутствуют.

В Сербии и Черногории, особенно в городских условиях, принято, чтобы на двери квартиры, а также на почтовом ящике, была указана фамилия хозяина, а иногда даже жильцов. В России такая информация, как правило, отсутствует, что на первых порах производит на сербов необычное впечатление непонятной таинственности.

Объявления о кончине

Специальным жанром печатных информаций, характерных для сербской языковой среды являются объявления о смерти, т.н. "читули", помещающиеся на последних страницах газет, почти всегда с фотографией скончавшегося. По мнению Елены Костић, специально изучавшей читули, этот жанр является последствием урбанизации населения, перенесшего некоторые древние сельские обычаи в городские условия, и приспособившего эти обычаи (в данном случае - причитания) обстоятельствам современного коммуникативного поведения. Другими словами, читули - это своего рода печатные причитания.

Косвенное общение

Использование косвенного общения более характерно для русских, чем для сербов. Русские более склонны к аллюзивной подаче информации и лучше понимают такую информацию. Например, если гость что-нибудь упоминает, то русские чаще, чем сербы, понимают это как намек гостя на то, что ему хочется что-то иметь, видеть и т.п.

Можно утверждать, что сербская коммуникация в целом в меньшей степени использует косвенные речевые акты, чем русская.

Юмор

У сербских мужчин чаще, чем у русских, можно встретить в общении с женщинами юмор сексуальной тематики.

Невербальное поведение

Сербы крестятся менее широко, чем русские.

Считая на пальцах, сербы разгибают пальцы, начиная с большого пальца, а русские загибают пальцы, начиная с мизинца.

У дороги сербы поднимают большой палец кверху, чтобы остановить попутную машину. Такой жест у сербов не обладает значением указания на высокое качество чего-нибудь, как в русском коммуникативном поведении.

У сербов нет русского жеста «щелчок по шее» как приглашение выпить.

У сербов есть жест – поднятие трех пальцев (большого, указательного и среднего) в значении – «мы православные сербы», который используется в политике – обычно на митингах. У русских нет подобного жеста.

*

Описание близкородственных коммуникативных культур, таким образом, показывает, что хотя исследование и обнаруживает отдельные несоответствия и лакуны, различия в коммуникативном поведении близкородственных народов в основном заключаются в степени проявления отдельных коммуникативных признаков.

И.А.Стернин

Основные особенности русской коммуникативной культуры

Данная статья представляет собой попытку описания основных черт коммуникативного поведения русского человека. Описание является результатом сопоставления русского коммуникативного поведения с коммуникативным поведением преимущественно западных коммуникативных культур.

Прежде всего, необходимо отметить общительность русского человека. *Общительность* русского человека в сопоставлении с западным может быть оценена как высокая. Русский человек очень любит общаться, общение выступает для него как исключительно важная часть жизни, как важный способ проведения времени с другими людьми.

Русский человек как правило легко вступает в общение, очень легко знакомится. Вступив в общение, русские люди часто стараются быстрее преодолеть формальную процедуру знакомства и перейти к эмоциональному, искреннему общению.

Высокая общительность русского человека проявляется и в таком существенном признаком его коммуникативного поведения как нетерпимость к молчанию в компании, в группе. В компании, в группе, в гостях, за столом не принято молчать. Если кто-то некоторое время не участвует в общем разговоре, его вполне могут спросить: «А ты что молчишь?»

Эмоциональная речь занимает очень заметное место в структуре русского общения, причем эмоционально разговаривают все категории коммуникантов, независимо от возраста, пола и социального положения. Для русского человека характерно эмоционально реагировать на замечания.

По наблюдениям представителей западных культур, русские могут долго говорить эмоционально, что особенно удивляет иностранцев.

Иностранцы отмечают, что настроение русского человека, разговаривающего с ними, может внезапно смениться с благодушного на обиженное, а потом вдруг опять его лицо станет приветливым - в этой ситуации, как

отмечают западноевропейцы, они не могут понять, почему так быстро меняется в процессе общения настроение русского человека. Объясняется же это тем, что русский человек не прячет истинную эмоцию за стандартной улыбкой или вежливо-сдержанной маской, как принято в западном общении. Это просто непосредственная эмоциональная реакция на содержание разговора.

Для русского коммуникативного поведения как в общении со знакомыми, так и с незнакомыми, характерно стремление к паритетности в общении, стремление к простоте, коммуникативному равенству. Русский человек любит говорить запросто, без церемоний, иметь собеседника, равного себе. В таком стиле русские часто говорят даже с незнакомыми людьми, как бы пренебрегая формальной вежливостью. С самого начала общения русские люди обычно демонстрируют дружелюбие и открытость, простоту манеры, вызывая собеседника ответить тем же. Отсюда - замечаемая многими представителями западноевропейского коммуникативного стиля грубоватость, неэтикетность в сфере массового русского повседневного общения.

Русский человек близко подходит к своему партнеру, может в знак расположения, стремления установить дружеский контакт коснуться собеседника, дотронуться до него.

В русской коммуникативной культуре не принято долго и развернуто извиняться. Извинения не относятся к частотным речевым актам в русском общении.

Формулы вежливости в русском общении кратки и не предполагают развернутых форм.

Доминантность как признак русского коммуникативного поведения проявляется в том, что в процессе общения русский человек часто демонстрирует тенденцию завладеть вниманием своих собеседников, показать себя как знающего, способного рассказать что-либо интересное собеседнику. Можно сказать, что русский человек заявляет о себе, самовыражается прежде всего в общении.

Русский человек может вмешаться в разговор незнакомых людей, высказать свою точку зрения, что-то подсказать по своей собственной инициативе, даже если его не спрашивают. Можно поключиться к разговору попутчиков и высказать свое мнение по тому или иному вопросу.

Допустимо перебить разговаривающих людей, чтобы задать им вопрос. Англичанин с удивлением отмечал, что русские не обижаются, когда их перебивают в разговоре с кем-либо, чтобы отвлечь и задать вопрос. В учреждениях перебивание разговаривающих сотрудника и клиента другим сотрудником - обычное дело. Можно высказать свою точку зрения, если не спрашивают. Можно свободно обратиться к незнакомому и сделать ему замечание, дать совет, предупредить: *У вас нитка на пальто. У вас шнурок развязался. Пальто запачкалось. У вас сейчас батон выпадет* и т.д.

Русский человек может заговорить с любым человеком - как знакомым, так и незнакомым, как свободным, так и занятым, как молчаливым, так и разговаривающим с другими людьми.

В отличие от Запада, в русском коммуникативном поведении практически

любая фраза может стать началом разговора, поводом для развития контакта.

Длительные паузы в русском общении недопустимы. Общение должно идти непрерывно, собеседники как в диалоге, так и в групповом общении должны быть постоянно включены в общение. Если вдруг повисает пауза, она, как уже отмечалось, называется “неловкой”, ее надо немедленно устраниить, иначе все участники диалога чувствуют себя неудобно - прервался контакт в общении.

Для русской коммуникативной культуры характерна *нелюбовь к светскому общению*. Сам термин в русском словоупотреблении носит обычно некоторый неодобрительный оттенок: светское - значит “ненастоящее”, значит *официальное, надуманное, неискреннее*.

Для русской лингвокультурной общности нехарактерны активная или агрессивная *самоподача личности в общении*. В русском общении самопрезентация личности носит сдержаный характер. Способ самоподачи русского человека может быть назван *диффузным*, нечетко невыраженным. Зарубежные бизнесмены отмечают, что русские партнеры стесняются себя рекламировать, стесняются назначать цену за свои знания или умения, «продавать себя», вместо этого они стараются продать свою продукцию, результаты своей работы, а не «себя» как специалиста; они ждут оценки себя со стороны, предоставляют право на оценку партнеру.

Русский человек часто очень искренен в общении. Он обычно не скрывает от собеседника своего настроения - его лицо отражает то, что он сейчас, в данную минуту переживает. Неэмоциональность в общении считается плохим качеством. Русские искренне и порой довольно бурно демонстрируют свои эмоции, открыто радуются и печалятся, не скрывают своих чувств от окружающих. Американцы отмечают, что искренность русских, отсутствие традиции сохранять формальную доброжелательность со всеми, дает возможность иностранцу безошибочно определять отношения русских друг к другу и к иностранцам: «если кто-либо из ваших коллег стал вас не любить, вам не составит труда это заметить».

Русский человек очень откровенен в общении, очень многое рассказывает о себе, часто бывает очень откровенен даже с малознакомыми людьми, может без наводящих вопросов привести многие личные и даже интимные подробности своей жизни - это считается проявлением доверия к собеседнику, отражает стремление установить с ним дружеский контакт. Как отмечает Э. Робертс, русские сообщают тебе даже то, что ты не хочешь знать.

В русском приветствии нет требования к невербальной демонстрации доброжелательности, доброжелательность не входит в прагматику русского приветствия, являясь ее факультативным элементом; обязательна только вежливость.

Для русского коммуникативного поведения характерна *бытовая неулыбчивость*, что выступает как одна из наиболее ярких и национально-специфических черт русского общения.

Для русских характерно выраженное стремление к неформальному общению, а, скажем, для англичан - слабо выраженное. Однако американцы имеют по сравнению с русскими более высокое стремление к неформальности

в разговоре, которое удивляет даже русских. Й.Ричмонд указывает в связи с этим следующее: “Американцы имеют стремление к неформальному разговору - открытому, прямому, без ритуалов, формул вежливости и непрямого языка, свойственного многим культурам. Русские приветствуют и оценят такое общение, но обычно после того, как был достигнут некоторый этап во взаимоотношениях” (с.109)

Неформальное общение с людьми считается у русских общением более желанным, нежели формальное. Это общение более высокого разряда, чем официальное. Субъективная оценка неформальной составляющей в своем общении у русского человека обычно заметно выше, чем формальной составляющей. Неформальный разговор дома или на вечеринке неизменно котируется выше, чем официальный - в офисе или на работе.

В русской коммуникативной традиции принято предупреждать незнакомых о возможных неприятностях, непорядках в одежде, возможных материальных потерях, давать советы, как лучше что-либо сделать и т.д.

Очень многие зарубежные наблюдатели отмечают, что русские временами могут говорить *грубо* – причем со всеми категориями собеседников. Это является отражением эмоциональности и бескомпромиссности русского человека. После обмена грубостями, иногда довольно резкими, русские люди могут продолжать разговор, снизив эмоциональный накал - говорят друг другу “Мы оба погорячились”.

Допустима грубая речь в отношении собственных детей, нередко встречается грубость начальника по отношению к починенным, грубость мужа и жены в адрес друг друга. В общественных местах можно услышать нецензурные ругательства (мат), что осуждается общественным мнением, но практически не пресекается окружающими, особенно мужчинами.

Грубая речь осуждается культурными нормами, но, тем не менее, практически она очень распространена в русском коммуникативном поведении. Отношение к ней в русском коммуникативном сознании терпимое, она рассматривается как вынужденная и поэтому допустимая мера воздействия – «довели меня...».

При сравнительно высокой предупредительности вежливость к незнакомым в русском общении часто оказывается значительно ниже, чем в западных странах, а также значительно ниже, чем вежливость к знакомым. Русские могут не соблюдать некоторые нормы речевого этикета, могут допускать невежливые формы обращения и ответа, демонстрируя простоту и демократизм в общении с незнакомыми.

С незнакомыми русские, с точки зрения западной культуры, часто недостаточно невежливы – могут, к примеру, задеть или нечаянно толкнуть на ходу и при этом не извиниться.

Внимание к старшему поколению в России выше, чем на Западе (уступят место, переведут через дорогу, помогут донести груз; возьмут старого родственника к себе жить), но вежливость общения со стариками - пониженнная. Со стариками часто разговаривают грубо, требовательно, младшие и даже внуки могут накричать на старииков, пренебречь какими-то их просьбами или мнениями, не ответить на вопрос или просьбу.

Нередко со стариками в семье мало разговаривают. В семейном общении стариков не предпочтуют в качестве собеседников – и старики сами это поддерживают, говорят “Вы между собой разговаривайте, вам с нами, стариками, неинтересно”. О стариках заботятся, обеспечивают их жизнь, помогают материально, но в общении не демонстрируют повышенной вежливости.

В общественных местах со стариками разговаривают более вежливо, ведут себя по отношению к ним более этикетно, но в общении возможны и покровительственные нотки: «Давай, дед, скорее... Давай, бабка, побыстрее...».

Вежливость в отношении детей в русской коммуникативной культуре допускает исключения, она не считается обязательной. Считается, что дети обязаны слушать родителей, и не обязательно родителям соблюдать все нормы речевого этикета, вежливого общения по отношению к своим детям.

Родители часто кричат на детей как начальники на подчиненных. Вежливость к чужим и незнакомым детям обычно выше, чем к собственным, но и в общении с этими категориями детей в русском общении действует принцип «Взрослый всегда прав» (*Яйца курицу не учат*). Детям можно сделать любое замечание и практически в любой форме, возражения детей могут просто пресекаться при помощи аргумента «Я знаю лучше», «Ты еще ничего не понимаешь» и под.

Иностранцы отмечают, что русские мужчины очень вежливо общаются с незнакомыми женщинами, проявляют к ним внимание, деликатность, оказывают физическую помощь, стараются произвести своим вежливым и культурным общением благоприятное впечатление.

При этом те же наблюдатели указывают, что в семье русские мужчины часто гораздо менее вежливы к своим женам.

В русской педагогической традиции учитель стоит выше учащегося, а преподаватель – студента. Коммуникативное поведение педагога в силу этого имеет черты доминантности, предполагается безусловное выполнение его требований, как связанных с учебой, так и с дисциплиной. Допускается повышение голоса, императивные конструкции.

Вежливость по отношению к ученикам желательна, но не обязательна, может допускать исключения. Учитель в общении с учащимися фактически имеет право повысить голос, эмоциональность речи, допустить резкие и категоричные высказывания, предъявить категоричные требования, может нарушить некоторые общепринятые «взрослые» нормы вежливости.

Невежливость школьников к учителю рассматривается в русской коммуникативной культуре как грубейшее нарушение норм общения и поведения, требующее немедленного разбирательства и наказания.

В русском деловом общении вежливость на протяжении многих десятилетий XX века была желательной (к ней все время призывали – «Продавцы и покупатели, будьте взаимно вежливы!»), но не имела места. Традиционное недовольство иностранцев и россиян уровнем вежливости обслуживающего персонала в России - неоспоримый факт. Вежливость в сфере русского сервиса была и пока остается низкой, хотя в условиях формирования в России рыночной экономики некоторые положительные

сдвиги можно заметить.

Невмешательство, понимаемое как недопустимость несанкционированного вторжения в личную жизнь собеседника, в русской коммуникативной культуре практически отсутствует. Фактически каждый человек в России может заговорить с каждым, с кем захочет, может вмешаться в дела каждого. Это - проявление коллективизма, соборности русского менталитета.

Более того, русским сознанием невмешательство во многих случаях осуждается - считается, что надо вмешиваться, помогать, совершенствовать деятельность и поведение остальных членов общества. Русский человек может искренне возмутиться: «Вчера поскользнулся и упал - хоть бы кто помог, никому и дела нет».

Считается, что надо делать замечания нарушителям общественных норм, общественного порядка - причем и людям незнакомым. Необходимо заботиться о безопасности других, в том числе незнакомых, предупреждать их о возможной опасности.

Внимательное слушание в русской коммуникативной культуре желательно, к нему все время призывают, но фактически оно не соблюдается. Иностранцев удивляет, что на многих официальных мероприятиях русские не слушают официальных докладчиков и выступающих - переговариваются друг с другом, шумят, отвлекаются (Э.Робертс, с. 20). Это связано с представлением об официальном мероприятии как о выполнении некоторого ритуала, в котором надо просто принять участие, отметить. Русский человек не любит официального, формального общения и полагает, что в таких ситуациях главное присутствие, а не внимание.

В межличностном диалоге или в групповой дискуссии русские не могут считаться внимательными слушателями. Коммуникативная доминантность, общительность, эмоциональность, бескомпромиссность часто побуждают их не к слушанию, а к эмоциональному перебиванию собеседника, к стремлению высказать свою точку зрения, настоять на ней, скорее вступить в спор.

Регулятивность как черта русского коммуникативного поведения проявляется в том, что русские люди достаточно часто и в самых разных ситуациях пытаются регулировать поведение окружающих людей - детей (своих и чужих), которым все взрослые постоянно говорят, что надо делать и что не надо делать; знакомых, которым дают советы, как лучше поступать; незнакомых и иностранцев, которым делают замечания, предъявляют определенные требования, предупреждают о неправильном поведении и т.д. Русский человек может открыто, в лицо предъявить претензии как знакомому, так и незнакомому ему человеку, может потребовать соблюдения определенных норм или правил, например: «А почему вы...».

С точки зрения западноевропейцев, русские постоянно вмешиваются в дела других людей. Английский преподаватель сформулировал это так: «В каждой ситуации в России есть кто-то, кто хочет контролировать поведение окружающих. Обычно это бабушки». Американский волонтер «Корпуса мира» замечает: «Каждая бабушка будет тебя ругать, что ты не оделся тепло в холодный день».

Й.Ричмонд так об этом пишет: «Русские выглядят обязанными вмеши-

ваться в личные дела других. Пожилые русские выговаривают совершенно незнакомым молодым мужчинам и женщинам за совершенные ошибки, используя неперсонифицированные обращения *молодой человек, девушка*.

На улицах пожилые женщины выступают с добровольными советами молодым матерям по уходу за детьми. К американским родителям на улице пристали русские женщины и обвинили их в том, что они недостаточно тепло одевают ребенка для суровой зимы. Американец, ребенок которого был одет в изолирующий костюмчик, ответил в этой ситуации тем, что, расстегнув костюмчик ребенка, призвал русских женщин попробовать, насколько теплым было тело ребенка. В коллектиivistском обществе дело каждого - это и дело всех остальных. (Одно из вмешательств, которое приветствуется и ожидается, сообщение, что у вас уши побелели - признак обморожения)» (с.19-20).

Важной формой проявления регулятивности русского коммуникативного поведения является часто реализуемая возможность модифицировать поведение собеседника - делать замечания и давать указания незнакомым: *Пройдите вперед! Уберите сумку! Снимите с плеча свою сумку! Подвиньтесь, пожалуйста, вперед! Станьте в сторону! Подвиньте свои вещи!* и т.д. Немецкая аспирантка, вернувшись на родину после восьмилетней учебы в России (вуз и аспирантура), привыкшая к этой черте русского коммуникативного поведения, просто шокировала своих немецких сограждан в трамваях фразой: «Что вы встали, проходите дальше!»

В целом у русских допустимо (и в какой-то мере принято) регулировать поведение других в следующих областях: в общественном транспорте при посадке и высадке, в процессе поездки; в любой очереди; при рассадке в кино и театре.

Важное проявление регулятивности русского общения - наличие речевого акта замечания и высокая частотность данного типа речевого акта в русском коммуникативном поведении. К примеру, в американском коммуникативном поведении, как показали исследования, речевой акт замечания практически отсутствует.

Принято рекомендовать, как лучше встать или куда сесть в транспорте, как лучше разместить багаж или ребенка (*а вы уберите сумку наверх, а вы возьмите ребенка на колени и др.*).

Русский человек в споре либо просто в условиях некоторого различия во мнениях нередко ведет себя достаточно бескомпромиссно. *Бескомпромиссность* - существенная черта характера и поведения русского человека, ярко проявляющаяся в его коммуникативном поведении.

Русский человек *легко и охотно вступает в спор*. Ср. у Н.А.Некрасова в поэме “Кому на Руси жить хорошо”: “Сошлись семь мужиков, сошлися и заспорили”. Как замечают иностранцы, создается впечатление, что русскому человеку необходимо во что бы то ни стало доказать собеседнику свою правоту, одержать верх в споре, заставить собеседника принять его точку зрения. Как сформулировал это коммуникативное качество русского человека английский учитель, «*русский всегда спорит на победу*».

Для русского человека некомфортна ситуация, когда он не доспорил, не смог доказать свою правоту собеседнику. Русские люди любят наблюдать

споры, обсуждать их, определять, кто лучше спорил, кто над кем одержал верх.

Если точку зрения русского человека не приняли, не признали, этот человек может серьезно расстроиться и даже обидеться. Интересно, что в такой ситуации, когда явно выявилось несовпадение точек зрения у двух людей, они часто считают, что между ними произошла ссора, что они поссорились.

В русской культуре очень многие люди считают, что уступить в споре – значит потерять лицо, оплошать в глазах свидетелей. Человек, который уступил в споре, нередко сильно переживает это сам, а также сплошь и рядом вызывает сочувствие окружающих, которые начинают его успокаивать, утешать – «его все равно не переспоришь, он такой упрямый», «ты все равно прав, ничего ты ему не докажешь» и т.д.

Русский менталитет как бы предостерегает русского человека от частого использования тактики соглашения – «будешь все время соглашаться – совсем тебе на голову сядут». Русское коммуникативное сознание плохо различает принципиальные и непринципиальные споры, фактически считая принципиальным любой спор.

Свою точку зрения русские по сравнению с представителями западной коммуникативной культуры могут выражать достаточно решительно и даже беспапелляционно, без какого-либо смягчения.

Компромиссы русское сознание считает недостойным делом, проявлением беспринципности. З.Бжезинский в 1991 г. на конференции «Запад-Восток» в Эстонии говорил: «Есть разница в психологии западного и восточного мышления. Для Запада компромисс – это естественное состояние, это положительная черта политического деятеля. Для восточного восприятия компромисс граничит с беспринципностью. Стоять до конца, не поступаться принципами считается доблестью и геройством».

Об этом же пишет Й.Ричмонд: «Англо-саксонский институт - сгладить противоречия, примирить противостоящие элементы, достичь чего-либо среднего как базиса жизни» (с.45), для русских это нехарактерно.

Интересно, что выражение *бесконфликтный человек*, как и более *редкое - компромиссный человек*, *человек компромисса* – часто выступают в русском языке как синонимы бесхребетного, беспринципного человека, не умеющего постоять за себя, отстоять свою точку зрения, свои принципы. Очень существенно для анализа коммуникативной бескомпромиссности русского человека понимание и употребление распространенного фразеологизма *«и нашим, и вашим»* – данный фразеологизм носит неодобрительный оттенок, это человек, которого русское сознание не одобряет, не принимает.

И.П.Павлов в своей знаменитой лекции «О русском уме» говорил: «У нас привязанность к идее не сочетается с абсолютным беспристрастием, мы глухи к возражениям не только со стороны иначе думающих, но и со стороны действительности». В целом русская дискуссия очень часто носит некооперативный характер – говорящий думает преимущественно о своих интересах, а не об интересах обоих или всех участников общения.

Интересно, что в русском языке как отражение бескомпромиссности

русского человека существует слово *враг* для обозначения тех людей, с кем у нас конфликт или ссора: во многих других языках это слово не употребляется для обозначения личных отношений, а лишь для обозначения внешнего врага. Американцы, к примеру, предпочитают говорить «человек, который меня не любит».

В русской коммуникативной практике можно открыто, публично высказать свое несогласие с собеседником: «Я против!», «Я не согласен!», «Я с вами никогда не соглашусь!» и под., что невозможно в большинстве западных культур.

Русские коммуниканты готовы идти на открытое противоречие (к примеру, англичане, финны и мн. др. народы всячески скрывают в общении разногласия, стараются, чтобы они не прозвучали открыто).

В русской коммуникативной практике собеседники очень часто не дают друг другу в споре *сохранить лицо* - оставляют его проигравшим, открыто торжествуя победу. Не очень принято после бытового спора или дискуссии успокаивать проигравшего собеседника, обращать внимание на его чувства.

Эмоциональный спор в русской коммуникативной практике очень и очень возможен. Эмоциональный спор может продолжаться у русских намного дольше, чем у других европейцев. При этом эмоциональный спор не предполагает физического оскорблений или нападения друг на друга, после долгого (по западным меркам) эмоционального спора русские могут упокоиться и продолжить разговор более спокойно.

В русском коммуникативном поведении не только категорично формулируются мнения и точки зрения, но и довольно категорично выражается несогласие, что часто используется в русском общении между самыми разными типами собеседников: «Нет!», «Ни за что!», «Ни в коем случае!», «Никогда!» и под.

Русская беседа заметно критичнее западной. Й. Ричмонд отмечает как одну из наиболее заметных для американцев черт русского общения то, что у русских ярко выражена любовь к критике: они очень любят критиковать, практически всё. А. Эртельт-Фийт отмечает, что русские любят критиковать свою промышленность («разве у нас утюги - вот «Филипп - это утюг!»), но не любят, когда их критикуют представители других стран - тогда они сразу выступают на защиту своей страны.

В то время как в Англии, в Германии, в США предпочитают избирать темы общения, которые не могут вызвать конфликта или в рамках которых не принято спорить, принято соглашаться с собеседником (ср. английские разговоры о погоде), в русском общении подобных тематических табу практически нет. Темой разговора может быть любая, интересная хотя бы одному из собеседников тема, независимо от того, может ли она вызвать спор или нет. Лишь у интеллигенции иногда проявляется тактика уклонения от конфликтных тем - «давайте сменим тему».

Наставление на своей точке зрения достаточно широко практикуется в русском общении, это рассматривается как стремление отстоять свои принципы, проявление принципиальности в обсуждении. При этом нередко полностью отвергается точка зрения собеседника - это понимается как форма

отстаивания своих интересов, их защита. Именно в силу этой черты на переговорах в свое время получил прозвище «Мистер Нет» министр иностранных дел СССР А.А.Громыко.

Формулирование проблемы в русском общении часто отличается категоричностью формулировки - *или-или, да или нет*, предлагается выбор из двух возможных вариантов, без каких-либо возможностей сформулировать компромиссное решение.

К инакомыслию в российском обществе и в общении до сих пор относятся преимущественно негативно. Выражение необщепринятой точки зрения очень часто вызывает непонимание, настороженность, а то и враждебность. Это обусловлено соборным менталитетом русского человека - русский человек считает, что большинство, коллектив, общество обычно правы, они не могут ошибаться. Русскому человеку очень трудно идти в своем мнении против коллектива, против большинства, а тем более выражать иную, отличающуюся от господствующей политическую идею.

И.П.Павлов писал, что в России нельзя говорить против общего мнения: «Стоит кому-либо заговорить не так, как думаете вы, и сразу предполагаются какие-то грязные мотивы, подкуп и т.д., стаскивают с места, называют шпионом и т.д.».

К инакомыслившим российское общество относится с некоторой жалостью, как к людям, которые не понимают очевидного. Инакомыслившие - это белые вороны, вызывающие сожаление и какую-то жалость, близкую к подозрению на ненормальность. Не случайно в России политических диссидентов прятали в психбольницы. Й.Ричмонд пишет (с. 21 и след.), что в России индивидуализм подчинен общему благу, а в Америке - это основное, его защищают законы. «В России создание консенсуса, либо в религии, либо в политике, рассматривалось как желательное, а диссиденты считались странными - если иногда не умственно нездоровыми - за отказ присоединиться к нему» (с.30).

Для русского человека скорее характерна склонность поддержать общее мнение, обычай присоединяться к общему мнению, нежели во что бы то ни стало отстаивать против всех свою точку зрения. Он скорее предпочтет уйти из коллектива или компании, где он остался со своим мнением в одиночестве, нежели продолжать защищать свое мнение, оставаясь «внутри».

Для русского человека важен и приоритетен *разговор по душам*. Иностраницу очень трудно объяснить, что это такое. Разговор по душам - это, прежде всего, разговор, начисто лишенный всякой официальности, формальности. Это длинный, без ограничения во времени, эмоциональный разговор двух людей, в медленном, задушевном темпе, негромко. Возможно прикосновение друг к другу. Это разговор преимущественно дома, в неформальной одежде, за едой или выпивкой, когда обе стороны жалуются друг другу на жизнь и клянутся в дружбе и поддержке, взаимопонимании, с обсуждением всех личных, в том числе психологических проблем, включая проблемы личной, интимной жизни. Любые темы допустимы, фактически нет тематических табу, могут задаваться любые вопросы.

Русские люди любят изливать, «выворачивать» душу собеседнику, не

стесняются это делать, не стесняются рассказать о сокровенном, могут излить душу постороннему, попутчику в поезде.

Русский человек раскроет собеседнику свою душу, но любит заглянуть и в душу собеседнику. Существенно, что русский человек может серьезно обидеться, если собеседник не пускает его к себе в душу - таких людей не любят, считают, что они скрывают что-то плохое. Отсутствие разговора по душам в ситуации долгого разговора один на один рассматривается как уклонение от искренности. Русский человек склонен рассматривать такой разговор как коммуникативную неудачу. Человек, уклоняющийся от разговора по душам, оценивается негативно - он неискренен, не отвечает взаимностью. Это подозрительный, "не наш" человек.

В русском общении мало табу, очень широк круг обсуждаемых тем, особенно в сравнении с Западом.

У русских в принципе допустимо спрашивать собеседника о его возрасте, зарплате, о его политических предпочтениях, за кого голосовал или будет голосовать, о его семейном положении, наличии детей, где он живет (вплоть до улицы и номера дома), какая у него квартира, есть ли машина и дача, где и кем работает, если преподаватель - что он преподает и что это за предмет, о родителях собеседника, их здоровье, месте жительства, источнике существования. Допустимы вопросы, касающиеся религиозности человека, можно спросить, к какой конфессии он принадлежит.

Не запрещены (хотя и не очень часты) вопросы о физическом состоянии человека, его росте, весе, заболеваниях. Подобные вопросы крайне редки в западной коммуникативной традиции.

Если на заданные вопросы собеседник не отвечает или отвечает уклончиво, русский человек обижается, причем может об этом прямо сказать: «Вижу, не хотите говорить, где вы работаете», или «Ну не хотите говорить, сколько получаете - не надо».

Иногда в конце разговора русский может внезапно для собеседника сказать – «А так вы мне и не сказали, кем вы работаете» - это означает, что русский человек не получил ответной откровенности и искренности в общении, на которую он рассчитывал, и обиделся.

Для русской коммуникативной культуры нехарактерна беспроблемность повседневного общения, свойственная Западу. Русскими в повседневных разговорах обсуждаются слишком серьезные с точки зрения Запада темы, причем даже в гостях, что особенно удивляет иностранцев. В гостях обсуждаются абстрактные с точки зрения иностранцев темы - воспитание детей, моральные проблемы, политические вопросы, то есть вопросы, не связанные с непосредственными повседневными нуждами и проблемами собравшихся. Э.Робертс отмечает, что русская беседа всегда нетривиальна - через несколько минут предметом обсуждения становится смысл жизни, может начаться философская дискуссия (с.60).

В русском коммуникативном поведении допускается предъявление в общении с другими людьми своих проблем и перекладывание их на другого: «Что мне делать, не знаю», «Что же мне делать?». В таких случаях у русских не принято отвечать как на Западе: «Это твои проблемы», принято дать совет.

предложить помочь.

В бытовом разговоре можно ставить перед собеседником трудные проблемы, задавать вопросы, поднимать темы, которые могут в принципе вызвать несогласие собеседника, привести к спору. У англичан, к примеру, этого делать нельзя, у немцев не принято.

В общении русские постоянно раздают оценки - ситуациям, событиям, третьим лицам и даже своим собеседникам. Эти оценки очень частотны и в равной мере позитивны и негативны. Оценки высказываются открыто, без смягчения, в том числе и отрицательные.

В русском общении по сравнению с западным более часто вспоминают плохое, негативные факты, дают отрицательные оценки. Русский человек любит оценивать по bipolarной шкале – *хорошо/плохо*, без оттенков. В русском общении можно высказать негативную оценку ситуации и оставить с ней собеседника.

Для русского человека в общении характерен коммуникативный пессимизм. Данная черта отмечается большинством иностранцев. Й. Ричмонд отмечает, что у русских принято приветствовать «Как дела», а отвечать «Ничего» - что значит «ничего плохого не случилось». Даже если у кого-то все действительно хорошо, он не скажет ничего более волнующего, чем *ничего* или *нормально*. Только из дальнейшей беседы, пишет Й.Ричмонд, можно понять, что у него действительно все хорошо (с. 41). Русские люди охотно рассказывают о своей плохой жизни приезжающим начальникам, журналистам, американцы - наоборот.

В русском общении традиционно большое место занимают споры.

Русский человек любит спорить по самым различным вопросам, как частным, так и общим. Любовь к спорам по глобальным, философским вопросам - яркая черта русского коммуникативного поведения. Китайская переводчица говорила: «Русские спорят по таким абстрактным вопросам... Например, как надо воспитывать детей, надо ли приватизировать землю». Добавим к этому хрестоматийный спор из поэмы Н.А.Некрасова на тему «Кому живется весело, вольготно на Руси?»

Русского человека легко втянуть в спор, он обычно с готовностью высказывает свое мнение по любому вопросу, если его просят это сделать. Он может вступить в спор незнакомых людей, если считает, что они высказывают неправильную точку зрения.

Русский человек, как уже отмечалось, любит наблюдать и оценивать споры, дискуссии, ссоры, обсуждать и комментировать конфликты, их результаты, кто как себя вел и правильно ли, определять, кто прав, а кто не прав, кто лучше спорил, кто кому сумел доказать свою точку зрения, а кто кому нет. Русские люди нередко обсуждают результаты наблюдавшихся ими споров и конфликтов как спортивные соревнования.

Достаточно распространен в русском общении такой речевой жанр как выяснение отношений - крайне эмоциональный спор с взаимным предъявлением претензий друг другу.

Иностранцы очень удивляются тому, что русские могут горячо спорить друг с другом в гостях, причем эмоциональный накал спора может достичь

очень высокой точки, но к удивлению наблюдателей, такой спор никогда не приводит к обидам или разрыву отношений - спорщики тут же садятся вместе снова за стол и дружеское общение продолжается как ни в чем не бывало. Китайская переводчица говорила: "Китайцы после такого спора год бы друг с другом не разговаривали".

Значительная доля русских споров - споры на абстрактные темы, не относящиеся к сфере непосредственных практических интересов участников спора, не связанные с решением практических задач сегодняшнего дня. Русский спор очень часто не направлен на решение практических задач, в решении которых должны непосредственно принять участие спорящие, а относится к глобальным проблемам, представляющим интерес для страны, человечества, будущего.

Русского человека часто интересует спор не как средство нахождения истины, а как умственное упражнение, как форма эмоционального, искреннего общения друг с другом. Именно поэтому в русской коммуникативной культуре спорящие столь часто теряют нить спора, легко отходят от первоначальной темы.

Обсуждение многих производственных проблем на совещаниях в коллективах часто заканчиваются принятием самых общих решений - *повысить, усилить, обратить особое внимание* и т.д. либо решения принимаются вообще не для выполнения, а для отчета, «для протокола» - чтобы засвидетельствовать, что вопрос обсудили.

В русской коммуникативной культуре комплименту отводится незначительное место. Комплименты используются в основном в среде высокообразованных людей, и то не очень часто; считается также, что сфера комплиментов - это преимущественно сфера общения мужчин с женщинами, и говорить комплименты - преимущественно мужское дело.

Русские коммуниканты в общем и не умеют говорить комплименты, используют чаще всего стандартные формы (в основном - "вы прекрасно выглядите"), а "объекты комплиментов" испытывают трудности в реагировании на сказанный в их адрес комплимент - в русском языке, кроме стандартного *спасибо*, нет речевых формул, которые позволили бы вежливо принять комплимент.

Комплименты многими в русской коммуникативной культуре рассматриваются как проявление неискренности, как неискренняя похвала, в силу чего они как бы оказываются чуждыми русской культуре. В русском общении допустимо разоблачение комплимента - "спасибо за комплимент", "умеете вы сказать комплимент женшине", что сводит действие комплимента на нет.

Доля юмора в общении русского человека весьма значительна. У американцев присутствует повседневный, сиюмоментный юмор ситуаций - они все время немного подшучивают друг над другом дома, в семье, на работе. У русских это не принято, ежеминутное остроумие не в чести - таких людей считают клоунами, несерьезными. Но в других условиях этими же людьми восхищаются - когда все отдыхают, сидят за столом и т.д.

Несмотря на бытовую неулыбчивость, русские - люди веселые и

жизнерадостные, но для проявления жизнерадостности им необходимы определенные условия - хорошее настроение и хорошая компания. В этих условиях русское общение становится очень веселым, доброжелательным и остроумным.

В русской культуре велика роль юмора в общении в гостях. Ценятся веселые, жизнерадостные собеседники, рассказчики анекдотов. Если рассказывали много анекдотов, шутили, все много смеялись - это был прекрасный вечер.

Для русского общения количество тематических и речевых табу по сравнению с западными коммуникативными культурами сравнительно невелико, причем имеющиеся табу скорее мягкие, чем жесткие.

По сравнению с дистанцией в западных коммуникативных культурах русская коммуникативная дистанция описывается как короткая. Й. Ричмонд характеризует русскую дистанцию общения как очень короткую, по сравнению с Западом. Русские, по его наблюдениям, часто стоят ближе 12 дюймов (30 см.), для американцев это некомфортно.

Русская коммуникативная культура относится к контактным культурам. В процессе разговора русские могут дотронуться до собеседника - прикоснуться к его руке, плечу, предплечью, обнять или полуобнять собеседника (особенно младшего, женщину), взять за руку.

Физический контакт с собеседником в русском коммуникативном поведении носит контактно-риторический характер. Все описанные выше невербальные сигналы демонстрируют положительное эмоциональное отношение к собеседнику, стремление продемонстрировать к нему положительное отношение, установить и поддержать контакт с ним, а также усилить эмоциональное воздействие речи, обращенной к собеседнику, придать ей характер достоверности, искренности. Как правильно отмечает Й. Ричмонд, дотрагивание до собеседника у русских означает, что все идет хорошо.

Возможно прикосновение корпусом к незнакомому человеку - в транспорте, в очереди. Это не является нарушением суверенитета личности, как в европейских и американской коммуникативной культурах, а также не является сигналом к каким-либо действиям. Немецкая исследовательница А. Эртельт-Фийт описывала удивление немецких девушек, которых в метро толпа прижала к двум русским молодым людям, но те не стали к ним "приставать" - в немецкой коммуникативной культуре описанная ситуация предполагала бы такую возможность.

«Физический контакт с полными незнакомцами - анафема для американцев - не беспокоит русских. В толпах они дотрагиваются, толкаются, отталкивают, и даже используют локти без особых угрызений совести», пишет Й. Ричмонд (с. 17).

Для европейцев достаточно заметна громкость русского общения. Отмечается, что с повышенной громкостью часто разговаривают подростки, взрослые с детьми, а также русские женщины.

Многими наблюдателями и исследователями отмечается, что русское общение может приобретать очень эмоциональный характер, причем возможны довольно длительные эмоциональные диалоги и споры, во время

которых громкость общения поддерживается на высоком уровне длительное время.

И в заключение – о формировании в русском коммуникативном сознании категории толерантности. Эта проблема наталкивается в современной России на определенные трудности, что во многом определяется особенностями коммуникативного поведения русского человека. Так, способствуют формированию категории коммуникативной толерантности следующие параметры русского коммуникативного поведения:

- стремление к общению – высокое;
- свобода вступления в контакт – повышенная;
- допустимость длительных пауз в общении – недопустимы;
- приоритетность установления дружеских отношений с окружающими – повышенная;
- самоподача личности – диффузная;
- самопрезентация – скромная;
- допустимость саморекламы – отсутствует;
- вежливость к знакомым – высокая;
- вежливость к незнакомым женщинам – обязательна;
- широкота обсуждаемой проблематики – очень широкая;
- коммуникативный идеал – стремление быть выслушанным.

В то же время препятствуют формированию категории коммуникативной толерантности следующие параметры:

- настойчивость при вступлении в контакт – высокая;
- стремление к эмоциональной оценке – повышенное;
- необходимость демонстрации положительных эмоций в общении – отсутствует;
- возможность эмоциональной реакции на реплику собеседника – повышенная;
- возможность внезапного прерывания контакта – повышенная;
- внимательное слушание – обычно не соблюдается;
- доброжелательность приветствия – слабо выраженная;
- бытовая улыбчивость – низкая;
- деловая улыбчивость – отсутствует;
- частотность использования комплиментов – низкая;
- роль светского общения – низкая;
- стремление к неформальному общению – повышенное;
- эффективность официального общения – невысокая;
- вежливость к незнакомым – пониженная;
- вежливость к детям – не обязательна;
- допустимость грубоści в отношении собеседника – заметная;
- допустимость эмоционального спора – повышенная;
- вежливость к учащимся – допускает исключения;
- стремление к модификации поведения собеседника – заметное;
- стремление к модификации картины мира собеседника – заметное;
- допустимость вмешательства в общение и поведение других – повышенная;

внимание к собственной речи – не выраженное;
 внимание к содержанию речи собеседника – заметное;
 прогнозирование результатов своей коммуникативной деятельности – низкое;
 проблемность повседневного общения – высокая;
 степень табуированности – невысокая;
 эвфемистичность общения – невысокая;
 стремление к достижению компромисса – низкое;
 публичное обсуждение разногласий – допустимо;
 ориентация на сохранение лица собеседника – отсутствует;
 допустимость эмоционального спора – повышенная;
 стремление к победе в споре – повышенное;
 сосредоточенность спора на решении проблемы – низкая;
 возможность перебивания собеседника – высокая;
 отношение к инакомыслию – осуждается.

Таким образом, формирование категории коммуникативной толерантности не поддерживается очень многими чертами русского коммуникативного поведения, что свидетельствует о том, что данная категория должна пройти долгий путь, прежде чем она утвердится в русском коммуникативном сознании.

Richmond Yale. From Da to Yes. Understanding the East Europeans. Intercultural press, 1996.

Roberts Elisabeth. Xenophobe's Guide to the Russians. London, 1993.

Павлов И.П.Русская мысль / «Литературная газета». 1991, 31 июля.

Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение. М., 2002.

Е.А.Правда

Некоторые особенности коммуникативного поведения словаков

Несмотря на то, что Словакия – сравнительно небольшое государство (площадь – ок. 49 тыс. км², население – св. 5 млн. чел.), национальный состав её жителей неоднороден.

Кроме собственно словаков, здесь живут также этнические венгры (самое крупное национальное меньшинство), цыгане, чехи, русины, а также некоторое количество украинцев, подкарпатских немцев и представителей других этносов; они также входят в число носителей словацкоязычной культуры, несмотря на то, что в большинстве своём являются билингвами, а все национальные меньшинства в большей или меньшей мере сохраняют свою национально-культурное своеобразие. Для обобщённого обозначения всех

носителей словацкоязычной культуры мы будем использовать название *словаки*, отдавая себе отчёт в достаточной условности такого обозначения в данном случае.

Словацкий язык относится к группе западнославянских языков. Он очень близок, особенно лексически, к чешскому языку, что во многом объясняется исторической близостью двух народов и длительной совместной жизнью в рамках одного государства – Чехословакии. И сегодня понимание чешского языка не составляет для словаков никаких проблем: по словацкому телевидению транслируются без перевода чешские передачи, в кинотеатрах идут фильмы с титрами на чешском языке, при общении чехов со словаками каждый свободно говорит на своём языке.

Словаки являются и ощущают себя маленьким народом. Жить самостоятельным государством они начали лишь в 1993 г.; до этого страна была в составе Венгрии, потом Австро-Венгрии, потом, с 1918 г., – в составе Чехословакии, в которой лишь в 1969 г. стала самостоятельным субъектом Чехословацкой федерации. Современная Словакия – страна с высокоразвитой промышленностью, однако в менталитете людей и в их образе жизни чувствуется сильная традиционная связь с селом, сельским хозяйством, народными обычаями.

Словакия находится в центральной Европе, поэтому словакам свойственны многие черты, типичные для европейцев. Однако в то же время им присущи и многие черты, характерные для славян, а также для народов бывших социалистических государств.

Атмосферу в жизни современного словацкого общества определяет в значительной мере тот факт, что Словакия оказалась сегодня на границе двух в реальности сильно различающихся между собой и идеологически противостоящих друг другу в политическом, религиозном и культурном отношении „миров“: западного, символами которого являются Европейское сообщество и НАТО, и восточного, посткоммунистического, центром и символом которого является Россия. Словаков многое связывает с обоими „мирами“, что определяет специфику мировоззрения, политических взглядов словаков, оказывает влияние на тематику и характер общения.

Страна вытянута с запада на восток, поэтому основные культурные, религиозные, диалектные и др. различия наблюдаются именно в этом направлении: на востоке Словакии ощущается близость к Украине, к православному миру, на западе – близость к Австрии, Чехии, Западной Европе; на юге Словакии, где значительную часть населения составляют этнические венгры, сильно проявляется влияние венгерской национальной культуры. Больше всего черт самобытной национальной словацкой культуры сохраняется в центральной части Словакии.

Верующие словаки в основном католики, поэтому большинство храмов составляют римокатолические костёлы. Кроме них, можно встретить евангелистские, православные и некоторые другие храмы и молельные дома. Всего в стране официально регистрируется наличие 15 различных религий, в основном относящихся к христианству. Влияние христианства заметно и в культуре. Кроме того, в архитектуре сохраняются многие следы

средневековья; в художественном творчестве популярны мотивы рыцарских времён; в научной сфере заметно присутствие латыни как языка научного общения и других элементов стилистики средневековой науки.

Словаки внешне напоминают воспитанных русских, отдыхающих где-нибудь на курорте или в санатории, — спокойные, доброжелательные, вежливые. В общении они производят впечатление людей мирных, серьёзных и тихих, поэтому сообщения в СМИ о слушающихся в стране разборках мафии, убийствах, грабежах и даже о дорожно-транспортных происшествиях воспринимаются поначалу как сообщения о чём-то странном, для этой страны не характерном.

Иностранцы, как правило, считают словаков холодными и непонятными, закрытыми. Один немецкий стажёр, уезжая из Словакии, сказал: „Я прожил в этой стране год, но так и не понял, какие словаки на самом деле, каков строй их мышления, что у них в душе“. А две девушки-африканки, которые живут и учатся в Словакии, в одной телевизионной программе на вопрос, каковы словаки как народ, ответили так: „Менее темпераментные, чем мы, более закрытые, большинство из них не имеет чувства юмора, но вообще милые, приветливые и трудолюбивые“.

Иностранные преподаватели обычно отмечают излишнюю, на их взгляд,держанность словацких студентов на занятиях, их недостаточную активность. Сами словаки объясняют это скромностью, характерной для словаков как народа и специально воспитываемой у детей, особенно у девочек, согласно народным традициям. „Мой народ такой — тихий и скромный“, — сказала о словаках одна преподавательница вуза.

Словаки весьма сдержанны в выражении своих эмоций. На взгляд иностранцев, они иногда странно реагируют на те или иные вербальные стимулы. Россиянину, например, часто бывает трудно определить, какое впечатление произвели его слова на собеседника-словака — то ли обрадовали, то ли испугали. Общей „умеренности“ и „ровности“ словаков соответствует и их речь, которая россиянам кажется очень монотонной, поскольку, в отличие от русского языка, мелодика словацкого языка действительно намного более однообразная.

Однако при всём этом сами словаки считают себя людьми темпераментными. И действительно, если познакомиться с ними ближе, то по прошествии определённого времени становится ясно, что на самом деле они в целом довольно эмоциональны, но словно бы делают вид, что такими не являются. Так, например, при всеобщем заметном уважении к правилам дорожного движения, среди водителей много настоящих лихачей, которые ездят, по словам американцев, „совершенно без правил“ (для сравнения, россиянам словацкие водители кажутся в целом очень спокойными и вежливыми).

Россияне в Словакии сразу замечают довольно высокий, особенно по сравнению с Россией, уровень бытовой вежливости людей, их открытость, выдержанность и доброжелательность в общении. От многих россиян словаков отличает предупредительность и искреннее опасение причинить беспокойство близкнему. Обнаружение причинённого беспокойства, или

только возможности этого, сопровождается у словаков обычно искренней улыбкой и извинениями. Трудно представить себе, чтобы в такой ситуации словак проявил раздражительность или, тем более, агрессивность.

Словаки в основной массе трудолюбивы, исполнительны, обязательны. Им свойственны дисциплинированность и спокойная терпеливость, что проявляется, например, в том, что студенты обычно не хотят делать перерывы даже во время занятия, которое длится подряд три академических часа, или в том, что к началу занятий, т. е. к 7.30 утра, почти не бывает опоздавших.

Важным ценностным ориентиром являются для словаков дом, семья, материальные блага. Это отмечают и они сами, считая себя в этом отношении даже чересчур прагматичными. Любят своё домашнее хозяйство, работу на приусадебных участках, на дачах и огородах. Словачки, как правило, хорошие хозяйки, любят готовить, обмениваться кулинарными рецептами.

Встреча, приветствие, установление контакта

Приветствие у словаков в соответствующих ситуациях обязательно. Прежде всего, здороваются при встрече со знакомыми. В пригородах, микрорайонах сельского типа на улице при встрече здоровятся и многие незнакомые, в основном люди старшего поколения. В городах с незнакомыми часто здороваются, начиная какой-либо разговор. В учреждениях обычно здороваются с людьми, ожидающими приёма, т. е. с очередью.

Способы установления контакта в целом более формализованы, чем у русских, но не настолько, как, например, у англичан. В очень коротких разговорах с незнакомыми на улице (при выяснении, который час, не проходил ли тот или иной автобус и т. п.) для установления контакта обычно ограничиваются фразами: „Извините...“ или „Вы не знаете...“; причём для привлечения внимания часто используется и форма, эквивалентная русскому „Пожалуйста“. Формула приветствия используется для установления контакта обычно в том случае, если предполагается разговор, который кажется более значительным или должен быть длиннее, чем диалог из вопроса и ответа (заканчивается такой разговор обычно формулой прощания). Вообще формулы приветствия используются для установления контакта чаще, чем у русских. При радостной встрече хороших знакомых возможен двоекратный поцелуй.

Обращение

Общепринятой уважительной формой обращения к незнакомым является формы *pan* (к мужчине), *pani* (к женщине), *mladý pán* (к молодому человеку), *mladá paní*, (к молодой женщине), *slečna*, иногда *panenka* (к юной девушке), *damy a pane* (к смешанной публике). При уважительном обозначении коллег или при обращении к официальным лицам, к тем или иным работникам используется формула *pan/pani+название должности (звания)/фамилия* (напр.: *pán riaditeľ* („пан директор“), *pán inžinier*, *pani učiteľka*, *pani Kováčova* и под.). При этом для россиян звучат удивительно, например, такие нормальные для Словакии обращения, как „пани уборщица“, „пани продавец“, „пан вахтёр“, „пан повар“, „пан шоффёр/водитель“ и под.

Дети при обращении к взрослым используют формы *teta* („тётя“), *ijo* („дядя“). „Тётей“ также могут назвать более молодые люди пожилую женщину сельского типа, продающую что-либо на базаре.

К группе детей обращаются: *Milé deti!* („Милые дети!“); *Miln īiaci!* („Дорогие ученики!“) или просто *Deti!*, *Žiaci!*

Знакомство

При первом знакомстве обязательно рукопожатие. Третье лицо, оказавшееся присутствующим при разговоре, обычно представляют, знакомят с собеседником. При знакомстве могут сразу договориться о менее официальном общении. Так, например, экскурсовод Братиславского турбюро, представляясь участникам экскурсии, сразу же разрешила называть её просто по имени.

Прощание, расставание

Уходя, всегда прощаются. Расставаясь в конце недели, обязательно желают друг другу приятных, хороших выходных (то же самое перед отпуском или в др. подобных ситуациях). Продавцы в некоторых частных магазинах или предприятиях услуг иногда первыми прощаются с покупателями, стараясь проявить вежливость и создать хорошее впечатление о магазине.

Просьба

В отличие от деловых распоряжений, просьбы личного характера делают обычно мягко, вежливо, иногда застенчиво. Если о чём-то просят незнакомца, то обычно тоном „по-дружески“, т. к. уверены заранее в возможной любезности и согласии помочь.

Извинение

Слова извинения произносятся в каждом случае, когда причиняется беспокойство ближнему, нарушается его личное пространство. Россиян, например, приятно удивляет, что одним из таких случаев считается нечаянно пересечь кому-либо „перед носом“ путь – при этом словаки, как правило, всегда извиняются.

Поздравление

Как правило, устное поздравление дополняется вручением цветов, подарка.

Запрещение, отказ

В общественных местах можно увидеть множество запретительных объявлений, регулирующих поведение людей. Такие объявления могут иметь как словесную, так и пиктографическую форму.

Словесные запретительные надписи имеют, как правило, довольно категоричный характер, ср.: в городском транспорте у переднего сидения, около входа – „*Запрещается сидеть детям младше 12 лет*“; в поликлинике на дверях кабинета – „*Не мешать стуком*“; при входе в университетскую

библиотеку – „*Без действительного читательского билета ВХОД в книгохранилище СТРОГО ВОСПРЕЩЕН!*“.

Категоричный характер имеют и пиктограммы. Чаще всего они информируют о запрете пользоваться мобильным телефоном, входить с мороженым, с рюкзаком за плечами, на роликовых коньках и представляют собой перечёркнутое красным крестом схематическое изображение соответствующего предмета. Такие запретительные рисунки помещают обычно на входных дверях автобусов, банков, театров, магазинов и т.п. Заметим, что соблюдаются главным образом запрещения, касающиеся мороженого и роликовых коньков.

Реже встречаются надписи, выражающие запрет менее категорично; ср.: в городском автобусе – „*Не выходите в передние двери*“, „*Не просите водителя остановить в неподложенном месте*“; в поликлинике на дверях кабинета врача – „*Пожалуйста, не стучите и положите медицинскую карту на полочку*“. Иногда можно встретить и запрещения, выражаемые косвенно, иносказательно – и, в результате, более мягко, ср.: в городском автобусе – „*Спасибо, что не выходите в передние двери, а проходите дальше в салон*“.

Замечание, побуждение

Замечания, указания незнакомым делать в целом не принято. По рассказам студентов, иногда люди старшего поколения делают замечания молодым людям. В магазине, на почте или в др. подобном месте иногда случается, что какой-либо посетитель делает замечание продавцу или служащему за медленное обслуживание или под.

В свою очередь, посетитель того или иного учреждения, места общественного пользования может получить замечание от служащего, если нарушит какие-либо установленные там правила (например, в банке, если, ожидая своей очереди к окончку кассы, зайдёт за ограничительную линию, если в общественном туалете оставит за собой беспорядок в кабинке, если в автобусе захочет выйти через неподложенную дверь и т.п.).

В других ситуациях незнакомым людям делают только замечания-предупреждения (если, например, упала какая-то вещь, что-то течёт из сумки, если грозит какая-либо опасность или неприятность и под.), однако реже, чем в России. Замечания о неполадках в одежде не делают.

Надписи, регулирующие поведение людей в общественных местах, также, как и запретительные, бывают более или менее категоричными. Чаще всего они имеют вид указаний-призывов (напр., в туалетах – „*Соблюдайте чистоту*“; на дверях в буфет – „*Не хлопайте дверями!*“); указаний-инструкций (напр., на автоматах с кофе и напитками – „*Выберите напиток, опустите монеты...*“; на дверях кабинета врача – „*Пациенты, кладите медицинские карты на полочку*“); указаний-просьб (напр., на дверях библиотеки – „*Пожалуйста, закрывайте двери!!!*“).

Как правило, в частных коммерческих заведениях указания-просьбы формулируются более мягко, вежливо, имеют вид увещеваний (напр., в Интернет-кафе – „*Просим уважаемых посетителей при разговорах по*

радиотелефону выходить из комнаты, чтобы не мешать окружающим. Благодарим за понимание“).

Фразой *благодарим за понимание* вообще часто заканчиваются разного рода объявления. Иногда объявления побудительного типа формулируются в иносказательной, юмористической, а часто при этом и в стихотворной форме. Ср., напр., в общественном туалете – объявление в стихах, которое имеет смысл: „*Уважаемые посетители, ведите себя культурно, ведь о культуре народа можно судить по культуре туалета*“; на калитке частного дома – рисунок собачьей морды и надпись: „*Здесь сторожу я*“ или „*Буду через 5 секунд*“; в междугороднем автобусе при входе несколько надписей, из которых одна, в виде афоризма, имеет смысл „*Лучше потерять в жизни минуту, чем из-за минуты потерять жизнь*“ – и две, в стихотворной форме, имеют смысл „*Аккуратно кушай -- не рассыпай*“ и „*Пусть тебе придёт в голову заглянуть под сидение*“ (т.е. не забывайте вещи, проверяйте, не упало ли что-либо у вас под сидение).

Устные побуждения делаются довольно доброжелательно. Так, например, в городском транспорте в час пик, когда едет много студентов, водитель или какой-нибудь входящий взрослый, постарше, может на остановке при входе сказать громко фразу типа: „*Пройдите в салон, потеснитесь немножко!*“, а в междугороднем автобусе водитель может сказать входящим: „*Подождите, здесь еще выходят/не все вышли*“.

Соболезнование

Продаются специальные открытки для выражения соболезнований.

Комpliment

Словаки реагируют на комплименты примерно так же, как и россиянки, – смущением, выражением несогласия и под.

Общение со знакомыми

Со знакомыми обычно общаются радостно, предупредительно, вежливо.

Переход на ты в общении между знакомыми имеет определённый ритуал, более или менее строго соблюдаемый. Первым предлагает перейти на ты обычно старший по возрасту (или по положению), „*договор*“ закрепляется рукопожатием, к которому может добавиться двоекратный поцелуй, рюмка алкоголя или под.

Широко распространено обращение к хорошим знакомых, друзей называют обычно уменьшительными именами (*Gabika, Katka, Elenka, Miloš, Jožko*).

Общение с незнакомыми и малознакомыми

Словаки общаются с незнакомыми доверчиво, рассчитывая на ответное доверие и любезность. Они довольно внимательны к окружающим и относятся к ним на основе принципов „*не вмешиваться в чужие дела*“, „*не помешать*“, „*не нарушить личного пространства ближнего*“. Однако при этом чувствуется

и готовность помочь. Люди старшего поколения даже иногда не ждут просьбы о помощи, а проявляют предупредительность по собственной инициативе.

Светское общение словаки, как и русские, считают неискренним (у них есть поговорка: „кто говорит о погоде, с тем не о чем говорить“), но вообще разговоры „ни о чём“ расценивают как необходимые в некоторых ситуациях – например, если нужно поддержать разговор с малоинтересным или неприятным собеседником.

Словаки общительны, и начать с незнакомцем разговор о житейском для них довольно естественно. Однако в целом это бывает нечасто и, как правило, начинают такие разговоры люди старшего поколения.

Общение между мужчинами и женщинами

В общественных местах мужчины, как правило, пропускают женщин первыми пройти в дверь и т.п.; у мужчин, особенно старшего поколения, по отношению к женщине принята форма приветствия или прощания *Bozkávat (ruký)!* (букв. „Целую (руки)!“). Этим знаки внимания мужчин к женщинам на публике обычно ограничиваются.

Какие-либо заигрывания с женщинами, а тем более приставание к ним на улицах, в общественных местах – это для Словакии совершенно не типично. При этом многие молодые парочки (разнополые) в общественных местах свободно обнимаются и целуются.

При женщинах не принято употреблять нецензурные выражения.

Общение с иностранцами

Несмотря на то, что в целом словаки лишены ксенофобии и у них чувствуется „привычка к интернационализму“, на бытовом уровне и в „политических“ разговорах неприязнь проявляют к цыганам, венграм.

К русским отношение неоднозначное. С одной стороны – „чувство традиционной дружбы“, подкрепляемое тем, что практически все люди среднего и старшего поколений в своё время в обязательном порядке в школе много лет учили русский язык, были в пионерских и комсомольских организациях, которые равнялись на СССР, в обществах чехословацко-советской дружбы и под. Поэтому люди этих поколений сразу распознают в иностранце русского, даже если он говорит по-словацки, и стараются хотя бы немного о чём-то с ним поговорить, вспоминают старые времена, а иногда даже выражают сожаление в связи с тем, что эти времена прошли. С другой стороны, после „бархатной революции“ 1989 г. социально-политические ориентиры в стране изменились, и молодёжь в целом относится к России и русским довольно настороженно.

Особой формы обращения к иностранцам иной социальной системы в словацком языке нет.

Общение с соседями

Соседей называют за глаза и обращаются к ним вежливо словами: *pán sused* („пан сосед“), *pani suseda* („пани соседка“).

Общение со старшим поколением

С незнакомыми людьми старшего поколения словаки ведут себя уважительно; в транспорте им обычно уступают место, пропускают впереди себя в дверь и т.д.

Общение с родственниками, в семье

На рабочем месте многие держат фотографии детей, внуков, любимых племянников.

Публичные скандалы между родственниками происходят в Словакии только у цыган.

Общение с детьми

С детьми общаются довольно строго, однако, в целом, по-доброму. Детям, в том числе и маленьким, родители в общественных местах и на улицах обычно не позволяют мешать окружающим, всегда извиняются, если ребёнок тем или иным образом „помешал“ – подошёл слишком близко, пересёк линию движения встречного прохожего, дотронулся до него или под. Обычно не требуют, чтобы ребёнку уступили место в транспорте. При детях не говорят о сексе.

Общение с гостями и в гостях

Словаки очень гостеприимны, радушны, хлебосольны. С удовольствием угощают блюдами домашнего приготовления, дарами природы, выращенными в собственном саду или огороде.

Общение с коллегами в коллективе

Общение подчёркнуто вежливое. Значительная часть общения между начальством и подчинёнными, между коллегами происходит, по крайней мере в вузах, в письменной форме – сотрудникам то и дело вручаются разного рода распоряжения, уведомления, извещения, приглашения и проч., которые пишутся обычно в деловой, но вежливой форме (например, уведомление-приглашение на предстоящее заседание кафедры).

В учреждениях налажена система внутренней почты. Во многих случаях письма передаются запечатанными или хотя бы вложенными в конверт (в конверте принято оставлять, например, у вахтера для кого-либо ключи). Часто пишутся разного рода записки.

В одном коллективе коллеги, чувствующие расположение друг другу, могут называть друг друга по имени и общаться между собой на ты, независимо как от возраста, так и от разницы в возрасте. Распространено также общение на вы и по имени, при этом даже с уменьшительной формой имени.

Общение в транспорте

Городской транспорт в Словакии ходит по расписанию, которое можно узнать из табличек, вывешенных на остановках, или из специальных расписаний, продаваемых в газетных киосках. В связи с этим обычными

вопросами, задаваемыми на остановках, являются вопросы, который час и не проходил ли ещё тот или иной автобус.

В маленьких городах обычно имеются только автобусы и такси. В автобусах существуют довольно строгие правила поведения: входить в салон можно только через переднюю дверь, где при входе есть компостер. При этом водитель, который является одновременно и кондуктором, и отчасти контролёром, не сходя со своего сидения, проверяет проездные билеты и удостоверения, следит за тем, чтобы входящие пассажиры компостировали проездные талоны, и продаёт их тем, у кого их нет. Выходить из автобуса через передние двери нельзя – об этом предупреждают надписи.

В Братиславе, где по городу ходят автобусы, троллейбусы и трамваи, водители в них ни продажей талонов, ни контролем их компостированием не занимаются, и входить и выходить в транспорт можно в любые двери.

В транспорте не принято разглядывать окружающих. Здесь обычно не спрашивают: „Вы выходите?“, но в принципе и при необходимости такой вопрос возможен.

Не бывает необходимости просить: „Разрешите пройти!“, потому что принято следить за окружающими и предупредительно сторониться, пропуская человека, если видно, что он хочет пройти или готовится выходить. Возможны разговоры, обычно довольно тихие, в том числе и с незнакомыми.

Водитель ничего по радио не объявляет, так как обычно салоны автобусов, троллейбусов и трамваев оснащены световыми табло и множеством различных регулирующих поведение надписей, а отклонений в маршрутах не бывает или они чётко обозначены в расписании.

Система движения городского транспорта довольно показательна для Словакии. Приблизительно такой же порядок существует и в других сферах жизни в стране, и люди считают это нормальным. Приведём следующий пример. В кулуарах IX Конгресса МАПРИЯЛ, проходившего в августе 1999 г. в Братиславе, одна преподавательница-словачка из оргкомитета возмущалась тем, как излишне беспокойно и недоверчиво, по её мнению, вела себя российская преподавательница, которая несколько раз переспросила, действительно ли она может оставить свои вещи в указанном ей месте. Для того, чтобы объяснить словацкой коллеге поведение россиянки, пришлось рассказать ей для примера о том, как в России может ходить городской транспорт: сверху на лобовом стекле автобуса может быть написан один номер, внизу может стоять другой номер, но при этом автобус может идти по третьему маршруту, о чём водитель объявил (или не объявил) по радио. Словацкая коллега была этим рассказом поражена и воскликнула: „Какой ужас! Но ведь так невозможно жить!“.

В междугороднем транспорте иногда задают вопросы водителю для уточнения маршрута, т. к. в один и тот же город автобус может идти разными маршрутами, о чём бывает трудно узнать из расписания или из надписей на автобусе. Билеты на большинство маршрутов продаются у водителей. Объявлений по радио об отправлении автобусов на автовокзалах не делается, так как информация написана на специальных табло со множеством условных

знаков и в специальных брошюрах или может быть получена в справочном бюро.

Общение на улице

Выяснить отношения, чем-либо громко, эмоционально и „на публику“ возмущаться, не принято. На перекрёстках обычно большинство людей терпеливо ждёт зелёного света.

Общение в магазине

В маленьких магазинчиках, особенно частных, а также на рынке продавцы обычно сразу проявляют заботу о покупателе, обращаясь к нему с фразой: „Пожалуйста, что бы вы хотели?“. В супермаркетах покупатели обычно терпеливы и толерантны друг по отношению к другу, особенно при заторах в узких проходах между полками, в очереди в кассу.

Дежурная, вежливая улыбка у продавцов нормой не является.

Общение в очереди

В очередях никогда не спрашивают, кто последний, а просто подходят и становятся в хвост очереди, запоминая предыдущего. Подходить близко к стоящему впереди, „нависать“ над ним не принято. Дистанция особенно велика, если ожидают около банкомата (в банках есть правило ожидать на расстоянии от окошка за специальной линией, начертенной на полу). В очередях не принято и торопить стоящего впереди.

Если надо отойти из очереди, могут попросить стоящего сзади „подержать очередь“ – обычно в форме вопроса: „Вы не подержите мне очередь?“ Вообще отходить из очереди не принято.

Если очередь „рассыпана“, не стоит цепочкой или, например, несколько человек сидят у дверей кабинета, то пришедший обычно выясняет, есть ли очередь и за кем он, или запоминает всех тех, кто впереди.

Общение в учреждении

Постучав в дверь, не принято самому её открывать, а надо дождаться приглашения изнутри, которое делается голосом: *„Dalej!“* („Входите!“) или появлением в дверях хозяина кабинета. Обязательность соблюдения данного правила тем меньше, чем менее „посторонним“ является посетитель.

Общение в медицинском учреждении

В государственных поликлиниках общение более формализовано, чем в аналогичных заведениях в России. Объясняется это во многом тем, что там отсутствует регистратура, и запись на приём, передача медицинских карт осуществляется непосредственно у кабинетов.

Около многих кабинетов находятся полочки, на которые больные должны кладь свои медицинские карты. Эти карты периодически забирает медсестра из кабинета, которая потом вызывает больных. Некоторые врачи-специалисты ведут приём по талонам с номерками, организующими очередь. Такие номерки выставляются в начале приёма перед кабинетом в специальных коробочках, и

больные берут их по мере прихода. Обо всех правилах пациенты могут узнать из многочисленных объявлений, висящих на дверях, или спросив сидящих в очереди людей.

Деловое общение, общение с официальными лицами

Вероятно, в силу своей обязательности и исполнительности, словаки обычно не повторяют просьб и не требуют их повторения по отношению к себе (в крайнем случае просят напомнить), а обещания стараются выполнять точно и в срок, о чём обычно информируют заинтересованное лицо.

Деловые распоряжения, сообщения о необходимости адресатом речи выполнить какую-то работу, поручение и т. п. передают обычно довольно серьёзным, строгим, подчас даже безаппеляционным тоном, что является, очевидно, привычным средством речевого воздействия и повышения эффективности речи. Иностранцы отмечают также, что и новости по словацкому радио читаются обычно очень серьёзно, с драматическим пафосом (россиянам они напоминают сводки Совинформбюро, которые читал Ю.Левитан).

Если людей связывают деловые отношения, но при этом они хотят выразить своё расположение, то могут при обращении использовать форму *pan/pani+имя/деминутив имени (pani Julka, pani Vierka и под.).*

Публичная речь

Особенности имеет, например, публичная речь на торжественных церемониях в университете, посвящённых началу учебного года, вручению дипломов или под. Такие церемонии проходят в стиле учёных собраний средневековых университетов, поэтому президиум – ректор, проректоры, деканы, заместители деканов, католические священники и др. участники бывают одеты в мантли и в выступлениях используют для называния друг друга или обращения друг к другу специальные формулы этикета типа *его(её)/ваша честь, его/ваше преосвященство* и под.

Ведение спора

В разговоре словаки меньше, чем русские настаивают на своём, чаще, чем русские, используют антиконфликтную тематику общения. Однако инакомыслие допускают с трудом.

Общение в праздники

С политическими праздниками (национальными, международными), как правило, друг друга не поздравляют.

Общение в кафе, ресторане

Перед едой словаки намного чаще, чем русские, желают друг другу приятного аппетита, делают это и тогда, когда кто-то только собирается есть.

Общение в школе и вузе

В средних школах ученики обращаются к преподавателям: *pán učitel'* („пан учитель“), *paní učitel'ka* („пани учительница“). В вузах принято обращаться к преподавателям „по званию“: *pán magister*, *pán docent*, *paní doktorka*, *paní profesorka*. Так же обращаются к преподавателям и студенты. Преподаватели обращаются к студентам по фамилии или по имени. К малознакомому преподавателю другой преподаватель может обратиться: *pán (paní) kolega (kolegyná)*. К декану преподаватели обращаются: *pán dekan* (*paní dekanka*), к ректору – *pán rektor*.

Вежливость в общении между педагогами и учащимися традиционно основывается на авторитаризме учителей, но в последнее время ситуация изменяется, т. к. в основу кладутся принципы равноправного партнёрства.

В школах изучается предмет „Поведение в обществе“, который предусматривает обучение правилам вежливости, этикету, манерам и т. п.

Общение в письмах

Согласно европейской традиции, на письмах или открытках, посылаемых по почте, сначала указывается имя получателя, а потом уже улица, дом, город. Перед именем обязательно пишется хотя бы *Vážený pán* („уважаемому пану“) или *Vážená paní* („уважаемой пани“); кроме этого, при имени как правило указываются, если они имеются, учёное звание и учёная степень адресата – напр.: *Vážená paní Doc.PhDr Eva Tučná, CSc*. Если пишущий не знает точно всех титулов адресата, он может вместо них написать: *Titl.* или *P.T.* (напр.: *Titl. Eva Tučná* или *Titl. Eva Tučná, CSc*).

Телефонное общение

Как правило, по телефону общаются вежливо. Разговор начинается обычно с самопредставления, а заканчивается фразой, которая буквально означает: „До услышания“.

Приглашение, планирование, договор о встрече

Словакам не свойственна суетливость; как правило, они не перепроверяют договорённости, не переспрашивают, чтобы в чём-либо удостовериться. Однако, с другой стороны, они и не слишком пунктуальны при выполнении договоров о встречах.

Алкоголь и общение

Называя четыре главные темы разговоров у мужчин, словаки ставят алкоголь на второе место после политики (остальные две темы – это деньги и женщины).

Юмор и общение

Словаки любят пошутить, посмеяться, развлечься, однако обязательным компонентом общения юмор у них не является. По сравнению с русскими, они общаются более серьёзно, не проявляя склонности иронизировать, подтрунивать друг над другом или под.

Физический контакт при общении не принят.

Положение тела при общении существенно не изменяется.

Невербальная демонстрация уважения к собеседнику

Словаки обычно внимательно смотрят на собеседника, не позволяют себе отвлекаться до тех пор, пока в разговоре не наступит пауза. Обычно не перебивают говорящего, хотя сами оценивают это так: мы знаем, что по этикету нельзя перебивать кого-л. в разговоре, но иногда перебиваем.

Улыбка в общении

Улыбка обычно мотивирована чувствами или соображениями вежливости. Принято отвечать на улыбку улыбкой.

Контакт взглядом

Взгляд является у словаков контактоустанавливающим средством. Словаки довольно чувствительны к обращённым на них взглядам. Не принято задерживать взгляд на незнакомом человеке более 1–2 секунд. Более длительный взгляд встречного на улице воспринимается как сигнал того, что следует поздороваться, а в учреждении, в магазине или т. п. – как желание посетителя обратиться к служащему.

Молчание в общении

Терпеливо относятся к молчанию, необходимому, например, для обдумывания чего-либо, но в целом немотивированного молчания в разговоре стараются избегать.

Жесты в общении

Для словаков характерна сдержанность в экспликации эмоций невербальными средствами. Это хорошо заметно, например, в том, как говорят и ведут себя люди перед телекамерой: и у ведущих программ, и у людей, дающих интервью, участвующих в беседах, наблюдается минимум мимики и жестикуляции.

Символика цветовых оттенков

Цвет траура – чёрный. Свадебное платье – белое.

Символика подарков

Любят делать друг другу подарки, между родственниками и друзьями к праздникам или по другим поводам приняты дорогие подарки. Часто реагируют на подарки смущаясь, вежливо отказываясь, говоря: „Да зачем вы (ты)“, „Зачем вы беспокоились?“ и под.

Символика манеры речи

В среднем словаки говорят не очень громко, в среднем темпе.

Символика актуальных примет и суеверий

Стучат по дереву, сказав о чём-то, что боятся сглазить. Считают, что удариться локтем – к гостям, что много мальчиков рождается к войне.

К сказанному можно добавить, что в разговоре словаки внимательны, сдержанны, скромны, порой застенчивы, серьёзны. Как и русские, они, по их собственным оценкам, несамокритичны. Так же, как русские, могут поговорить с незнакомцем „по душам“, но при этом расскажут о себе меньше, чем русские. Так же, как и у русских, разговоры часто переходят на философские темы. Самопрезентация в целом сдержанная, поэтому считают, что молодых людей надо учить самопрезентации, т. к. это необходимо в современной жизни.

Собинникова В. И. Введение в славянскую филологию. Воронеж, 1979.

Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2000.

Стернин И. А. Русское коммуникативное поведение//Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX в. Воронеж, 2000. С. 95–128.

Формановская Н., Тучны П. Русский речевой этикет в зеркале чешского. Москва–Прага, 1986.

Л.В. Попович

Жесты как невербальные и фразеологизированные далогемы русских и сербов

1.0 Вербальные и невербальные диалогемы как единицы коммуникативного поведения.

При рассмотрении проблем этнографии общения, коммуникативного поведения в определенной культуре, исследования данной проблематики обычно начинаются с выделения соответствующих коммуникативных единиц, реализуемых в этом общении.

Набор единиц общения состоит из определенных шаблонных вербальных и невербальных средств. К таким коммуникативным единицам относят:

1. стандарты и атрибуты коммуникации - минимальные самодостаточные элементы, способные актуализировать то или иное межличностное или межгрупповое общение; к ним можно отнести такие элементы, как, например, идти под руку, приподнимать шляпу, усаживать за стол и т.п.;

2. диалогемы - элемент, соединяющий коммуникативные действия адресанта (коммуниката) и ответную реакцию (адресата). Это могут быть как

однонаправленные (имеющие один фрейм в качестве основы), так и разнонаправленные взаимодействия, например: фразеологизм может быть понят или не понят собеседником, протянутая при встрече рука может быть пожата или нет в зависимости от наличия данного образца в культуре коммуникантов и/или индивидуальном наборе образцов поведения в соответствующей ситуации;

3. диалоги - совокупность диалогем, выражающих законченное взаимодействие, т.е. процесс, в котором контакт устанавливается, поддерживается и прекращается;

4. звенья коммуникации - приуроченные в каждой национальной культуре к тем или иным ситуациям предпочтительные темы общения, с учетом специфики санкционированных и запретных тем;

5. дискурс - цепь коммуникативных единиц, с помощью которых реализуется тот или иной замысел: дискурс повседневного общения, дискурс лекции, дискурс публичного выступления, дискурс свадьбы, дискурс дня рождения и т.п. Данная типология заимствована у Б.Х.Бгажнокова (Бгажноков 1978, с. 6). Известны и другие классификации коммуникативных средств, в их числе теоретический аппарат описания коммуникативного поведения И.А.Стернина (Стернин 2000, с. 10-14).

Нас в данной типологии особенно привлекает идея анализа диалогем в виде социально заданных моделей, матриц взаимодействия. В качестве таковых можем рассматривать и жесты как невербальные диалогемы, своей стереотипированностью создающие основу для фразеологизмы - вербальных диалогем, понимание которых тесно связано с комплексом экстарлингвистических факторов, в том числе с усвоенностью определенного жеста. Например: русское выражение *ударить по рукам* - фразеологизированная вербальная диалогема, основана на невербальной - жесте национального характера, связанном с закреплением договора и т.п.

Определенный текст или дискурс рассматривается в качестве инокультурного, если в нем наличны диалогемы, кажущиеся реципиенту странными или требующими интерпретации. Такие диалогемы ведут к созданию у реципиентов «коммуникативных лакун» Термин принадлежит И.Ю.Марковиной и Ю.А.Сорокину - авторам теории коммуникативных лакун (Марковина, Сорокин 89, с. 102).

Лакуны могут быть национально-психологического характера, а также происходить из специфики различных видов деятельности, несовпадения культурных пространств, в которых существуют коммуниканты. Описание жестовых диалогем с точки зрения их национальной специфики, но обязательно с учетом социальных, деятельностных и других факторов, влияющих на специфику коммуникации, может послужить интересным примером рассмотрения проблем межкультурной коммуникации.

Существует множество примеров национальной обусловленности специфики жестов. Так, например, для того, чтобы выразить одну и ту же интенцию - похвалить качество вина, представители разных национальностей прибегнут к разным невербальным диалогемам: сицилиец ушипит себя за щеку, американка кончиками пальцев прикоснется к уголку рта, бразилиец

потянет себя за ухо, француз поцелует два пальца, а колумбиец оттянет нижнюю часть глаза (Губерина 1952, с. 5).

Известно также, что частотность употребления жестовых диалогем в коммуникации, а также энергичность их выполнения свидетельствуют о национально-психологической специфике коммуникантов. Например, исследователи специфики финского коммуникативного поведения по сравнению с русским отметили, что отсутствие невербальных диалогем у финнов является показателем их сдержанности как специфической черты этого северного народа (Сретенская, Турунен 2000, с. 21). Известно также, что в течение одного часа общения мексиканец использует в среднем 180 жестов, француз - 120, итальянец - 80, а финн всего один жест (Кочерган 2000, с. 42). Как заметили русские исследователи, жест 'БОЛЬШОЙ ПАЛЕЦ' есть в большинстве европейских культур, но в русском общении он выполняется более энергично (Стернин 2000, с. 15) и т.п.

Особенно привлекательным кажется нам анализ вербализации жестовых диалогем и их закрепления в устойчивых словосочетаниях, значение которых порою утрачивает связь с первичной мотивированностью, чаще всего сохраняя описательный характер, связанный с определенным жестом, позой или мимикой.

В устной коммуникации одной жестовой диалогемы зачастую достаточно для того, чтобы передать смысл интенции говорящего, но вербализация такой диалогемы создает двусмысленность. С одной стороны, речь идет о дескриптивном употреблении синтагмы, с помощью которой описывается определенное движение тела или выражение лица, а с другой - синтагма приобретает одномерное значение, связанное с первичной иллокуцией самого жеста (Мршевич 1987, с. 37). Например: *ударить по рукам* - 'договориться', *подставить плечо* - 'помочь', *кинуть головой* - 'согласиться' и т.д. Как только устанавливается такая связь между содержанием синтагмы и соответствующим значением, немаркированное выражение становится фразеологическим, причем фразеологизация синтагмы сопровождается определенными синтаксическими изменениями семантической структуры ее членов (Попович 2003а).

Предметом настоящей статьи являются отдельные аспекты национально-психологической специфики употребления жестовых диалогем русскими и сербами, а также способы вербализации отдельных жестов, поз и выражений лица и их закрепление в качестве устойчивых вербальных диалогем - фразеологизмов.

Материалом для данной статьи послужили наблюдения за неверbalным поведением русских, проведенные сербскими студентами. Эксперимент провели студенты первого курса кафедры славистики филологического факультета Белградского университета в рамках проекта «Невербальные диалогемы в коммуникативном поведении славян по сравнению с другими народами» (Белград 2002/2003), которым руководила автор данной статьи. Результаты эксперимента публикуются в данной форме впервые. Автор пользуется возможностью поблагодарить руководителей секции по описанию жестикуляции русских Сунчицу Дрецуна, Марию Мрджу.

В эксперименте был задействован механизм культурной трансляции Я-ОН (одна из моделей человеческой коммуникации в системе культуры, выделяемой наряду с моделью «Я-Я» Ю.М.Лотманом (Лотман 1973, с.227-243). Речь идет о перемещении от одного человека к другому заданной информации (в модели «Я-Я» принимающий и передающий совпадают), при котором передача информации происходит в коде первой культуры, а ее прием - в коде второй. В таком эксперименте наблюдатели автоматически сравнивают исследуемое коммуникативное поведение со своей национально-психологической нормой и выделяют специфические элементы на всех уровнях общения - информационном, социальном, прагматическом.

2.0 Иллокутивная и референциальная наполненность жестовых диалогем.

Если верbalная коммуникация допускает так называемые «неполноценные коммуникативные ситуации» (Падучева 1996, с. 208), в которых высказывание отделено от говорящего и отсутствует с точки зрения адресанта синхронный адресат, невербальные жестовые диалогемы могут употребляться только в полноценных интеракциях. Именно этот факт отодвигает жест на второй план по отношению к вербальным знакам.

С началом изучения разных знаковых систем в трудах Чарльза Морриса (Моррис 1971) жест как знак занимает видное место в семиотических, парадигмистических и кинематических исследованиях. В многочисленных работах по проблематике семиотического наполнения жеста предлагаются разные классификации, основанные на референциальном, т.е. содержательном, информативном аспекте жеста. Среди них особенно выделяется типология жестов Поля Экмана (Екман 1987), разделяющего жесты на *эмблемы* - символические жесты с точным значением, известным всем представителям определенной культуры, *манипуляторы* - движения тела, сопровождающие другую рецептивную деятельность коммуникатора, например: прикосновение к частям тела во время чтения, слушания и т.п.; *иллюстраторы* - движения, сопровождающие продуктивную вербальную деятельность и *регуляторы* - метакоммуникативные жесты, используемые для регулирования коммуникативного поведения.

Некоторые исследователи при описании невербальных диалогем исходят из характера их происхождения, а также из типа коммуникативной функции, выполняемой соответствующими жестами. Например, сербский лингвист Милан Шипка выделяет *рефлекторные жесты*, отражающие реакцию коммуниката, его чувства и эмоциональное состояние в процессе коммуникации. Сюда входят спонтанные реакции, например: коммуникант может барабанить пальцами или переступать с ноги на ногу в процессе ожидания; сжимать кулаки или скрипеть зубами, когда сердится; сдвигать брови, расширять глаза, если удивлен; тереть ладони или поглаживать бороду, когда доволен; хвататься за голову в панике; в недоумении приподнимать и опускать плечи, разводить руками и т.п.

Другую группу в данной типологии составляют *демонстративные жесты*, с помощью которых коммуникант сознательно выражает свое отношение к собеседнику или к высказыванию, например: качает головой в знак согласия, отворачивается спиной в знак презрения, неуважения и т.п. В

отличие от названных пассивных жестов, активные или *интервенентные* характеризуются тем, что при их выполнении коммуникант осуществляет физический контакт с другим лицом, препятствуя жестом выполнению его первичного намерения - например, он может закрыть рот собеседнику, подставить другому лицу ногу и т.п.

Чисто *коммуникативными* жестами данный исследователь считает выше упомянутые «коммуникативные стандарты», т.е разные невербальные диалогемы, с помощью которых осуществляется экспрессивная коммуникация: поклон, приподнимание шляпы, подмигивание и т.п (Шипка 2001, с. 44).

Необходимо заметить, что в предлагаемых классификациях исследователи выходят из описания жеста как знака в семиозисе с точки зрения интерпретатора, т.е. десигнат всегда привязывался к эффекту, производимому на собеседника. Таким образом, жест рассматривается односторонне, без учета намерения адресанта, употребившего конкретную невербальную диалогему, т.е. сбрасывается со счета интенциональная функция жеста - его иллоктивная нагрузка, если выразиться в рамках теории речевых актов.

Употребление данной терминологии не случайно. Во-первых, теория речевых актов принадлежит к прагмалингвистике, в рамках которых изучаются и жесты (вспомним выделенное Моррисом отношение знак - интерпретатор в качестве основы для выделения прагматики). Во-вторых, перформативность высказывания, т.е. его эквивалентность акту, составляющему основу для выделения иллоктивной, локтивной и перлоктивной функций высказывания, может с одинаковым успехом быть приписана и перформативному жесту.

В качестве *перформативного жеста* мы рассматриваем невербальную диалогему, эквивалентную соответствующему речевому акту, одного употребления которой достаточно для осуществления иллоктивного намерения, а не сообщения о таковом. Например, одного приподнимания шляпы, иногда сочетаемого с улыбкой и поклоном, достаточно для выражения приветствия; пожатия руки достаточно для выражения благодарности в определенном ситуативном контексте и т.п.

Такой подход к жесту делает возможным описание его особенностей, исходя из иллоктивных функций, то есть вместо разветвленных и непоследовательных описаний жеста, можно приступить к составлению перечня невербальных диалогем как изофункциональных единиц, которые вместе с вербальным репертуаром формируют иллоктивный потенциал определенного речевого акта.

Используя известную классификацию речевых актов Джона Серля (Серль 1986) можно разделить все жесты по их иллоктивной функции. Согласно этой типологии, можно выделить:

- невербальные *экспрессивы*, отражающие психологическое состояние, обусловленное искренностью коммуниканта по отношению к ситуации;

К данной группе невербальных диалогем принадлежит весь мимический набор: широко открытые глаза, приподнятые брови (иллокция восторга, изумления, удивления, задумчивости); открытая улыбка (иллокция приветствия, одобрения, восторга, удовлетворенности); нахмуренные брови

(огорченность, озабоченность) и т.п.; универсальным невербальным экспрессивом является «рука под козырек» у военных - жест, ставший продуктивной диалогемой, исключающей вербальный контекст в жесткой вертикальной (субординированной) коммуникации.

- невербальные *репрезентативы* или *ассертивы* (жесты утверждения), главной целью которых является фиксация ответственности коммуниканта за истинность сообщения, например: бить себя в грудь (утверждать свою правоту);

Наиболее распространенным невербальным ассертивом является не совсем вежливое указывание пальцем на объект, посредством которого осуществляется номинация, также реализуется в этом случае иллокуция утверждения 'именно тот, а не другой'; соединенные большой и указательный пальцы вместе с покачиванием руки, согнутой в локте у многих европейских народов служат для подчеркивания качества чего-либо (впрочем, как показали приведенные выше примеры, связанные с утверждением о хорошем качестве вина, выражение данной иллокуции отличается наибольшей пестротой невербальных диалогем у разных народов - у русских о хорошем качестве свидетельствует поднятый вверх большой палец, у сербов - прикосновение губами к кончикам пальцев и воздушный поцелуй); невербальный ассертив - указательный палец у виска у многих народов выражает убежденность в чьей-либо глупости, ненормальном поведении и т.п..

- невербальные *директивы*, иллокутивная нагрузка которых состоит в побуждении адресата к определенному акту;

Сюда входит интернациональная диалогема подзываания с помощью указательного пальца, а также специфический для представителей многих народов жест, с помощью которого подзывают официанта или делают заказ в пабе (например: для того, чтобы заказать пиво, немец поднимет большой палец вверх, серб сначала поднимет указательный палец, чтобы привлечь внимание официанта, а затем обведет в воздухе круг над столом, что означает - еще по одному бокалу для всех, русские подзывают официанта ладонью и т.п.); универсальным директивным жестом является указание пальцем на дверь, или энергичный взмах рукой в сторону от тела, выражющий иллокуцию 'выставить за дверь' ;

- невербальные *декларативы*, основным признаком которых является тот факт, что их реализация в коммуникации определяется совпадением между диалогемой и реальностью;

Декларативами являются движения головы в знак согласия или несогласия. У большинства народов кивок головы вниз означает «да», а движения в стороны - «нет», но у балканских народов - греков, болгар, македонцев, а также в некоторых сербских регионах, прилегающих к Болгарии (Троянович 1935), отмечена обратная иллокуция этих невербальных декларативов: «да» - это повороты головы в стороны, а «нет» - кивок головы вниз. Известным невербальным декларативом является также жест протягивания и пожатия руки для спора, выражющий иллокуцию несогласия, убежденности в своей правоте и т.п.;

- невербальные комиссивы, состоящие в принятии адресантом определенных обязательств, например: ладонь на Библии или на конституции во время произношения присяги; ладонь на груди с той же иллоктивной нагрузкой в соответствующем ситуативном контексте и т.д.

Все перечисленные типы невербальных диалогем по своему функциональному признаку являются продуктивными. Но, кроме них, существуют и дескриптивные невербальные диалогемы, сопровождающие вербальное высказывание. Это своеобразные иллюстраторы, иллоктивная наполненность которых сопряжена с интенцией коммуниканта дополнить свое высказывание, сделать его более убедительным и красочным.

Такие диалогемы чаще всего отражают индивидуальную специфику психологии коммуниканта, обусловленную характером его культурной среды и видом выполняемой деятельности.

Иногда иллюстративные невербальные диалогемы несут отпечаток «профессиональной деформации», например: во время разговора гитарист постоянно водит рукой по воображаемым струнам; диск-жокей часто выполняет резкие движения ладонью назад-вперед, будто бы перед ним виниловая пластинка; повар резкими движениями ребром ладони что-то режет в воздухе; шахматист быстро передвигает в воздухе соединенными большими и указательным пальцами, будто бы держит в них воображаемую фигуру; священнослужитель часто поднимает руку, будто бы собираясь благословить кого-то и т.п. Перечисленные диалогемы универсальны с точки зрения национальной принадлежности употребляющих их коммуникантов, но специфичны как социально заданные модели.

3.0 Национально-психологическая специфика русских и сербских невербальных диалогем.

Личность другой культуры может исходить в межкультурном общении лишь изобретенных в процессе социализации своих стереотипов, которые могут совпадать и расходиться, вступать в противоречие со стереотипами новой культурной общности (Прохоров 1996, с. 42). При рассмотрении проблем межкультурной коммуникации важное значение имеют вопросы, связанные с принципами организации общества и положением в этой организации отдельной личности как субъекта коммуникации. В связи с этим представляется необходимым включить в анализ невербальных диалогем такой компонент общения, как социальный статус личности: его роль в обеспечении формы и содержания коммуникации, его значение для определенной национально-культурной личности, его влияние на выбор коммуникативных стратегий.

Под социальным статусом понимается «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие взаимные ожидания поведения» (Карасик 1992, с. 3).

Однако в коммуникативном поведении проявляются и индивидуально-личностные черты со специфическими особенностями невербального и вербального поведения. В процессе коммуникации реципиент должен хорошо осознавать специфику социального статуса говорящего, а также настроить свой горизонт ожидания на его личностно-статусные коммуникативные черты.

При отсутствии у реципиента опыта общения с коммуникантом, он формирует свой горизонт ожидания, исходя из общепринятого стереотипа, соответствующего данному социальному статусу. Если индивидуальные коммуникативные черты собеседника резко отличаются от этих общественно-статусных эталонов, он воспринимается реципиентом как «оригинал». При восприятии коммуникативного поведения иностранца срабатывает еще один стереотип – «этнического образа» (Чернов 1991, с. 62), который вместе с социальным эталоном примеряется к коммуниканту.

При описании неверbalного поведения русских сербские студенты исходили из своих этнических и социально-перцептивных эталонов, которые проявляются в комментариях к записанным жестам, поэтому именно комментарии составляют наиболее интересную часть исследования.

Всего в эксперименте приняло участие 55 русских коммуникантов: 21 лицо женского и 34 лица мужского пола. Студенты-исследователи наблюдали за коммуникативным поведением русских школьников, студентов, преподавателей, шахматистов, художников, политиков, деловых людей, инженеров, священников, а также людей необразованных, маргиналов и т.п.

Первое замечание исследователей относилось к характеру жестикуляции в общем: «Русские в основном жестикулируют руками, намного реже нами наблюдались движения головы или мимика. Жесты, выполняемые плечами и ногами почти отсутствуют. Из 140 жестов, описанных в результате наблюдения, 116 было выполнено руками (из них 48 правой, 29 левой и 39 обеими руками), 19 жестов - движения головы и 4 жеста выполнено плечами. Разные формы мимических выражений зафиксированы 14 раз».

Исследователи сделали вывод, что у русских жесты чаще всего сопровождаются вербальными диалогемами, имеющими отношение к самим жестам; таким образом, в основном были зафиксированы перформативные жесты.

В настоящей статье мы остановимся на некоторых из собранных примеров и приведем комментарии к ним. Свое исследование студенты начали с наблюдения над детской жестикуляцией, так как, по-видимому, социальный статус этих коммуникантов ближе всего их социально-личностному эталону. В коммуникативном поведении русских подростков внимание исследователей привлекли следующие невербальные диалогемы:

1. Имитация вербальной диалогемы «ВЕШАТЬ ЛАПШУ» - жест, которым коммуникант пытается сбросить с ушей воображаемую лапшу. Такой жест, как и сама основанная на нем фразеологическая вербальная диалогема, неизвестны сербам. В комментариях исследователи записали: «Этот жест, сопровождаемый соответствующей фразой, типичен для русских. Они пользуются им в повседневном общении. Употребляет его в основном молодежь и необразованные люди, но не исключена возможность употребления такой диалогемы и образованным человеком».

2. Невербальная экспрессивная диалогема «КРУГ». Речь идет о способе коммуникации русских школьников. Исследователи отметили, что в то время, как сербские подростки на переменах расходятся «двойками» и «тройками», причем строго девочки с девочками, а мальчики с мальчиками, русские

школьники становятся в общий круг, в котором каждому уделяется одинаковое внимание и у каждого есть шанс проявить себя. В комментариях записано: «В таком кругу каждый подросток участвуют в общении, причем все начинают намного чаще жестикулировать. Их жесты раскованы и свободны. Мальчики стараются понравиться девочкам, а девочки менее стеснительны, так как создана атмосфера взаимопонимания».

3. Невербальная директивная диалогема, типичная для русских девочек, состоящая в использовании шарма с целью склонения собеседника (чаще всего родителей) к какому-либо выгодному для них действию. Студенты назвали эту диалогему «ХВАТАТЬ НА ШАРМ» (ловушка с шармом). Диалогема описана следующим образом: «Для русских девочек характерно использование шарма в корыстных целях. Например, если девочка просит родителей что-то ей купить или разрешить, она становится очень милой - стоя прямо с опущенными вниз руками, очаровательной улыбкой и фиксирующим глаза собеседника взглядом произносит: «Папа, давай-ка ты мне купишь эту игрушку».

Не менее очаровательный комментарий сопровождает данное описание: «Кто бы мог устоять перед столь милым поведением. В отличие от русских, сербские девочки в подобной ситуации будут упрямо настаивать. Они просто надоедают родителям, пока те не послушают их. Если же родители останутся неумолимы, сербские девочки могут расплакаться, так что родители уступают им из сожаления».

4. Невербальная ассертивная диалогема, типичная для русских воспитанных детей - указание на предмет с помощью подбородка. В комментариях отмечено, что сербские дети чаще всего в такой ситуации пользуются указательным пальцем или рукой.

5. Русские подростки с целью подтрунивания над собеседником используют невербальную диалогему «КОЗА» - типичный жест «новых русских», совершенно непонятный их сербским сверстникам. Необходимо подчеркнуть, что данный жест ориентирует сербских подростков на интернациональную невербальную диалогему «HEAVY METAL», ставшую опознавательным знаком поклонников этого музыкального направления. В данном случае можно говорить о своеобразных межкультурных коммуникативных омоформах.

6. Сербские подростки, в отличие от русских, часто употребляют невербальную диалогему «МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН» причем с директивной («позвони!») и комиссивной («я тебе позвоню») иллокутивной нагрузкой.

7. В число типично сербских национальных жестов, часто используемых подростками-болельщиками, входит диалогема «ТРИ ПАЛЬЦА» (от среднего к большому, поднятых на протянутой вверх руке), символизирующих единство и сплоченность их рядов. Эта невербальная диалогема с ассертивной иллокутивной нагрузкой 'самоидентификации', 'автостереотипизации в национальном самоопределении', ставшая символом сербского национального движения, часто употребляется во время массовых сборов, концертов и других процессов социализации подростков, ощущающих особую потребность определения своего места в обществе.

Отмечено, что невербальные диалогемы в коммуникативном поведении русских и сербских детей часто совпадают. Например, невербальная диалогема «НОС» (приставленные к носу пальцы) используется с одинаковой экспрессивной иллокутивной нагрузкой.

Иногда совпадение невербальных диалогем сопровождается разным вербальным контекстом. Легкие удары кулаком о кулак с экспрессивной иллокуцией ликования над наивностью обманутой жертвы свойственно как русским, так и сербским детям. Но вербальное сопровождение совершенно разное: русские дети приговаривают: *Обманули дурака на четыре кулака* (фразеологизация жеста), а сербские: *У-та-та* (отсутствие вербализации жеста).

Следующий тип русских невербальных диалогем, используемых русскими коммуникантами, за которыми наблюдали сербские студенты, отмечен по социальному статусу как типично мужская жестикуляция.

1. Среди жестов, свойственных русским маргиналам, отмечен жест «СООБРАЗИТЬ НА ТРОИХ», совершенно непонятный непосвященным сербам.

2. В качестве аналога жеста «ЩЕЛЧОК ПО ШЕЕ» сербские мужчины используют жест с обращенным к запрокинутому горлу большим пальцем. Таким образом серб выражает смысл 'пить спиртное', в то время как русский в подобной ситуации щелкнет себя по шее:

- *Ну как, будем сегодня вечером (щелчок по шее)?*

- *Конечно, а как же! Сдача экзамена все-таки...*

Иллокуция данного жеста состоит в экспрессивном дополнении фразы. Высказывание, сопровождаемое данным жестом переводит разговор в совершенно другой регистр, создает эффект затворничества.

3. В споре русские и сербы протягивают руки для рукопожатия с директивной функцией подталкивания к пари (*Давай, поспорим!*), но только русские перебивают это рукопожатие с помощью третьего лица. Таким образом арбитр фиксирует ответственность спорщиков за их слова. Сербам такой ход развития настоящей диалогемы непонятен.

4. Среди специфических невербальных диалогем в коммуникативном поведении русских и сербских мужчин зафиксированы и выше упомянутые жесты, с помощью которых подзывают официанта или делают ему очередной заказ, а также жесты для выражения удовлетворенности качеством чего-либо: русскому жесту «БОЛЬШОЙ ПАЛЕЦ» соответствует сербский «ПАЛЬЧИКИ ОБЛИЖЕШЬ», причем последний употребляют и русские.

5. Когда сербские мужчины веселятся в компании или поют, они обязательно поднимают обе руки вверх, запрокидывая голову, в то время как русские наваливаются на стол локтями и свешивают голову на грудь.

6. И русские, и сербские мужчины в экстремальных ситуациях прибегают к вульгарным жестам «СРЕДНИЙ ПАЛЕЦ» и «СОГНУТЫЙ ЛОКОТЬ», причем последний пользуется у представителей обоих народов большей популярностью.

Исследуя женские жесты, сербские студенты пришли к общему выводу о подчеркнутой грациозности жестикуляции русских женщин. В комментариях

они записали: «Русских женщин с раннего возраста учат быть женственными, воспитанными, всегда привлекательными и элегантными. Они рано начинают носить элегантную одежду, обувь на каблуках, некоторые это делают еще в школьном возрасте. Русские женщины настолько заботятся о том, как они выглядят, что возникла поговорка - *руssкие женщины даже в огород идут с макияжем*. Поэтому жестикуляция русских женщин сдержанная, не очень энергичная, грациозная. В отличие от русских, сербские женщины предпочитают спортивный стиль одежды и поведения, сказывающийся на их резкой и не совсем женственной жестикуляции».

1. В качестве типичного для русских девушек жеста отмечено «ПРИГЛАЖИВАНИЕ ЮБКИ», выполняемое перед тем, как сесть. «Русская девушка с раннего возраста уже дама, когда садится, она обязательно подбирает юбку, приглашивает ее и немножко натягивает на колени, чтобы не измялась». Этот жест, по мнению исследователей, не типичен для сербских девушек.

2. Отмечено также, что русские женщины намного чаще прикасаются ко своим волосам, поправляя прическу или протягивая пальцы через волосы, привлекая этим жестом внимание собеседника. Этот жест, по мнению исследователей, отличается особой грациозностью и наполнен директивной иллокуцией легкого кокетства. Сербские женщины используют данную диалогему только в юном возрасте.

Диалогема «СЧЕТ НА ПАЛЬЦАХ», типичная для русских, отличается от аналогичной диалогемы сербов по способу ее выполнения. Русские прикасаются верхом указательного пальца правой руки к пальцам левой руки, как бы согиная каждый из них, при чем первым согивается мизинец. Сербы расгибают пальцы, начиная с большого, при этом не прикасаются к ним.

4.0 Национально-психологическая специфика русских и сербских фразеологизированных вербальных диалогем, основанных на жесте.

Вербальные диалогемы, основанные на жестах, могут быть разного характера. Одни из них описывают жест как движение тела или отдельных мышц и посредством специфического метонимического переноса выражают его иллоктивную наполненность, например *ударить по рукам* – 'договориться'; в то время как другие не содержат дескрипции жеста как такового, а передают только интенцию говорящего, (детский жест «КУЛАЧКИ» и сопровождающая его фраза *Обманули дурака на четыре кулака* и т.п.). Очевидно, что оба приведенные здесь в качестве примера выражения являются фразеологическими.

Фразеологизмы, мотивированные жестом и мимикой, формируются в результате сложного процесса фразеологизации, в котором можно выделить несколько последовательных этапов: 1) формирование у коммуниканта сознательной или неосознанной интенции выражения определенного смысла с помощью движения тела; 2) выполнение этого движения; 3) описание движения; 4) установление связи между фразой и первичной иллокуцией движения. «Таким образом, круг семантической транспозиции закрывается

возвращением к символике жеста и мимики. Движение тела является важным звеном в процессе фразеологизации, поэтому можно сказать, что такие фразеологизмы основываются на жестах или на мимике» (Шипка 2001, с.45).

Описание жеста во фразеологизме отличается от соответствующего нефразеологизированного выражения своей специфической эллиптичностью. Во фразеологических выражениях предикат как бы утрачивает одну из своих обязательных валентных позиций, заполнение которой переводит синтагму из ранга фразеологической в нефразеологическую.

Например, дескриптивная нефразеологическая синтагма *ударить по рукам* обязательно содержит третий аргумент предиката *ударить* - орудие, с помощью которого осуществлено движение (рука либо другой предмет - 'ударить что-либо чем-либо': *Они ударили руками по рукам*. Такое выражение не только не является фразеологическим, но даже воспринимается современным носителем языка на грани допустимого вследствие закрепленного за синтагмой *ударить по рукам* устоявшегося значения, в то время как высказывание *Они ударили по рукам* специфичностью своей семантико-сintаксической структуры сигнализирует о фразеологическом наполнении, основанном на иллокуции адекватного жеста.

Такой подход опровергает обязательность контекстуальной дистрибуции фразеологической и нефразеологической описательной синтагм, основанных на жесте, на которой настаивают исследователи (Шипка 2001, с.46). В качестве примера можно привести фразеологизмы, основанные на одинаковой иллокуции аналогичного жеста, встречающиеся в обоих языках - *заткнуть рот* и *запушили уста*. Если заполнить в данных фразах валентную позицию, относящуюся к инструменту действия, выражение утрачивает свое устойчивое фразеологическое значение и переходит в разряд описательных. Сравните: *Она заткнула соседке рот. Чтобы не закричать, он заткнул себе рот рукой.* (Серб.) *Она је запушила комишијици уста. Да не виче он је запушио себи уста руком.*

Фразеологизированные вербальные диалогемы, основанные на жесте, можно разделить на следующие типы:

- а) диалогемы, основанные на иллокутивном наполнении мимики;
- б) диалогемы, проистекающие из иллокуции движения части тела;
- в) диалогемы, основанные на иллокуции позы.

Среди фразеологизированных вербальных диалогем, основанных на мимике, особое место занимают высказывания с экспрессивной или директивной иллокутивной нагрузкой. С помощью таких фразеологизмов коммуникант выражает свое эмоциональное состояние, склоняет адресата к какому-либо действию, описывая мимику собеседника. Например: *Ну, что ты глаза вытарашил!* (иллокуция раздраженного призыва 'не смотри на меня') *Не вешай нос!* (иллокуция совета 'не отчаивайся'); *А ты и уши развесил!* (иллокуция упрека 'Как ты мог поверить в это?') и т.п.

Фразеологизированные вербальные диалогемы, основанные на мимике, в русском и сербском языках чаще всего совпадают как в иллокутивном плане, так и с точки зрения описания мимического выражения. Сравните: *вытаращить глаза* - *избечити очи* - 'удивиться, испугаться'; *задрать нос* -

дићи нос - 'зазнаться'; *повесить нос* - *обесити нос* - 'загрустить'; *насторожить уши* - *начулити уши* - 'прислушаться'; *оскалиться* - *искезити зубе* - 'вспылить', 'ликовать'; *морщиться* - *мршитити се* - 'сердиться'; *показывать язык* - *плазити се* - 'издеваться'; *не моргнуть глазом* - 'не трепнуты оком' - 'не обратить внимание'; *надуться* - *надувати се* - 'обидеться'; *надуть губки* - *напућити усне* - 'демонстрировать неудовольствие' и т.п.

Однако среди фразеологизмов этого типа функционируют некоторые диалогемы, не совпадающие в плане мимики, послужившей толчком к их образованию. Например: русские фразеологические выражения *не повести глазом*; *не повести бровью*; *не шевельнуть бровью*; *не шевельнуть усами* - 'не обратить внимание'; *развесить уши* - 'верить' и др. не имеют аналога в сербском языке с точки зрения описываемой мимики. Сербские фразеологизмы *обесити бркове*, *обесити образе* (*повесить усы*, *повесить щеки* - 'загрустить'); *глядати преко брка* (смотреть поверх усов - 'сердиться'); *скресати у брк* (резать в усы - 'говорить открыто') нельзя буквально перевести на русский язык, что свидетельствует об отсутствии в коммуникативном поведении русских стереотипа подобной невербальной диалогемы, ставшей иллокутивным звеном, мотивирующем соответствующий фразеологизм.

Фразеологизированные вербальные диалогемы, основанные на жесте как на движении части тела, отличаются большим разнообразием передаваемых с их помощью значений и несовпадением движений, послуживших основой для семантического переноса в русском и сербском языках. Из огромного разнообразия таких примеров остановимся на некоторых: *шататься* - 'бродить'; *расшибаться* (в лепешку) - 'стараться'; *расчухать* - 'разобраться'; *дать по шапке* - 'ударить, уволить'; *шаражататься* - 'быть непоследовательным'; *расшаркваться* - 'льстить'; *притопнуть* - 'пригрозить'; серб. *држати палчеве* (держать пальцы) - 'переживать, болеть'; *преломити грб* (согнуть локоть) - 'отказать'; *говорити у по брка* (говорить на половину усов) - 'говорить презрительно'; *натръати нос* (натереть нос) - 'казнить'; *имати пуну шаку браде* (наполнить руки бородой) - 'радоваться' и т.п.

Фразеологизированные вербальные диалогемы, отражающие иллокуцию описываемой позы, встречаются намного реже. Так, в сербском языке нет аналогов выражений *нога четверкой* или *стоять раком*, в русском нет эквивалента сербского выражения *грбачити* (горбиться) - 'работать без отдыха', зато существует эквивалент сербской фразы *испрстити се – выпятить грудь*, фразеологизированной диалогемы, мотивированной адекватной первичной иллокуцией описанной позы - 'защитить, помочь'.

Особое внимание привлекают фаунонимические фразеологические выражения, основанные на жестикуляции животных, но описывающие поведение или черты человека. Сформированные путем метафорического переноса, они вносят во фразеологизм экспрессивную окраску. Фаунонимические фразеологические выражения отличаются от остальных фразеологизированных вербальных диалогем отсутствием первичной иллокуции жеста, поэтому входят в число дескриптивных фразеологизмов с

усиленной экспрессивностью. Среди фаунонимических фразеологизмов, основанных на жестикуляции животных, в русском и сербском языках выделяем три группы:

а) фразеологизмы, в которых совпадают описание жеста и смысл, соотносимый с ним:

протянуть копыта - отегнути панке - 'умереть'; показать рога - показати рогове - 'проявить агрессивность'; вильять хвостом - махати репом - 'заискивать'; обломать рога - сабити рогове - 'укротить';

б) фразеологизмы, в которых совпадает описание выполняемого животным жеста при несовпадении смысла, соотносимого с ним: *ершиться* 'входить в задор' - *накострешити се, јежити се* 'испугаться'; *хвост трубой* 'бодриться' - *реп на креста* 'пойти дальше'; *вертеть хвостом* 'хитрить' - *вртети репом* 'заискивать';

в) фразеологизмы, в которых совпадает смысл при несовпадении жеста, послужившего толчком для метафорического переноса: 'вмешиваться в чужие дела' - *совать морду* - *пружати свуда панке* (совать копыта); 'умереть' - *откинуть копыта - отегнути панке* (протянуть копыта); 'сдаться, уйти' - *убрать копыта - савити панке* (согнуть копыта) и т.п.

Таким образом, фразеологизированные вербальные диалогемы основываются на описании соответствующего движения органов тела человека (головы, шеи, плеч, рук, ног), а также его мимики (движений, выполняемых носом, глазами, бровями, бородой, усами, ушами и т.п.), функционирующих в качестве коммуникативных невербальных средств. Первичная иллокуция жеста ложится в основу иллокутивной нагрузки соответствующего фразеологизма, переводя его из ранга дескриптивных в перформативные (эквивалентные выполняемому действию).

Фразеологизмы, сформированные вследствие описания фаунонимических жестов, метафорически соотнесенных с поведением или чертами характера человека, лишены первичной иллокуции, соотносимой с жестом.

Описание жеста как невербальной и фразеологизированной вербальной диалогемы в коммуникативном поведении русских и сербов показало, что в большинстве случаев совпадают и описание жеста, и иллокуция высказывания, содержащего фразеологизм, основанный на данном жесте. При этом существуют различия как в плане наличия соответствующей единицы в коммуникативном поведении русских и сербов, так и в плане используемого стереотипа соответствующего жеста, и в плане иллокутивной нагрузки аналогичных жестов.

Анализ жестовых невербальных и вербальных диалогем носителей разных национальных и социокультурных признаков до сих пор не привлекал особого внимания исследователей. Настоящая работа является попыткой указать на пути новых поисков в данном направлении.

Elkman Paul et. al., Universals and cultural differences in the judgements of facial expressions of emotion, 1987.

Guberina Petar. Zvuk i pokret u jeziku, Zagreb, Matica Hrvatska, 1952.

- Morris Ch.W. Writings on the general theory of signs, Hague, Paris, 1971.
- Бгажноков Б.Х. Коммуникативное поведение и культура (к определению предмета этнографии общения) / Советская этнография, 1978, 5, с. 3-17.
- Карасик В.И. Язык социального статуса, Москва, 1992.
- Кочерган М.П. Вступ до мовознавства, Київ, 2000.
- Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры. / «Труды по знаковым системам VI. Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 308». Тарту, 1973, с.227-243.
- Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.. Национально-специфическое в межкультурной коммуникации / Текст как явление культуры, 1989, с.71-102.
- Мршевић-Радовић Драгана. Фразеолошке глаголско-именичке синтагме у савременом српскохрватском језику, Београд, 1987.
- Падучева Е.В. Семантические исследования, Москва, 1996.
- Поповић Љ. Илокуттивни и референцијални аспект геста. / Славистика, VII, с. 168-174.
- Поповић Љ. Утицај фразеологизације предиката на структуру његових аргументата / Славистика, VII, с. 65-73.
- Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Москва, 1996.
- Серль Дж. Р. Классификация речевых актов / Новое в зарубежной лингвистике, вып.17, Москва, с.170-194.
- Сретенская Л.В., Турунен Н. Коммуникативно-речевой автопортрет финнов / Коммуникативное поведение русских и финнов. Вып.1. Воронеж, 2000, с.20-24.
- Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования / Коммуникативное поведение русских и финнов. Вып.1. Воронеж, 2000, с.4-19.
- Тројановић Сима. «Психофизичко изражавање» српског народа, поглавито без речи, Београд, 1935.
- Чернов Я.В. Этнический образ / «Этноязыковые функции культуры», Москва, 1991, с.58-85.
- Шипка Милан. Фраземи гестовно-мимичког порекла / Јужнословенски филолог, 2001, с.41-52.

А. Ю. Маслова

Коммуникема как компонент процесса общения

(на материале эмотивных высказываний в русском и сербском языках)

В настоящее время значительный интерес представляет рассмотрение языка в его коммуникативной предназначенности. Коммуникативная деятельность человека является обязательным атрибутом любой деятельности – производственной, духовной, социальной; тем не менее, она настолько

значимый компонент деятельности, что в теории социальной коммуникации ее выделяют как отдельный тип деятельности (М.С. Каган, А.В. Соколов).

Характер протекания коммуникативной деятельности зависит от многих факторов. Коммуникант в первую очередь выступает как представитель этнокультурной общности. Регулирование речевого поведения осуществляется не только посредством утверждения ритуалов и традиций данного народа; учитывается также национальная специфика построения дискурса, закономерности взаимодействия языковых, речевых, психологических, невербальных и др. механизмов речевой деятельности. Нормы, правила, ритуалы, стереотипы, являющиеся материальным воплощением культуры и передаваемые от поколения к поколению, формируют коммуникативное поведение членов конкретной лингвокультурной общности.

Коммуникативное поведение народа есть совокупность норм и традиций общения народа, совокупность коммуникативных ритуалов общества в данный период его развития" (И.А.Стернин) При этом формирование конкретной речевой ситуации во многом определяется коммуникативным типом личности, ее языковой и речевой компетенцией, то есть, наряду с социальным, другим важным фактором является личностный, психологический.

Эмоции являются неотъемлемой составляющей характеристики коммуниканта, поскольку они подчеркивают значимость явлений и ситуаций для индивида, его личностную реакцию на происходящее, они отмечают начало и конец волевого акта, когда говорящий стремится заинтересовать слушающего, произвести впечатление, привлечь его на свою сторону, убедить, побудить к каким-либо действиям. Воздействие на эмоции слушающего служит и для мобилизации его внимания.

Выражение субъективно-психологического состояния говорящего реализуется эмотивной (в другой терминологии – эмоциональной, экспрессивной) функцией языка, которая тесно связана с коммуникантами – адресантом и адресатом – как компонентами речевого акта. Называть такую функцию эмотивной предпочтител Р.О. Якобсон, поскольку, по его мнению, она связана "со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных" (Якобсон 1975, с.198).

Эмоции как языковое явление проявляются по-разному. Это эмоциональная окраска, "возникающая в результате прорыва в речь Говорящего его эмоционального состояния в виде эмоциональных оценок", это и эмоции, отражаемые языковыми знаками как объективно существующая реальность (Водяха, Терещенко 2001, с.49-51.)

Языковые средства выражения эмоций человека выступают самостоятельным объектом лингвистических исследований для ученых различных школ и направлений лишь в последние тридцать лет. Ведется активное изучение специфики эмотивного и эмотивно-оценочного компонента значения в предложении-высказывании на материале различных языков.

Проявление эмоций на уровне высказывания главным образом связывается с его коммуникативным характером, синтаксической структурой, смысловым членением. В связи с этим ключевым вопросом научной дискуссии является проблема выделения особого коммуникативного типа высказываний,

предназначенных для выражения эмоционального состояния или эмоционального отношения говорящего к действительности.

Исходя из положения об органическом единстве в процессе познания интеллектуального и эмоционального (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев) и учитывая, что эмоциональная оценка составляет неотъемлемую часть содержания любого предложения-высказывания (Колшанский 1980), как *эмотивные следует квалифицировать лишь такие высказывания, которые характеризуются доминированием эмоционального плана содержания над интеллектуальным*.

В традиционной русистике понятие коммуникативного типа предложения закреплено за соответствующими синтаксическими типами предложений (повествовательным, вопросительным, оптативным, побудительным). В отличие от русского языка, в сербском как еще один особый функциональный тип предложений выделяются восклицательные предложения, выражющие удивление, изумление, восхищение. Восклицательность является их основной, а не добавочной характеристикой (Ушакова 1978).

В связи с развитием новых концепций (теории высказывания, теории речевого общения, теории речевых актов) понятие “цель высказывания” приобретает иное осмысление с когнитивной точки зрения. Так, при учете статуса эмоциональной оценки в сложной коммуникативной задаче высказывания эмотивные высказывания, характеризующиеся доминирование намерения Говорящего выразить свои эмоции, возможно рассматривать как равноправные, наряду с повествовательными, вопросительными, побудительными, оптативными в таксономии коммуникативных типов высказываний (Пиотровская 1994).

Коммуникативно-прагматический подход к исследованию эмотивных высказываний, изучение “межуровневых” взаимодействий (соотношение лексики и синтаксиса, взаимодействие лексико-грамматических и интонационных средств выражения эмоционального состояния или эмоционального отношения субъекта речи) подтверждает гипотезу профессора Л.А. Пиотровской: “лингвистическая природа эмотивных высказываний предстает как результат действия целого ряда факторов речепорождения, определяющих выбор типа синтаксической модели как структурного образца, обладающего типовым значением; состава структурообразующих и номинативных компонентов модели, предопределяющих доминирование в содержании высказывания эмоциональной оценки над рациональной; соответствующего интонационного оформления высказывания в речи как обязательного признака эмотивных высказываний” (Пиотровская 1994).

Специфика эмотивных высказываний выявляется при их сопоставлении с эмоционально-нейтральными высказываниями. С позиций парадигматического принципа описания эмотивные высказывания рассматриваются как различные структурные модификации (трансформации) основных синтаксических моделей. Так, в русистике, разграничивая основную модель и ее регулярные модификации (согласно концепции Г.А. Золотовой, основанной на понятии “синтаксического поля предложения”), исследователь выделяет в их числе экспрессивно-коммуникативные модификации, например: *Брат*

работает – как он работает!; Ох, и работает же он!; Разве брат работает!; Неужели брат работает? (Золотова 1982). Однако в пределах парадигмы можно рассмотреть лишь часть эмотивных высказываний, в частности, такие, которые обладают структурным сходством с неэмотивными высказываниями. Такой подход сужает рамки изучения всего многообразия синтаксических моделей построения эмотивных высказываний, структурно-gramматические особенности которых достаточно своеобразны.

В связи с этим определение места эмотивных высказываний в синтаксическом строе языка становится более продуктивным благодаря специальному изучению широкого спектра явлений, объединенных общим понятием эмотивного синтаксиса. Термин “эмотивный синтаксис” используется для обозначения всего множества высказываний, создаваемых по определенным моделям и предназначенных прежде всего для выражения эмоционального состояния или эмоционального отношения субъекта речи.

Наличие особых моделей эмотивных высказываний в русском языке было отмечено Н.Ю. Шведовой (Шведова 1957, с.85-95). Ученый объясняет специфику подобных и других синтаксических построений той или иной степенью их фразеологизации. Эту идею разрабатывают многочисленные исследования, выполненные на материале различных языков. Так, в рамках эмотивного синтаксиса Ю.М. Малинович выявляет специфику лексико-грамматической организации эмотивных высказываний в немецком языке (Малинович 1966); Т.М. Ушакова использует термин “аффективный синтаксис”, исследуя грамматическую структуру эмотивных высказываний на материале французского языка (Ушакова 1978).

Анализ языкового материала разных языков считается наиболее универсальным способом теоретического исследования языковых явлений. Генетическое родство, общность русского и сербского языков обусловили наличие в них целого ряда близких по содержанию и структуре типов эмотивных высказываний. В то же время имеется ряд отличий в эмотивных высказываниях двух славянских языков (русского и сербского).

Итак, все эмотивные высказывания обладают теми или иными формальными признаками, отражающими особенности их синтаксических моделей. Одной из особенностей разговорной речи любого языка является наличие в ней нечленимых предложений-высказываний, под которыми понимаются построения “с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой”. В этих предложениях словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия” (Русская грамматика / Под редакцией Н.Ю. Шведовой).

Нечленимые предложения-высказывания в зависимости от выражаемого ими значения характеризуются понятийной (номинативной) семантикой и непонятийной (неноминативной). Первые обладают лексической проницаемостью, определяемой синтаксической схемой и продуктивно изучаются при использовании парадигматического подхода. Для эмотивного синтаксиса и для изучения специфики языка в сравнительно-сопоставительном аспекте большой интерес представляют также высказывания, не выражющие

суждения (т.е. с неноминативной семантикой). В русистике применительно к таким высказываниям удачно используется термин “коммуникема”.

Коммуникема – это коммуникативная непредикативная единица синтаксиса, представляющая собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимая, характеризующаяся наличием модусной пропозиции, нерасчлененно выражая определенное непонятийное содержание, не воспроизводящая структурной схемы предложения и не являющаяся их регулярной реализацией, служащая реакцией на различного рода факты объективной действительности и выполняющая в языке pragmatische функции (Меликян 2001).

Ср.: 1. Такая легкая улыбка появилась на этом лице (девушки), что краснофлотцы только вздыхали и говорили про себя: **“Вот это да!”** В этом взглясе было и восхищение, и благодарность, и любовь (Паустовский). 2. ...*Zuko mirno rekao da su ga stigli alali! Kakvi alali? Objasnio je da su tom čoveku godinama govorili “Alal ti vera, koliko piješ! Alal ti vera, kako lutriješ! Alal ti vera, kako možeš da izdržiš!”* – па га, па крају, стигли алали! (Kapor)

Состав и объем коммуникем определяется по-разному, так как вопрос об их статусе в лингвистике остается дискуссионным. Прежде всего учитывается то, что коммуникема – явление живой речи, важный компонент процесса общения, который 1) восполняет отсутствующие звенья коммуникации; 2) придает речевому акту большую экспрессивность; 3) представляет более экономные, более краткие, более эмоциональные формы выражения отношения к объективной действительности.

При сопоставлении эмотивных высказываний в русском и сербском языках выделяются группы эмотивных высказываний, внутри которых наблюдаются функциональные аналоги среди фразеологизированных синтаксических конструкций и коммуникем. Состав и объем коммуникем и регуляно воспроизводимых фразеологизированных синтаксических конструкций исследователями определяется по-разному, поскольку проблема их содержания является одним из наиболее сложных вопросов. Рассмотрим некоторые группы эмотивных высказываний, объединенных по функционально-семантическому принципу: 1) выражение утверждения / отрицания, 2) эмоциональной оценки, 3) волеизъявления.

Сравнительно-сопоставительный аспект исследования позволяет выявить и некоторые несоответствия.

1. Утверждение / отрицание

В русском языке уверенное утверждение выражается фразеологизированными конструкциями, содержащими, как правило, составные частицы *как же* (– Церковь есть? – *А как же!* Есть. (Шолохов), *еще бы* (– Улавливаешь, о чём я говорю? – *Еще бы!* (Пелевин); А хорошие там комнаты для ночлега? – *Еще б те нет!* На каждой станции три отделения ... (Тэффи), частицу *а то* (– Да, ты, никак, полы мыть надумала? – *А то.* Неуж в грязи будет жить (Абрамов); – Ревнуешь? – *А то нет!* (Погодин), которая в определенных синтаксических построениях может придавать высказыванию

ироничный оттенок (**А то + N1 + не + Vfinf:** – Почему я здесь? Тот удивленно округлил глаза. *A то* сам не знаешь, – сказал он. (Пелевин).

Аналогами при переводе на сербский язык выступают наречия со значением утверждения, согласия: *dakako, dabome, naravno, svakako, sigurno*; глагол в безличной форме *razume se*, сочетания *kako da ne, nego što* (Polako je klimao glavom u stilu “kao što sam i mislio” i spustio se na sedište. – Neće valjda? – *Nego što će...*); перевод фразеологизированной конструкции *A то нет!* возможен посредством вопросительных конструкций *Zar ne? Zar nije tako? Nije li tako?* (Fr. Knj.1, s. 724).

– Вы проводите меня, Нахodka? – спросила Наташа. – *А как же!*! – ответил хохол (Горький).

– Nahodka, hoćete li me ispratiti? – upita Nataša. – **Nego kako!** – odgovori hohol (Gorki).

– Вы знаете Наташу? – **Как же!** – Отвезете ей... (Горький)

– Poznajete li vi Natašu? – **Kako da ne!** – Njoj ćeće odneti... (Gorki)

– Без проводника там шагу нельзя сделать. – **Еще бы!** (Чехов)

– Bez vodiča se tamo čovek ne može ni maći! – **Naravno!** (Čehov)

Для выражения подтверждения в русском языке в разговорной речи довольно часто используется выражение *Вот именно!* Частица *именно* употребляется для подчеркивания сказанного. В русском языке согласие, подтверждение, а также подчеркивание выражается и коммуникаторами *то-то* (*и оно, и есть, вот, что, же!*):

– **Вот именно!** – поддержал его рыжий, вставая. (Горький)

– То, **dabome!** – podrži ga ridi ustajući. (Gorki)

– Не придется вам взять мужиков, - уж поверьте! – **Ну то-то!** – молвил Игнат и успокоился, весело улыбаясь. (Горький)

– Nećete morate da vežete sejake, verujte mi. – **Tako da!** – reče Ignat smešći se veselo... (Gorki)

Убедительность и усиление воздействия на слушателя увеличивает использование в обоих языках междометий. Сравним аналогичные речевые ситуации: 1. Этот ждет себе возмездия. *Ей-Богу!* Я вам говорю (Тэффи). 2. **Bome**, dobro su sakrili. Do danas ih nisam našao (Balašević).

В русском языке в ряде конструкций степень экспрессивности высказывания может повышаться за счет повтора смыслового глагола в утверждающей части высказывания. Этот глагол ставится в форме инфинитива (чаще с отрицанием) и сочетается с вышеуказанными частицами. При сопоставлении с сербским языком наблюдаются регулярное соответствие – **Zašto (kako) + da- конструкция** смыслового глагола с отрицанием.

Еще бы (+не) + Vinf:

... и уже купил в наших краях три порядочных имения... – **Еще бы ему не покупать!** (Чехов)

... i već je u našoj okolini kupio tri povelika imanja... – **Zašto da ne kupi!** (Čehov)

(А то) Как (+же) + не + Vinf:

– Боявшись? ... - Боялась! – созналась она. ... **Как мне не бояться!** Всю жизнь в страхе жила (Горький).

– Plašiš se? ... Plašim se! ... **Kako da se ne plašim?** Celog života živim u strahu... (Gorki)

– Ну, скажите, отчего вы сейчас плачете? – **Как же мне не плакать?** (Чехов)

– No, recite, zašto sada plačete? – **Kako da ne plačem?** (Čehov)

Почему (бы, же) (+ и) + не + V:

– Извините, я все забываю, что для вас это не может быть интересно. –

Почему же не интересно? (Чехов)

– Oprostite, ja stalno zaboravljam da to vas ne može zanimati. – **A zašto da me ne zanima?** (Čehov)

Экспрессивное отрицание, несогласие и в русском, и в сербском языке выражается при помощи фразеологизированных синтаксических конструкций: 1. Вот если бы ты мне помог. – **Еще чего!** Зачем мне лишняя ответственность? (Довлатов) 2. А я даже и не подумал пойти. **Очень мне нужно.** Всего не пересмотришь! (Тэффи) 3. Потеха! **Где уж там отмыть лапки!** (Тэффи) 4. **Куда уж нам**, ваше превосходительство. Мы люди бедные... (Тэффи) 5. **А мне какое дело!** Сам виноват! (Тэффи) 6. Дама пожала плечом. – Пожалуйста! **Мне-то что!** И, вынув книжку, стала читать! (Тэффи) 7. **Оно и видно! Оно и видно,** как ты готов: продолжишь дуться! (Тэффи) 8. Glavno ёsu dobiti preko autorske... Kad? **Ma daj...** Znaš ti koja je inflacija, još ёse im morat doplatit, ti boga... (Balašević) 9. **Ma kakvi** toplo-hladno. Jok. Ne menja ovaj boju. Nisu to čista posla, kažem ja tebi... (Balašević)

Часто при переводе эти конструкции находят регулярные соответствия:

Где (уж) там (тут, мне, ему...) + Vinf

Где ему понять!

Zar on da razume! (PCC, c.138)

Где там!

Ma kakvi! (PCC, c.138)

Куда (+ там / ему ...) + Vinf

Ma kakvi, ni govora, nipošto

Куда тебе до него!

Otkud ti možeš da se ravnjaš sa

njim!

Куда там!

Ma kakvi! (PCC, c.315)

Как же!

Ma kakvi!

Очень (мне) нужно!

Baš mi treba! Baš (što) ti to je to potrebno!

Koješta! Nije potrebno, ne treba.

Очень-то мне надо.

Baš me briga. (Fr. Knj.1, s.670)

Мне какая (что за) печаль! –

Baš me briga! (Što se to mene tiče)
(Fr. Knj.2, s.119)

Как бы не так!

E, nije nego!

Охота тебе!

Šta imaš do toga! Šta će ti to! Što
ti to treba? (Fr.knj.2 s.82)

Ищи (нашел) дурака (+ V inf)

Nećeš ti mene prevariti, nisam
(tako) lud, nisam (takva) budala,

Nisam pao s Marsa, nisi pogodio
(na) pravu adresu. (Fr. Knj.2. s. 319)

В языках наблюдается параллельное употребление

1) коммуникем – аналогов:

– *Меня, должно быть, увидели*”, – подумал я. **Как же, держи карман!**
(Чехов)

– Mora biti da su me opazili, – pomislih. **Ma kakvi!** (Чехов)

Анна Павловна ... ни разу не взглянула на своего мужа. – Конечно, где нам, музыкам! – злорадствовал акцизный. (Чехов)

Ana Pavlovna ... u svog muža nijednom nije ni pogledala. – **Dabome, šta ćemo**
ovde **mi**, seljaci! – govorio je poreznik zlurado. (Чехов);

2) фразеологизированных конструкций – эквивалентов:

– *Я предлагаю бросить работу... – Нашел дураков!* (Горький)

...ja predlažem da ... napustimo posao... – **Našao si budale!** (Gorki)

– *Черт тебя принес... Очень мне нужно слушать твою чепуху!* (Чехов)

– Koji te davo donese... **Baš mi treba** da slušam tvoju besmislicu!.. (Чехов);

3) фразеологизированных конструкций – аналогов:

– *А плевать мне, что ты – Жестяков!* (Чехов)

– *A baš me briga* što si ti ĥestjakov! (Чехов)

– *Aх, да какое же мне дело до этих случаев? Вы, сударыня, просто... наивны и нелогичны.* (Чехов)

– A **šta se mene tiču** takvi slučajevi? Vi ste, gospođo, prosto... naivni i
nelogični. (Чехов);

4) фразеологизированных конструкций (в русском языке) –
воспроизведение смысла (в сербском языке):

– *Где мне понять мысли его?* (Горький)

– *Otkud ja mogu da prodrem* u njegove misli? (Gorki)

Следует отметить, что так же, как и при выражении утверждения, в обоих языках риторически используются вопросительные конструкции (часто с повтором смыслового глагола в ответной реплике). При этом русские выражения обладают более ярко выраженным фразеологически связанным значением, о чем свидетельствует тот факт, что при переводе на сербский язык ряда конструкций, например, с частицами *где* (уже) / *куда* уже + личное *местоимение*, используются вопросительные слова, передающие смысл высказывания. Сравним: **Где** ему понять! (= Он не поймет) - **Zar** on da razume! (букв.: *Разве* он поймет!).

При выражении несогласия, отрицания, возможно с оттенком иронии, категоричности широко распространены экспрессивно-ироничные

синтаксические конструкции со значением, противоположным по знаку форме высказывания, **V imper + (больше)**:

– Это я тово... губами чмокнул в отношении... в рассуждении удовольствия... При виде рыбы... – **Рассказывай!** Голова Ваньки широко улынулась и скрылась за дверью. (Чехов)

– To sam ja, ovaj... coknuo ustima zbog... razmišljajući i zadovoljstvu... Kad sam video ribu... - **Pričaj ti, pričaj!** Vanjkinova glava se široko nasmejala i isčezla iza vrata. (Čehov)

В русском языке, как правило, используются определенные лексемы *жеди, надейся, сейчас* и некоторые другие: 1. Давай сыграем с тобой в шахматы. – *Сейчас все брошу* и начну играть (= я не брошу все сейчас, чтобы...). 2. Ты же видишь, что я работаю! Остановись лучше! – *Сейчас* (= отказ, несогласие) – остановился, держи карман! (Шукшин) Сравним: Помоги мне! – *Сейчас все брошу и помогу!* Подожди секунду.

– Он придет? – **Жди его больше!**

– Он обещал помочь. – **Надейся на этого болтуна больше!**

– Ты сейчас будешь делать домашнее задание? – *Сейчас, как же!* Больше мне делать нечего!

Необходимо обратить внимание на полисемичность русских конструкций, используемых при выражении как отрицания, так и утверждения: Например, с частицей *как же*: – Тита Бородина ты близко знаешь? – **Как же**, мы с ним друзья были... (Шолохов) – утверждение; – Так ведь я хочу маршрут вести! – **Как же**, поведешь! – А почему ж это я не поведу? (Ромашов) – отрицание; с частицей *где*: – А моего старика видел? – **Где там**, ... и в глаза не попадался. (Аблесимов) – отрицание; – Говоришь, хвалилась Аксинья житьем? – **Где же там!** Так жить каждая душа не против. (Шолохов) – утверждение. В сербском языке, согласно данным словарей, разным языковым ситуациям, как правило, соответствуют разные фразеологизированные конструкции, например, утверждение – *kako da ne*; отрицание - *ma kakvi* (см. вышеозначенные примеры).

2. Эмоциональная оценка

Среди эмоционально-оценочных высказываний выделяется ряд наиболее регулярно используемых моделей:

1. **Какой** скандал! Кто ее впустил? (Тэффи) 2. **Какая** красота! ... Река точно серебро! (Тэффи) 3. Благодать-то **какая!** – восклицает полковник (Довлатов). 4. Господи! **Какие** все сознательные! – закричала Муся... (Довлатов) 5. **Каково!** – удивляется хозяйка. (Тэффи) 6. **Какой** же ты драматург?! – Я не драматург? – **Да уж какой там** драматург! (Довлатов) 7. **Это еще что** за марсельеза! (Тэффи) 8. **Что за** руки! Нежные, ласковые! (Тэффи) 9. **Что за** вздор! Разве чернильница может нянчить? (Тэффи) 10. **Baš koga briga** da li u tom trenutku ... se sa vas cedi voda u kupatilu (Kapor). 11. **Kakav sam ti** ja drug? – odgovorio bi ovaj prezrivo (Kapor).

Регулярно и часто с буквальным переводом воспроизводятся эмоционально-оценочные синтаксические конструкции для выражения положительной

или отрицательной оценки, сопряженные соответственно с удивлением, радостью, восхищением или негодованием, возмущением.

Моделям в русском языке:

какой (-ая, -ое, -ие) / каков (-а, -о, -ы) + N1 /Vfinit

какой (-ая, -ое, -ие) / что за + N1

соответствуют модели в сербском:

какав (каква, какво) / što / баš (+ глагол-связка) + N1/ Adv / Adj

Какая благодать!	Какое счастье!	Какой он работящий!	Что за чудо!
Kakva divotal!;	Baš si sretan!;	Što je vredan!;	Kakvo čudo!;
Какой ужас!			Что за вздор!
Kakva strahota!;			Kakva glupost!
Какая досада!			
Kakva neugodnost (šteta)!			

- **Что это за бездарный человек!** (Чехов)
- Kako je to nesposoban čovek! (Čehov)
- Этак с ума сойдешь! – волновалась жена. – **Что за народ!** **Что за народ!** (Чехов)
- Ovako čovek može da poludi! – uzbudivala se moja žena. - Kakav je ovo svet! Kakav je ovo svet! (Čehov)
- Прелест **что за люди!** (Чехов)
- Što su ljudi divni! (Čehov)
- Боже мой, **какой вы еще ребенок!** – говорила с упреком Маша. (Чехов)
- Bože moj, **kakvo** ste vi još **dete!**- korila ju je Maša. (Čehov)
- ...с негодованием говорила доктору или моей сестре: “**Какие животные!**

Это ужас! ужас! (Чехов)

...s negodovanjem govorila doktoru ili mojoj sestri: “**Kakve su to životinje!** To je grozno! Grozno! (Čehov)

— **Какой же он подлец!** – проворчал Груздев негодуя. (Чехов)

— **Kakav je to podlac!** – promrsi Gruzdjev negodujući. (Čehov)

— Уж **какие хлебы из несенной муки!**.. (Горький)

— **Kakav može biti hleb** od neprosejanog brašna! (Gorki)

...Андрей Андреич привел ее в ванную и здесь дотронулся до крана, вделанного в стену, и вдруг потекла вода. – **Каково?** – сказал он и рассмеялся. (Чехов)

...Andrej Andrejić je dovede u kupatilo i dodirnu slavinu ugrađenu u zid te odjednom poteče voda. – **Kako ti se sviđa?** – reče on i zasmeja se. (Čehov)

В русском языке в подобных эмоционально-оценочных конструкциях частица может занимать постпозицию, подчеркивая этим степень экспрессивности высказывания. В сербском языке инверсия, как правило, не используется:

- Запах-то **какой**, миазма **какая!** (Чехов)
- Oh, **kakav** miris, **kakav** miomiris! (Čehov)

Такую функцию выполняет частица *baš* или употребленное в постпозиции местоимение *jedan*, придающее высказыванию бранный оттенок (СРС, с. 194)

- Славная вы **какая!** – тоже отозвалась Наташа... (Горький).
- **Baš ste zlatni** – odgovori joj Nataša takođe tiho ... (Gorki).
- Перец ты **этакий!** (Чехов)
- Eh, ti, papričice **jedna!** (Čehov)

Конструкции, имеющие ярко выраженный идиоматический характер в русском языке, находят в сербском также фразеологизированные аналоги:

Ишиш (ты) какой!	Gle ti njega! (Gle kakav je! Vidi ga!
	Koješta!)
Какое там!	(FR. Knj.2, s.604) Koješta! (FR. Knj.1, s.461)

“*Ишиш ты!* – подумала мать. – *Смотриши медведем, а живешь лисой...*”
(Горький)

“*Vidi ti njega!* – помисли мати. – *Na izgled je medved, a živi kao lisica...*”
(Gorki)

Однако двуязычные словари представляют и факты не буквального перевода, а воспроизведение смысла:

- **Какой он художник!** (Он плохой художник. Разве он / это художник?)
- On je nikakav slikar (РСС, с. 274).
- **Что за беда!** (= Это не беда!)
- Pa što onda?, ništa za to, što mari, nije važno (FR, knj.1, s.24).
- **Что за вопрос!** (выражение согласия)
- **Kakvo pitanje!** и Dakako, naravno, razumije se, samo po sebi (FR, knj.1, s.141).
- **Что за черт!**
- **Koji je то vrag?** и Што то знаći? (FR, knj.2, s.726).

При выражении оценки в русском языке довольно продуктивны эмоционально-оценочные синтаксические конструкции с указательной частицей *вот*, передающие достаточно широкий спектр эмоциональных оттенков: **Вот как?** – спросил я с несколько издевательской интонацией (Пелевин) **Вот как!** – сказал сторож. – Ну, ладно же. Я ему покажу, кто здесь начальство (Тэффи).

Вот (во, ну, ну и) (+N1) + Vfinit (удивление, одобрение): **Вот мы им дали** вчера урок! Надолго запомнят!; **Во прется** чувак, - сказал Колян. – Даже завидно (Пелевин).

Более часто конструкция **Вот + N1** используется для для эмоционального выражения негативного отношения к происходящему или значения,

противоположенного форме высказывания: **Вот тоска!** Я прямо с ума сойду. – Это от безделья, душа моя (Тэффи). **Вот мужская логика!** Я гостей созвала на сегодня, а он обед подаст завтра (Тэффи). **Вот сволочи!** Они подали не всего судака. (Довлатов); **Вот тебе (те) (+и) + N1** (недовольство, возмущение, ирония) В голове у него было пусто, в ушах звенело... **Вот тебе слава!** (Тэффи) (негативная оценка). Четыре сына и пятый в проекте – это тебе не шутка! **Вот тебе и Савва!** (Бабаевский) (положительная оценка).

В сербском языке подобные речевые ситуации воспроизводятся также при помощи частицы *eto*:

... и дразнил себя с досадой: “**Вот тебе и** дама с собачкой... **Вот тебе и** присоединение...” (Чехов)

... i dražio sebe zlovoljno: “**Eto ti dame sa psetancetom...** **Eto ti putovanje...** (Čehov)

Однако в русском языке конструкции с сочетанием частиц и личного местоимения ед. ч. 2 лица в дательном падеже (**вот тебе (те) и**) имеют более ярко выраженный идиоматический характер, так как в сербском языке более последовательно сохраняются парадигматические отношения. Сравним:

- **Вот тебе и права!** Эх, судьшика... (Горький)
- **Eto ti naših prava!** Eh, sudbino... (Gorki)
- **Вот тебе и аресты и обыски!** (Горький)
- **Eto im hapšenja i pretresa!** (Gorki)

При использовании эквивалентной частицы *это* выявляются и случаи прямого воспроизведения содержания:

– Стоят, братцы мои, без страха... – **Вот тебе и** Паша Власов!.. (Горький)

– Stoje, braće moja, bez straha... – **Eto kakav** je Paša Vlasov! (Gorki)

В данной ситуации среди русско-сербских фразеологизированных аналогов наблюдаются следующие: 1. **Вот так пейзаж!** ...Стоило ехать! (Тэффи) 2. Mala veštica je ... izvukla iz ruksasa šaku punu malih traka i neobavezno ih spustila na sto. **Eto ti ga sad...** (Balašević) 3. Uostalom, baš bih voleo da vidim tog Leonarda koji bi za dva sata ... uspeo da dovede na svoj nivo tri-četiri hiljade Narodnjaka. **Taman posla...** (Balašević)

Можно выявить следующие параллели:

Вот (+так / это / ведь) + N1 /	Eto ti ga na (sad)!	
Adj / Adv / V finit		
Вот (ono) что! Вот (ono) как!	Ma šta kažete! Nije valjda!	

Вот (+ еще) + N1

(Вот еще) новое дело!

Вот (еще) новости!

– **Ну, вот еще!** Всю жизнЬ стеснялась, не зная для чего, - для хорошего человека можно! (Горький)

– **Eto ti sad!** Celog života imala sam obaveze ... (Gorki).

— Я... я, Дашенъка, выпил керосину... — **Вот еще!** Нешто там подавали керосин? (Чехов)

— Ja...ja sam, Dašenjka, popio gas... — **Gle sad!** Zar su vas tamo gasom služili? (Čehov)

— **Вот так фунт!** Когда же это я успел заснуть? (Чехов)

— **Eto ti na!** Kad sam stigao da zaspim? (Čehov)

Ряд русских коммуникантом находит фразеологизированные аналоги:

— **Вот так история! (компот! петрушка!) Вот так так!**

— Lijepa stvar! (PCC, с. 100; FR, knj.1, s.456)

В ряде случаев только воспроизводится смысл:

— **Вот не ожидал! Вот сюрприз!** (Чехов)

— E, baš si me iznenadio! (Čehov)

— **Вот это да! Вот (так) здорово!**

— Odlično! To je dobro! (FR, knj.1, s.402) Izvrsno! Sjajno! (PCC, с.156)

— **Вот как!**

— Tako, dakle (PCC, с.100)

— Слов не понимаю, а все другое — понимаю. — промолвила Людмила. —

Вот как... (Горький)

— Ne razumem sve reči, ali sve ostalo — razumem. — **Tako, dakle!** — reče Ljudmila. - **Tako, dakle...** (Gorki)

Для передачи двойной оценки (как положительной, так и отрицательной) в русском языке приспособлена и такая эмоционально-оценочная синтаксическая конструкция, как:

Ничего (ни фига, черта, шиши, хрен...) (+ себе) + N1 / V finit .

В сербском языке таким коммуникантам соответствуют как фразеологизированные конструкции, так и фразеологически не связанные, передающие общий смысл высказывания.

Удивление, восхищение, одобрение:

— **Ни фига себе хитрец! Ничего себе!**

— **Gle, molim te!** (PCC, с. 429); ide, gura se; dosta dobro, nije loše (FR, knj.1, s.733)

...Razvukao je širok osmeh. Znao sam da zamišlja glatku crnu lepoticu koju iznosi iz aviona preko ramena, kao umotan tepih. **Nije loše...** (Balašević)

Удивление, возмущение:

— **Ничего себе порядок!**

— To mi je neki red! (PCC, с. 429)

Спектр отрицательных эмоций, сопряженных с иронией, передает ряд следующих конструкций:

Тоже (+ мне) (+ понимаешь) + N1/ Adj / V finit ; (N1 + тоже + Adj)

Тоже мне друзья! Она тоже хороша!

— **Тоже мне ученый!**

— I to mi je neki naučnik (PCC, с. 856).

Нашел (-ся, -лась, -лисы) (+ здесь / тут / там) + N1;

(N1 + нашел (-ся, -лась, -лисы), появился, нарисовался, образовался и др. (+ здесь/ тут/там)

– (*Bom еще*) адвокат *нашелся!*

– (*Vidi, gle*) tko se *našao* da brani (FR, knj.1, s.4).

– Умница *какой отыскался!*

– **Gle junaka; baš se našao junak** (FR, knj.2, s.632).

Выражение иронии, насмешки, пренебрежения, негативной оценки передается с использованием междометия *подумаешь!* в модели:

Подумаешь (+ какой) + N1: Подумаешь умник!

Gle! Vidi molim te! (PCC, c.584)

Для выражения главным образом негативной оценки предмета речи возможно использование конструкций в форме риторического вопроса. Как правило, в подобной речевой ситуации в сербском языке сохраняется смысл высказывания. Например, если речь идет о чем-либо совершенно необычном, недопустимом:

Слыханное (виданное) + ли (+это) дело?!

Tko je to vidio!; nevjerovatna stvar; (to je) da ti pamet stane (FR, knj.1, s.265,267)

(Ну) на что (кого) ты (вы, он, она, оно, они, я, мы, это) похож (-а, -е, -и)?!

Kako to izgledaš? Na što si (je to) nalik? Na što to liči? Čemu je to slično? Što to ima da znači? (FR, knj.2, s.211; PCC, c. 620)

Возможно и употребление фразеологизированного эквивалента:

- **И на что ты похож!** - вздохнула она. – Страшный ты стал! (Чехов)
- **И на шта то ličiš?** – uzdahnu ona. – Postao si strašan! (Čehov)

Для выражения сильного желания в русском языке регулярно воспроизводится конструкция – риторическое восклицание – **(О, ах) если бы (вы, ты ...) + V perfekt (V inf) + ...** которой в сербском соответствует эквивалентная конструкция **Kad + V perfekt + ...**

- **Если бы вы знали, как я и мама горько плачем!** (Чехов)
- **Kad biste znali** kako mama i ja gorko plaćemo! (Čehov)
- **Как она тебя любит, если б ты знал!** (Чехов)
- Kako te ona voli! **Kad bi to znao!** (Čehov)
- **Если бы вы послушались меня! если бы!** (Чехов)
- **Kad biste me poslušali!** Kad biste! (Čehov)
- **Если бы это рассказать в Петербурге!** (Чехов)
- O, **kad bi se to ispričalo** u Petrogradu! (Čehov)

В эмоционально-оценочных конструкциях обоих языков активно используется пейоративная лексика. Сомнение, неизвестность, неумение объяснить ситуацию, резко негативное отношение, отрицание выражается при помощи подобных фразеологизированных синтаксических конструкций: 1. Дернула меня *нелегкая* пойти в этот театр (Григорович). 2. Да, *черта с два!* Отпустила! (Тэффи) 3. ...niko nije mogao da pretpostavi kako je mogao nastati. **Davo će ga znati...** (Balašević)

Черт (леший, пес, шут, лукавый, пес, прах, ...) дернул (попутал) + N2 + V inf;

черт знает ...; черта с два, черт-те что! и т.п.

Davo (vrag ...) + N2 + перфект (natjerao, natentao, naveo i td) (FR, knj.2, s.726)

– *Черт знает, насколько удобно вам теперь взяться за это!* – нерешительно сказал доктор... (Горький)

– **Vrag bi ga znao** koliko je sada zgodno da se vi prihvatite toga – neodlučno reče lekar... (Gorki)

– ...*вас тоже обыщут.* – **Пес с ними!** – спокойно ответила она (Горький)

– ...i vas će pretresti. – **Bestraga im glava!** – odgovori ona mirno (Gorki)

Для русского языка характерно использование ряда лексем в переносном значении в экспрессивно-ироничных синтаксических конструкциях. Такие лексемы придают значение, противоположное форме высказывания. Представляется возможным квалифицировать это явление как специфическое для русского языка, так как адекватные речевые ситуации не фиксируются словарями и, судя по анализу языкового материала, не являются типичными для сербского языка. В русском языке в такой роли достаточно регулярно выступают, например, лексемы *нормально!*; *однако!*; выражение *оно и видно!* и др.:

– *Нормально мы устроились! Какая-то развалиха и воды нет...* (=ненормально...+ ирония, разочарование).

Возможно выражение удивления, одобрения, восхищения: *Приз наши!* **Нормально!** Сравним использование лексемы в прямом значении: *Нормально учиться* пришлось только семь лет (=так, как полагается, как нужно).

– *Я сам справляюсь с трудностями!* – **Оно и видно** (= ироническое несогласие в сочетании с раздражением, возмущением, негативной оценкой и отношением)! *Герой нашелся!* Сравним: *Он исправится. Оно и видно по его поведению, что он все осознал.* Именно этой ситуации соответствует буквальный перевод *to je jasno* (РСС, с. 467).

– *Он страшно обрадовался медальону, открыл его, побледнел и тихо-тихо сказал: “Однако!” Больше ничего. Только это “однако” и было.* (Тэффи) (выражения возмущения с недоумением); *А-ах!* – ахнула и публика. *Посреди платка зияла огромная паленая дыра.* – **Однако!** – *сказал головин сын и засопел носом.* (Тэффи) (выражение удивления с недоумением и отрицательным восприятием факта).

...когда кончили пить чай, было уже около полудня – **Однако!** – восхлинула Людмила. (Горький)

... i kad završiše da piju čaj, bilo je već skoro podne. – **Oho!** – uzviknu Ljudmila. (Gorki)

... и хранил так, что работники покачивали головами и говорили: **“Одначе!”** (Чехов)

... i hrkao tako da su radnici vrteli glavama i govorili: **“Vidi ti njega!”** (Čehov)

В русском и сербском языках выявлены и эквивалентные конструкции, причем сербские являются более нейтральными в эмоциональном отношении. В русском языке эмоциональность усиливается за счет суффиксов субъективной оценки:

Веселенькое дело! – zabavna (fina) stvar (stvarčica)! (FR, knj.1, s.265)

Хорошее (хорошенькое) дело! – dобра (fina) stvar, nema šta, e baš lijo! (FR, knj.1, s.268)

3. Волеизъявления (императивные возгласы)

Отдельную группу составляют эмотивные высказывания, выражающие императивные возгласы, призывы и команды: *айда!* / *валий!*; *давай!*; *ну!* / *(h)ajde(-mo, -te), ajmo, ako, de(der); iša!* / *basta!* / *dosta!* и др. Использование частиц, их повторение вносит дополнительные оттенки в ситуацию волеизъявления: нетерпение, убеждение, одобрение, подбадривание и др.

- **Deder, deder...** evo ovde! (Nušić)
- **Пиши, пиши вот здесь!** (Нушич)
- **Ну, ну ... Глупости-то оставь** (Толстой).
- **De, de ...ostavi se gluosti** (Tolstoj).
- *Došla sam da ti pomognem. – Ako, gazdarice, ako!* (Ćosić)
- Пришла тебе на подмогу. – **Давай**, хозяйка, **давай!** (Чосич)

Довольно продуктивно в обоих языках в рамках повелительных эмотивных высказываний воспроизводится речевая ситуация угрозы, запрета в сочетании с угрозой: 1. Я тебе покажу, мерзавец. **Ты у меня повоюешь!** (Островский) 2. Уж и поговорить нельзя? – **Я тебе поговорю!** Уж и погулять нельзя? **Я тебе погуляю!** (Тэффи)

Фразеологизированные синтаксические конструкции в русском языке **Я тебе (те, тебя...) + V finit (будущее время) / Смотри (ты) у меня + V finit (будущее время)** в сербском регулярно передаются конструкцией **V finit (futur) + ti (mu ...) + ...**

Я тебя!

Zapamtit ćeš ti mene! Pokazat ču ja tebi! Platit ćeš ti meni! (FR, knj.2, s.779)

Вот я тебя!

Dat ču ja tebi! Dobit ćeš ti svoje! Naučit ču ja tebe pameti! (FR, knj.2, s.779)

Я ему покажу!

Pokazaču ja tebi! (PCC, c. 590)

Дождешься ты у меня! Ты у меня поплашеш!

Pokazaču ja tebi! Dobit ćeš ti svoje! Videt ćeš svoga boga! (FR, knj.1, s. 681)

Смотри ты у меня! (Горький)

Pazi se ti! (Gorki)

При повелении высказыванию придает значение угрозы использование усиливательной частицы **только / samo** в обоих языках **Только + V imper:**

Только попробуй (посмей)!

Samo probaj (samo se usudi (to napraviti i td.) (PCC, c. 858)

Таким образом, выявив ряд функционально-семантических параллелей русского и сербского языка среди высказываний, выражающих эмоциональное утверждение (отрицание), эмоциональную оценку, волеизъявление, отметим, что родственные языки представляют коммуникемы – аналоги, фразеологизированные синтаксические конструкции – аналоги, фразеологизированные синтаксические конструкции – эквиваленты, а также случаи прямой передачи смысла.

И в русском, и в сербском языке большее количество моделей наблюдается в области оценочных высказываний. Это, вероятно, объясняется тем, что оценочные высказывания обладают большими возможностями в плане выразительности и эмоциональности, что способствует их более активному использованию говорящими в процессе коммуникации.

В обоих языках коммуникемы способны иметь грамматическую парадигму: *нашел (нашла) дурака / našao je (našla je) budalu; ишь какой (какая, какие) / gle ti njega (nji, njih), gle kakav (kakva, kakvi) je (su)*, таким образом, не являясь абсолютно нечленными; проявляют лексическую вариативность: *черт (леший, пес, шут, лукавый, пес, прах, ...) дернул (ponutio); davo (vrag) ga znaje*.

В качестве специфической черты русского языка следует отметить, что большее количество коммуникем, по сравнению с сербским, обладают энантиосемичными значениями: *Как же! Однако! Нормально!* и др. Они многообразны по структуре и оттенкам передаваемых значений и в большинстве случаев характеризуются отношениями “внутренней антонимии”.

И фразеологизированные конструкции, обладающие лексической проницаемостью и определяемой синтаксической схемой, тесно и органично сочетающиеся с другими высказываниями в тексте, и нечленные структуры-коммуникемы связаны с экспрессивно-эмоциональной и волевой сферой поведения человека. Они возникают в условиях непосредственного восприятия реального мира и передают реакцию, максимально используя средства выражения эмоций, экспрессии и других отношений.

Данный фрагмент исследования, не претендуя на полноту и детальность описания рассматриваемого языкового явления, подтверждает, что анализируемые конструкции как единицы эмотивного синтаксиса представляют собой живое, развивающееся, продуктивное явление и в русском, и в сербском языках, ярко характеризующие самобытность речи родственных народов, узус употребления языковых единиц, и обладают широкими перспективами для дальнейшего структурно-семантического, грамматического и прагматического исследования в сравнительно-сопоставительном аспекте.

ПРИМЕЧАНИЯ

FR	Rusko-hrvatski ili srpski frazeološki riječnik / U redakciji A. Menac. Knj. 1-2. Zagreb, 1979-1980.
CPC	И.И. Толстой. Сербскохорватско-русский словарь. М., 1982. 736 с.
PCC	Русско-сербохорватский словарь / Под редакцией Б. Станковича. Нови Сад - М., 1988. 986 с.

Водяха А.А., Терещенко Т.М. Функционирование лексических единиц в ходе отражения эмоций в языке и речи // Владимир Даль и современная филология:

- Материалы международной научной конференции. Т.2. Нижний Новгород, 2001. С.49-51.
- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М., 1980.
- Малинович Ю.М. Экспрессия и смысл предложения в современном немецком языке. Автореф. канд. дис. М., 1966.
- Меликян В.Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М., 2001.
- Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования. СПб, 1994.
- Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
- Трофимкина О.И. Синтаксис современного сербохорватского языка: словосочетание и простое предложение. СПб., 1993.
- Ушакова Т.М. Дейксис в аффективном синтаксисе: (На примере французских эмотивных предложений) // Грамматическая семантика. Горький, 1978.
- Шведова Н.Ю. Междометие как грамматически значимый элемент в русской разговорной речи // Русский язык в школе. 1957. №1. С.85-95.
- Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: “за” и “против”: Сб. статей. М., 1975. С. 193 – 230.

Е. А.Правда

Некоторые особенности коммуникативного поведения представителей сербскоязычной культуры

Как известно, сербский язык является одним из южнославянских языков, распространён главным образом на Балканском полуострове. Применительно к литературному языку термин *сербский язык* употреблялся не всегда; к тому же национально-языковая и политическая ситуация на Балканах сложна и динамична. Эти обстоятельства заставляют нас включить в очерк некоторые специальные пояснения.

Пока почти все южнославянские народы (кроме болгар) жили в одном государстве, в научной литературе было принято говорить о *сербскохорватском* (*сербохорватском*) литературном языке; при этом для обозначения хорватского – „загребского“ – варианта данного языка (Собинникова 1979, с. 65) употребляли, и, прежде всего в Хорватии, термин *хорватскосербский* язык. Сербскохорватский язык предполагает равноправное использование двух видов графики – кириллицы и латиницы.

Если признавать существование единого сербскохорватского языка, то его главными носителями следует считать сербов, черногорцев, хорватов и славян-мусульман.

Хорваты в своём большинстве исповедуют католицизм. Их речь в целом мало чем отличается от речи сербов и черногорцев; имеющиеся отличия носят главным образом лексический характер. На письме хорваты используют только латиницу. В среде сербских лингвистов есть мнение, что в последнее

время хорваты стремятся насильственно как можно больше отдалить свой язык от сербского и делают упор на существующие варианты языковых форм и диалектные отличия, а также заменяют привычные названия неологизмами, создаваемыми в духе *мокроступов* и *гульбища* В. Тредиаковского.

„Мусульманами“ на Балканах называют потомков славян, обращённых в ислам турками. „Мусульмане“ издавна составляли значительную часть населения Боснии и Герцеговины. В устной речи „мусульман“, и, прежде всего боснийских, заметны некоторые фонетические отличия от литературной речи сербов: по замечаниям сербских филологов, „мусульмане“ не различают четырёх типов ударения, не сближают в произношении долготу заударных гласных и др. Наши наблюдения показывают, что „мусульмане“ говорят в среднем быстрее и их речь менее мелодична, чем речь сербов или черногорцев. В письменной речи „мусульмане“ - боснийцы, также, как и хорваты, используют только латиницу.

После распада на рубеже 80–90-х гг. XX в. второй Югославии на её месте образовалось пять (фактически – шесть) новых, самостоятельных государств: Югославия (союз Сербии и Черногории), Хорватия, Федерация Боснии и Герцеговины, к которой относят и Республику Сербскую – государственное образование под протекторатом ООН на границе с Югославией, Македония и Словения. В связи с этим понятие *сербскохорватский/хорватскосербский* язык официально перестало существовать, т. к. международными договорами было закреплено различение языков *сербского* (язык сербов, государственный язык Сербии и современной Югославии в целом, а также Республики Сербской), *хорватского* (язык хорватов и государственный язык Хорватии), *боснийского (босняцкого)* (язык боснийцев, или босняков, т. е. мусульманского населения Боснии и Герцеговины, и государственный язык этой страны), а также соответственно *македонского* и *словенского*. Однако многие лингвисты, филологи и литераторы продолжают и по сей день говорить о *сербскохорватском* языке. Кроме того, в просторечии с „титовских времён“ сохраняется название *югославский* язык, а представители национальных меньшинств современной Югославии часто называют себя *югославами*; в сегодняшнем употреблении этих названий звучит ностальгия по временам „братьства и единства“ и негативная оценка национальной розни, царящей на Балканах в последние десятилетия.

Таким образом, исходя из реалий современного мира, носителями культуры сербского языка следует считать жителей современной Югославии, включающей Сербию и Черногорию (Монтенегро), а также Республики Сербской. В нашем очерке мы будем говорить прежде всего о Югославии.

В отличие от Хорватии и БиГ, в Югославии употребляется оба вида графики – и кириллица, и латиница. При этом в СМИ использование того или иного типа письма оказывается средством демонстрации политической ориентации: кириллицу используют для выражения национал-патриотических, а латиницу – оппозиционных официальной власти, антисоциалистических или „прозападных“ политических взглядов и настроений.

Национальный состав населения современной Югославии весьма пёстрый. На сербском языке говорят здесь сербы, черногорцы, „мусульмане“, горанцы,

цыгане и местные жители других национальностей: этнические словаки, венгры, румыны, албанцы, турки, египтяне и др. При этом родным этот язык является главным образом для сербов, черногорцев и „мусульман“.

Верующие сербы и черногорцы в подавляющем большинстве исповедуют православие; верующие албанцы, „мусульмане“ и горанцы – ислам; определённая часть населения, в основном на севере страны, – католицизм. Учитывая неоднородность национального и религиозного состава носителей сербскоязычной культуры в современной Югославии, при необходимости их обобщённого обозначения будем употреблять название *югославы*.

Югославия лишь северной своей частью заходит в область средней Европы и в целом представляет собой типичную балкансскую страну. Здесь, во многом благодаря горам и близости Адриатического моря, существует особая красота ландшафта, природы, лиц и фигур людей, их темперамента и манеры держаться, а также их речи – напевной и благозвучной. Музыка, и народная, и популярная, очень мелодична, в ней преобладают печальные интонации. В менталитете, национальном характере, образе жизни, поведении населения проявляются черты, свойственные и славянам, и восточным народам, и южанам, и горцам.

Жители Югославии осознают свою принадлежность к малым народам (сербов в мире ок. 10 млн. чел., а черногорцев – ок. 600 тыс.); отсюда выраженное чувство национальной гордости, внимание к своей национальной истории и культуре, обострённое чувство национального самосохранения и др.

Многие люди в мире, особенно в странах Запада, считают югославов, и прежде всего сербов, воинственным, агрессивным народом. Подобное мнение – ложный стереотип, формированию которого послужили, очевидно, и история начала первой мировой войны (с теракта в Сараево), и войны, сопровождавшие распад „титовской“ Югославии, и усилия антисоциалистической и антисербской пропаганды, призванной оправдать политику Запада по отношению к режиму С. Милошевича.

Считаем, что оценивать в этом отношении менталитет югославов следует объективно и непредвзято, с учётом и темпераментности балканцев, и общих сложных межнациональных отношений в Балканском регионе, и особенностей исторической судьбы сербского и черногорского народов, которым на протяжении своего существования приходилось постоянно бороться за национальную независимость, и именно благодаря этой борьбе они сумели даже в условиях пятисотлетнего турецкого ига сохранить свою национально-культурную самобытность.

Современное югославское общество весьма политизировано. Существует шутка: „Где два серба, там три политические партии“. Темы политики и войны являются для югославов не только популярными (в силу их актуальности, злободневности), но и болезненными – особенно для тех, кто оказался непосредственным участником или очевидцем военных действий, кто пострадал в войне. Исследования, проводившиеся среди сербских беженцев, показывают, что у таких людей фиксируются, в частности, значительные изменения в восприятии некоторых слов-стимулов сербского языка (например, некоторых слов, обозначающих предметы повседневного пользования).

Югославы являются мужественным народом, причем впечатление „мужественности“ (в буквальном смысле) они производят и внешне: держатся уверенно, независимо, в поведении и голосах чувствуется решительность, твёрдость. К тому же при восприятии на слух речи югославов кажется, что они говорят „низким голосом“. Действительно, у многих женщин здесь очень низкие, „грудные“, а зачастую и „мужские“ голоса. Однако дело не столько в тембре, сколько в регистре речи: так, например, у югославов, владеющих русским языком, при переходе в разговоре с сербского на русский язык обычно наблюдается повышение тона голоса; соответственно, русским приходится по-сербски говорить на более низких, чем они привыкли, тонах. Громкость речи в целом несколько выше, чем в средней Европе.

Отличительная черта югославов, которую отмечают и они сами, и иностранцы, – чувство самодостаточности, гордости, независимости и некоторой самоуверенности. Формирование этих черт связано, возможно, с тем, что по природным условиям Югославия – богатая страна, в которой есть разные климатические зоны. Равнинная северная часть Воеводина – плодородный земледельческий район. Гористая центральная часть с плодородными долинами – традиционный район скотоводства и виноградарства; кроме того, горы не раз в истории помогали жителям спасаться от завоевателей, оставаться непокорёнными. В стране много рек, есть также выход к Адриатическому морю, побережье которого представляет собой зону субтропического земледелия, а также курортную зону. Страна богата полезными ископаемыми, а значительную долю производства составляет сельское хозяйство – что обеспечивало выживаемость населения во время войн, экономических блокад и т. п.

Вступая в общение с югославами, россияне сразу обращают внимание на то, что их отличает от русских – выраженное чувство собственного достоинства и самоуважения, неторопливость, вальяжность. „Они очень любят себя“, – заметила одна российская преподавательница. Югославы не склонны спешить, в ситуациях совместной деятельности они часто употребляют фразы-советы: *Полако* („Потихоньку, не торопясь“), *Немој(-те) да журиши(-ите)* („Не спеши(-те)“). Они не любят суэты, волнений. Их любимые поговорки – *Нема проблема* („Нет проблем“), *Биће боље* („Будет лучше, всё образуется“).

Неторопливость, самоуважение особенно свойственны черногорцам. Считается, что у них эти качества часто превышают меру, граничат с нерасторопностью и ленью – что является излюбленной темой анекдотов о черногорцах.

В одной из передач югославского телевидения, которую можно было увидеть в Белграде в канун Православного нового 2001 года, велась беседа с сербским писателем, автором книги „Какие мы, сербы?“. Речь шла о национальном характере сербов, о состоянии общества, о насущных проблемах Югославии. В ходе разговора прозвучали следующие мысли:

- в сербах славянская романтичность и широта души сочетается со средиземноморским стремлением наслаждаться жизнью;
- сербы – патриархальный народ, который любит свою семью;

– сербы – народ, который привык только брать; он склонен к самообману, поэтому ему надо учиться надеяться самому на себя;

– сербам не хватает самодисциплины в смысле рациональной организации времени, соблюдения режима труда и отдыха.

Данные утверждения, как нам кажется на основании наших собственных наблюдений, в целом верны, и могут быть распространены и на остальных югославов. Думается, что первый тезис – о двух главных источниках формирования национального характера сербов (и югославов) можно было бы расширить, добавив, что определенное влияние на формирование национального характера югославов, как и народов других бывших социалистических стран, оказал и период господства коммунистической идеологии и „социалистического образа жизни“; результаты такого влияния сегодня хорошо заметны, например, в объединённой Германии у восточных немцев – жителей бывшей ГДР.

Как и представителям других славянских народов, югославам, свойственны выносливость, терпеливость, а в общении – хлебосольство, радущие, участливость. С русскими их сближает определённая широта души, эмоциональность, романтичность, склонность к увлечению иллюзиями, теоретизированию. Они чувствительны, иногда до сентиментальности.

Из публицистического эссе „Письмо в Россию из Косова (Два года в Приштине в самый канун последней войны или Несколько слов к новейшей предыстории балканского трагифарса-99)“ (см. /Правда 1999-2000/):

„Каждый второй серб – поэт“, – сказал в шутку один коллега в Нови-Саде. И добавил: „А в каждом третьем доме – картинная галерея“. В самом деле, сборников стихов в Сербии сегодня выпускается столько, что действительно можно предположить, что стихи там пишет каждый второй. Другое дело, что, конечно, не каждый из тех, кто печатается, является настоящим поэтом. Но важно, как мне кажется, то, что сочинять стихи в этой стране престижно, а публиковать их считается вполне нормальным и даже необходимым делом. И к изобразительному искусству также относятся весьма почтительно, гордятся своими собраниями живописи, которые некоторые дома действительно превращают в маленькие галереи.

Выход сборника стихов обычно знаменуется литературным вечером („промоцией“), на который приглашают известных людей – поэтов, литературных критиков, издателей, артистов. Открытие выставки произведений изобразительного искусства также обычно проходит торжественно, часто имеет характер приёма, на котором выступают искусствоведы, представители творческой интеллигенции, организаций культуры. Прийти на такое мероприятие может любой. Видно, что своих талантов (художественных, поэтических, музыкальных, научных, литературных, технических, каких бы то ни было) – в Югославии не только не стесняются, но, наоборот, гордятся ими, их уважают и ценят, а к искусству относятся как к естественному способу выражения мыслей и чувств“.

Семья является у югославов одной из важнейших ценностей. Иметь детей считается не только счастьем, радостью, но и в какой-то мере долгом перед своим народом. Существует даже пословица: *С одним ребёнком – что совсем*

без детей. О холостячестве, незамужестве люди старшего поколения говорят всегда если не с осуждением, то обязательно с сожалением, жалостью. Принято знать своих родственников, поддерживать с ними отношения. Молодёжь, хотя и является, как и в Европе, довольно эмансипированной и имеет склонность к длительным близким отношениям до свадьбы, к гражданскому браку, – в целом довольно привязана к семье, родителям, национальным традициям.

Из „Письма в Россию из Косово“:

„Сербы и черногорцы во многом патриархальны. Хоть они и смеются: „Как бедные турки 500 лет нас выносили!“, но все-таки полтысячелетия турецкого ига оказалось тормозом в развитии этих народов. Взять хотя бы „крестную славу“ – уникальный для славян обычай чтить в роду по мужской линии из поколения в поколение определенного православного святого – покровителя рода, отмечая по церковному календарю его день, своеобразные именины рода, семьи. По „крестной славе“ и фамилии находят родственников. Этот обычай очень уважается в стране: „крестную славу“ празднуют часто с большим количеством гостей и угощения, иногда так же широко, как свадьбу, на работе сотрудникам положен на этот день выходной. Этот обычай свидетельствует о сохранении сербами и черногорцами чувства рода...“.

У югославов несколько иное, чем у русских, представление об удалённости в пространстве тех или иных объектов – что объясняется, очевидно, разницей в масштабах наших государств. В городах иностранцам обычно советуют воспользоваться транспортом даже в тех случаях, когда до искомого места, по русским меркам, рукой подать, – так как считают, что это „очень далеко“. Несколько иначе употребляются и понятия „наверху“ и „внизу“. Так, о том, что находится на севере, говорят – „наверху“, о том, что на юге, – „внизу“; вероятно, это связано с протяжённостью страны в основном с севера на юг и с тем, что именно в этом направлении наблюдаются в стране основные различия – климатические, этнические, культурные, диалектные и др. Понятия „верх“ и „низ“ используют и при ориентации в горизонтальной плоскости: верхом могут назвать более широкий конец улицы или конец, выходящий на площадь или в центр города, пространство у входа в помещение и т. п.

Об особенностях национального менталитета, так или иначе влияющих на коммуникативное поведение югославов, можно судить и по их пословицам и поговоркам. Проанализируем прежде всего те из них, которые имеют непосредственное отношение к общению, речи, языку.

Так, в народных речениях отмечается польза, необходимость общения в жизни человека – ср.: *Кто спрашивает, тот не плутает; Если не знаешь, спроси того, кто знает; За признание прощают половину вины*. Подчёркивается значение письма: *Глупый запоминает, а умный записывает*.

Пословицы и поговорки предупреждают, что к своим словам надо относиться внимательно.

Во-первых, потому, что люди чутки к словам, слово может ранить или даже убить: *Язык посёк больше голов, чем сабля; Слово может рубануть посильнее сабли; Язык без костей, а кости ломит; Рана от ножа может и*

зарости, а от слова – никогда; Его убило слишком сильное слово; Ругай, но не кляни.

Во-вторых, за речью надо следить ещё и потому, что сказанное характеризует человека, создаёт о нём впечатление у окружающих. Прежде всего это касается содержания речи: *Иногда сказанное слово говорит больше о том, кто его сказал, чем о том, кому оно было адресовано; Лучше умно молчать, чем говорить глупости; Лучше есть что попало, чем что попало говорить; Лучше поскольку знутся ногой, чем языком; Волы привязывают за рога, а человека – за слово; Что написано пером, не вырубишь и топором; Один раз солжёшь – другой раз не поверят; Так убедительно лжёт, что сам верит в то, что это истина; Сегодня говорит одно, а завтра другое; У него каждое слово на своём месте.*

Люди обращают внимание и на манеру речи: *Говорит, как уколотый граммофонной иглой; Говорит так, как будто проглотил граммофонную пластинку; Повторяет (слова) как попугай; Говорит, как заведённый. От характера речи зависит и эффективность общения: Доброе слово и железные двери отворяет; Говори тише, тебя плохо слышно.*

Однозначно отрицательно оценивается излишняя словоохотливость, склонность к болтовне, празднословие – ср.: *Слова надо взвешивать, а не считать; Избегай пустых разговоров; Большие дела, меньшие слов; Спрячь язык за зубы, мой голуба; Укороти язык; Хорошая овца много не блеет, но много шерсти даёт; У хвастуна всего много; Где тебе много обещают, туда иди с маленькой сумкой; Где много слов, там много и лжи; Никакими красивыми словами не исправишь того, что уже сделала дубина.*

Не одобряются и спешные, непродуманные и необоснованные высказывания, суждения: *В состоянии аффекта или стресса сначала посчитай до десяти, а потом уже реагируй; Кто быстро судит, быстро и кается; Сначала послушай, а потом суди; Не следует критиковать книгу, которая не прочитана; Никогда не говори „никогда“.*

В общении ценятся прежде всего искренность, правдивость – ср.: *Если у тебя сердце такое же, как твоя речь, ты хороший человек; Лучше кому-либо высказать всё в глаза, чем на него искоса смотреть; Язык говорит ложь, а сердце – правду; Кто солжёт за тебя, тот солжёт и против тебя; Кто лжёт, тот и крадёт; Ложь – мать обмана; Говорит одно, думает другое, а делает третье и др.*

Однако не одобряется и излишняя простота – ср.: *Не говори всё, что знаешь, не делай всё, что можешь, и не верь всему, что слышишь; Кто много говорит, тот говорит всё, что знает. Кто молчит, у того всегда есть, что сказать; Умный думает, что говорит, а глупый говорит, что думает.*

Народная мудрость учит и тому, как правильно относиться к чужим словам. Оскорблением не стоит придавать слишком много значения: *Собака лает, ветер носит; Псы лают, а караваны идут; Хоть горшком назови, только не разбей. Ведь люди любят поговорить: Ничьё слово не последнее и не может быть последним; Разговорам никогда нет конца.*

Необходимо уметь понимать и правильно интерпретировать слова: *Не новость, что собака укусила человека, а новость, что человек укусил собаку;*

Есть строчки и между строками; Читать можно и между строк; Верёвка может быть длинной, а слово коротким; Кто много угрожает, того не бойся; Не бойся пса, который лает. Чужие советы следует принимать к сведению: Кто каждого слушает, плохо делает, а кто никого не слушает -- ещё хуже. Но не стоит следовать советам слепо: Советы принимай с вином, а используй с водой; Старшего надо слушаться, но не надо за ним идти.

Рекомендуется правильно выбирать партнёра по общению, учитывать его особенности: *Не стоит просить слепца показать дорогу, а глупца – дать совет; Подмигивать кривому – всё равно, что шептать глухому.* (Все примеры пословиц и афоризмов взяты из сборника «Две хи ляде 1999»).

Приведём и несколько анекдотов, передающих колорит жизни и общения в Югославии (из сборника /Антић 2000/, перевод наш – Е. П.).

Зеркало

Один человек послал из Парижа зеркало своему брату в Черногорию.

– Смотри, смотри, это же портрет моего деда Марко, это же его очи соколиные, брови богатырские! – восклицает черногорец, смотрясь в зеркало.

Прибегает невестка, отбирает у него зеркало, смотрится в него, и говорит:
– Какой дед Марко! Это же какая-то красотка!

Начали друг у друга отнимать зеркало. Невестка упрямая, не отдаёт. Решили идти к попу. Поп посмотрел в зеркало, перекрестился и говорит:

– Какой вам дед Марко, какая красотка! Это святой отец Василий, царствие ему небесное!

* * *

На учениях командир приказывает солдатам:

– Маскируйся!

Все замаскировались, кроме Штепана, черногорца. Взбешённый командир кричит:

– А что же ты, милый мой, стоишь как камень?

– А я замаскировался под камень, товарищ командир! – с готовностью отвечает солдат.

* * *

Лала (серб из Воеводины) спрашивает своего друга – серба из Пирота:

– Давай поспорим на 100 марок, что ты мне отрицательно ответишь на вопрос, который я тебе сейчас задам!

– Ладно, – отвечает тот, решив во что бы то ни стало ответить „да“.

– Одолжи мне 200 марок!

* * *

Разговор по телефону:

– Это скорая помощь? Здесь одному человеку стало плохо... О, какой у вас приятный голос! Что вы делаете сегодня вечером?

* * *

Мать заставляет ребёнка съесть яйцо, а ребёнок говорит:

- Не хочу!
- Не говорят „не хочу“. Надо говорить „не могу“.
- А что мне сказать, если я могу, но не хочу?

* * *

Официант предлагает посетителю ресторана:

- Обваренный язык, жареная печень, сердце в соусе и свиные ноги.
 - Послушайте, – отвечает посетитель, – какое мне дело до ваших проблем!
- Дайте мне порцию фасоли.

* * *

Во время лекции одного профессора кто-то в верхних рядах амфитеатра восклицает:

- Как это скучно!
- Профессор заканчивает фразу и требует, чтобы тот, кто это сказал, немедленно вышел вон. Никто не встаёт с места. Профессор спрашивает гневно:
- Что, этот господин меня не слышит?
- Нет, отвечает другой студент, – он опять заснул.

* * *

В купе поезда старик пристально смотрит в лицо молодому человеку, который сидит напротив него и постоянно жует жевательную резинку. Старик долго всматривается в губы спутника и наконец говорит:

- Извините меня, молодой человек, я глух и не слышу, что вы говорите.

Рассмотрим некоторые черты сербского коммуникативного поведения в стандартных коммуникативных ситуациях.

Встреча, приветствие, установление контакта

У знакомых принято выражать радость от встречи обязательно рукопожатием и очень часто – троекратным поцелуем.

Обращение

Стандартной и общепринятой формулой обращения к незнакомым, а также в официальной обстановке является: к мужчине – *господине*, к замужней женщине (или женщине в возрасте) – *госпожо* и к незамужней женщине (к юной девушке, молодой женщине) – *господице*. Традиционными „народными“ обращениями к незнакомым являются термины родства и нек. др. формы, ср.: к молодому человеку, младшему по возрасту – *сыне* („сын“, „сынок“), к женщине – *жено* („жена“, „женщина“), к пожилому человеку – *деда* („дедушка“) и др. По отношению к детям, молодым людям используются формы *девојчице* („девочка“), *девојко* („девушка“, „девица“), *дечко* („мальчик“, „парень“), *младичу* („молодой человек“). Ребёнок ко взрослому мужчине может обратиться: *чико* („дядя“). Кроме этого, в тех или иных сферах общения

могут употребляться и другие формулы, о которых будет сказано в соответствующих разделах.

На россиян югославы производят впечатление людей более открытых и непосредственных, чем они сами, а обитателям средней Европы кажутся темпераментными, а также несколько простоватыми и грубоватыми. Действительно югославы в целом менее церемонны в общении, чем люди в средней Европе. Так, с незнакомыми, особенно с молодыми людьми, часто начинают сразу говорить на ты. Эта „простота“ в общении, как представляется, связана во многом с чувством принадлежности к одному народу – не случайно распространённое в разговорной речи, особенно после последней войны, полуслугливое обращение *брате* („брать, браток“), употребляемое по отношению как к мужчинам, так и к женщинам. Ср. также формы обращения *пријатељу* („друг, приятель“), *човече* („человек“).

Знакомство

При знакомстве обязательно рукопожатие, причём первым руку обычно подаёт мужчина. После представления и обмена фразами: „Очень приятно!“ положен формальный вопрос: „Как поживаете?“.

Прощание, расставание

Человеку, приехавшему ненадолго, часто при прощании говорят: „Мы ещё увидимся“. В некоторых местностях в сёлах сохраняется обычай избегать долгих и церемонных прощаний с уезжающими друзьями, так как считается, что иначе они больше не вернутся.

Извинение

Церемонно извиняться „на каждом шагу“ в Югославии не принято, но в целом извиняются часто, так как доброжелательно настроены к окружающим.

Запрещение

Наиболее часто запрещение выражается в вывесках-объявлениях. Такие объявления обычно строятся по типу *Просим вас не делать того или того или Пожалуйста, делайте/не делайте так-то*. Однако есть и более категоричные. Так, например, в городских автобусах в г. Нови-Сад можно встретить надпись, гласящая: „Запрещается грызть семечки“. А типичная надпись *Забрањено пушење* („Курить запрещается“) стала названием популярной рок-группы.

Отказ

При отказе от предлагаемой пищи считается более вежливым сказать не „Не хочу“, а „Не могу“.

Согласие, несогласие

При выражении несогласия югославы довольно категоричны.

Замечание

Одёргивать и поучать других, как это свойственно русским, у югославов не принято. В обиходе югославы довольно толерантны по отношению к ближним. Однако и не терпят до бесконечности явные нарушения своих прав, общественного порядка. Так, например, замечание могут сделать человеку, слишком долго занимающему телефон-автомат, официанту в ресторане или кондуктору в общественном транспорте за те или иные недостатки в обслуживании, или в др. подобных ситуациях. При этом замечания делаются, как правило, в довольно вежливой форме.

Побуждение

Как и замечания, „указания“ незнакомым югославы дают редко, делают это в доброжелательной и вежливой форме.

Просьба

Типичные вопросы и просьбы к незнакомым – как пройти, как найти, который час, куда идёт автобус и т. п.; могут также попросить зажигалку, чтобы прикурить. Знакомые часто берут друг у друга деньги в долг.

Соболезнование

Православные югославы хоронят своих умерших по православным обычаям, но, в отличие от русских, на второй день после смерти. Поминки устраивают на самом кладбище, раскладывая выпивку и закуску на могиле. Домой после этого приглашаются лишь самые близкие. Соболезнования выражают соответствующей фразой – букв.: „,(Примите) мои соболезнования“. Если навещают дома коллегу, у которого умер родственник или близкий, то кроме чётного числа цветов, могут принести в подарок кофе, фрукты или под.

Комplимент

Югославы очень любят добрые отношения с людьми, приятное времяпрепровождение со знакомыми и друзьями. У них для этого есть специальное понятие, не имеющее эквивалента в русском языке - *дружости се*. При этом похвала, комплимент используются как средство создания хорошего настроения, праздничной атмосферы, поддержания добрых отношений, поощрения. Комплимент может использоваться и для установления контакта. Так, похвала „красивым глазам“ является у мужчин типичным началом ухаживания за женщиной. Часто хвалят детей. В целом, как представляется, югославы делают комплименты чаще, чем россияне, и без особых ограничений с точки зрения пола или служебных отношениям. Возрастное ограничение проявляется в том, что комплименты обычно делают старшие младшим, а не наоборот. Иностранцам часто делают комплименты о хорошем знании ими сербского языка.

Общение со знакомыми

К знакомым относятся тепло, часто по-родственному. Родственные или дружеские „связи“ являются также важным фактором деловых отношений.

Общение с незнакомыми и малознакомыми

Югославы очень общительны и легко вступают в разговор с незнакомцами. С попутчиками в такси, автобусах, с окружающими в очередях и в других подобных ситуациях сразу же заводятся разговоры о социально-политических проблемах. Начаться такой разговор может с комментария происходящего вокруг в данный момент, с выражения неудовольствия по поводу чего-либо, что говорящий считает „непорядком“ и в обсуждение чего хочет вовлечь собеседника, или с напоминания об актуальных событиях в политической жизни, с упоминания, кстати или некстами, лидеров государства, известных политиков и т. п.

В этом проявляется соборность югославов – „чувство соплеменника и единоверца“. Именно на этом чувстве, а также на доброжелательности и дружелюбии, а не на формальном соблюдении дистанции и стремлении „не помешать“ базируется у них, как нам кажется, и вежливость. Поэтому они довольно терпимы к нарушениям дистанции и причинению беспокойства в транспорте, в толпе.

Однако от „соборности“ носителей русскоязычной культуры их при этом отличает то, что в общении с незнакомцами они меньше обременяют их своими проблемами, но больше им доверяют. Одновременно они и сами в быту заслуживают доверия. Россияне в Югославии бывают часто приятно удивлены доброжелательностью, порядочностью и бескорыстием югославов по отношению к незнакомцам.

Также, как и многим русским, многим югославам свойственна разговорчивость и стремление в разговоре сразу же перейти к обсуждению „личных“ тем.

Общение между мужчинами и женщинами

Югославские мужчины, особенно принадлежащие к старшему поколению, по праву славятся своей галантностью, умением проявлять вниманием к женщинам. Признаком хорошего тона является позаботиться о dame, а также заплатить за неё, например, при покупке ею сувениров или в кафе – разумеется, если это позволяют финансовые возможности мужчины. Один преподаватель вуза пошутил: „Я всегда плачу за женщину в буфете... если сумма не больше 20 динаров (стоимость примерно двух чашек кофе. – Прим. автора)“.

Общение с иностранцами

Возможно, в силу привычки жить в многонациональной среде, югославам в целом ксенофобия не свойственна. Однако у них существуют исторически сложившиеся стереотипы отношения к определённым народам: например, традиционно позитивное – к русским, грекам, французам; традиционно негативное – к туркам, албанцам, американцам; ср., напр., пословицу:

Потуреченный хуже самого турка. Разумеется, поведение югославов в ситуациях общения с иностранцами зависит, как и у представителей других народов, прежде всего от культурного уровня конкретного человека и от особенностей ситуации. В общении с иностранцами у югославов проявляется и чувство „национальной чести“.

Из „Письма в Россию из Косово“:

„Нас и русских – 300 миллионов“

„Правда сербы и русские очень похожи?“ – спрашивает меня Голуб Яшович. Смотрю на него: глаза карие, волосы черные, как смоль, крупный нос с горбинкой. Примерно так же выглядит и все семейство Яшовичей: жена Мира и трое детей-школьников, - и многие другие сербы. „О да, мы страшно похожи!“ – говорю я, довольно типичная русская, с русыми волосами и почти голубыми глазами, и мы вместе смеемся.

Однако вопрос этот, слышанный мною не раз, далеко не праздный. Отношение к русским сербов и черногорцев всегда было особым. В нашей прессе его принято называть „чувством традиционной дружбы“. Наверное, можно сказать и так. Но сами сербы называют это любовью, и кажется иногда, что они верят нам, как дети.

Образ „России-матушки“ издавна занимал довольно большое место в национальной картине мира сербов и черногорцев (как, впрочем, и некоторых других славянских народов - что, наверное, питает и неумирающую утопическую идею панславянизма). Когда в Сербии или Черногории говорят о России, что это большая страна, то слово „большая“ (по-сербски *вёлика*) произносится обычно с такой интонацией, что звучит именно как *великая*. В Югославии принято почитать Россию, надеяться на нее, престижно иметь с ней связи – деловые, дружеские, родственные (не случайно, наверное, здесь так много русских жен). „Каждый серб в душе русский“ – можно услышать в этих краях.

Доходит иногда и до курьезов. В одной семье мне рассказывали, как отец этого семейства, любитель бокса, всегда болел за „русов“, – даже тогда, когда они состязались с югославами.

Многие в Югославии помнят популярную когда-то песенку, в которой пелись: „Нас и русских – 300 миллионов“. Повторяя эти слова как шутку, кое-кто добавляет к ним: „А без русских – полгрузовика“. А на идею присоединения Югославии к союзу России с Белоруссией, поднимавшуюся во время НАТОвских бомбардировок, народ отреагировал лозунгом: „Русские, не бойтесь, мы с вами!“ – такие плакаты были тогда на мостах в Белграде наочных митингах, с их бесподобной, фантастической, как говорят присутствовавшие там иностранцы, атмосферой.

Междуд нашими народами действительно много общего. Похожи языки: сербско-хорватский напоминает нам о нашем старославянском и древнерусском прошлом. Похож менталитет: довольно быстро начинаешь чувствовать себя в Югославии как дома. Похожи и исторические судьбы наших народов. Возьмем, например, то, что также, как и Россия в СССР, Сербия – самая большая по территории и населению – была центром СФРЮ и также, как и Россия после развода СССР, после распада СФРЮ оказалась всем

должна и перед всеми виновата (потому-то День независимости в сегодняшней Сербии примерно настолько же популярен, как и аналогичный наш праздник в России). „Вы такие же, как и мы, только с акцентом“, – сказала я однажды кому-то из знакомых, сформулировав для себя наконец ответ на вопрос о нашем сходстве. Мое определение, помню, было принято с удовольствием.

„Сейчас, во время войны к нам приезжало много ваших депутатов, они говорили красивые слова, обещали военную помощь – и что? НАТО оккупировало Косово, и скоро там не останется ни одного серба“, – так говорил мне в сентябре 1999 г. один профессор-черногорец из Нови-Сада. Еще он рассказал о том, что российские специалисты, приезжавшие в Нови-Сад оценивать последствия военных разрушений, обещали железнодорожный мост через Дунай, гибель которого нарушила связь Белграда с Европой, восстановить чуть ли не за месяц – но воз пока и ныне там. Еще „русы“ обещали помочь отстроить уничтоженную знаменитую телевышку на горе Авала, но это тоже пока одни разговоры. Пытаюсь пошутить, говорю, что у нас принято обещанного три года ждать, – и вижу, что меня не понимают.

Тогда, в Приштине, в нашем разговоре с Голубом Яшовичем о русских и сербах, я спросила, за что сербы нас любят. Ответ был следующий: „Вы нам несколько раз в истории помогли, вот в этом и причина. Хотя вы нас не раз и предавали – например, в Дейтоне“. Знаю, что многие в Югославии и сейчас считают, что мы их снова предали. От нас ждали ЗАЩИТЫ – единственной и эффективной, если не с помощью ядерного оружия, то хотя бы с помощью наших зенитных установок, а также на уровне дипломатии. „Мы очень разочарованы и славянами вообще, и русскими. Сейчас в народе уже нет такой любви к русским, как раньше. Сейчас народ говорит: *Горе тому, кого греки кормят, а русские защищают*“, – уже довелось мне услышать. И слова одной известной в Югославии поэтессы-черногорки „Мы любим Россию, но это наше заблуждение“, сказанные однажды в Приштине, как видно, сейчас тоже оказываются к месту.

Нельзя сказать, чтобы все они не понимали, что наша официальная власть, не всегда выражает наши, народа, интересы. „Что ваше правительство, что наше – несчастье для наших стран“, – это было первое, что в свое время сказал мне, например, узнав, что я из России, один человек, работавший на почте в Приштине. Они понимают, что в основе изменившейся ситуации – кризис нашей российской экономики. „Вы стали слабыми – вот и нас обижают“, – констатируют они.

Они всё понимают. Но тем не менее говорят: „Эх вы! Если бы Америка напала на Россию, мы бы обязательно помогли“.

Общение с детьми

Детей югославы любят, считают их большой ценностью, обращаются с ними нежно, заботливо, однако при этом не балуют. В отличие от России, в Югославии дети производят впечатление спокойных и послушных, а родители – выдержаных и терпеливых. Родителей, кричащих на детей или шлёпающих их в публичных местах, можно увидеть крайне редко. Выгодно отличаются в этом отношении от российских (или бывших советских) югославские курорты,

где отдыхают в основном родители с детьми: там присутствие детей практически не создаёт беспокойства для окружающих.

В стране уделяется большое внимание детскому творчеству, патриотическому воспитанию детей и молодёжи.

Общение с гостями и в гостях

Югославов отличает гостеприимство. У них есть пословица *Перед гостями никогда не говорится „я спешу“*. Приём гостей может производиться дома, на работе, в кафе или ресторане. Гостю обязательно предложат хотя бы кофе. Приглашая в гости, как правило, уточняют, “на что” приглашают – на кофе или на обед. В официальной обстановке может быть обед, когда все сидят, или а-ля-фуршет. Такой а-ля-фуршет, или шведский стол, может быть и при приёме гостей дома. Чая в конце званого обеда или ужина как обязательного элемента нет. Может быть кофе. Гостей, как правило, настойчиво не угождают.

Общение с соседями

Соседей называют за глаза и обращаются к ним словами: *комишија* (сосед), *комишинице* (соседка).

Общение в транспорте

В югославских междугородних и в частных городских автобусах-маршрутках принято – и следует – не торопясь войти, занять место и спокойно ждать, когда будет проходить кондуктор-стюард и „обивечивать“ пассажиров. Это хорошо иллюстрирует неторопливость, „несуетливость“ югославов.

При обращении к водителю в транспорте употребляется форма *мајсторе*.

Общение на улице

В толпе – на остановках транспорта и в др. под. местах – люди не настолько внимательны и предупредительны друг к другу, как, например, в странах центральной Европы, но общий доброжелательный настрой по отношению к окружающим обычно позволяет югославам избегать конфликтов или быстро их сглаживать.

Общение в магазине

Типичное обращение к покупателю в магазине, на рынке – *комишија, комишинице* („сосед“, „соседка“). В большинстве магазинов входящим покупателям продавцы сразу предлагают свои услуги, говоря: „Изволте“ („Пожалуйста, что вам угодно?“).

Общение в очереди

В очереди обычно проявляют уважение к стоящим впереди, следят за тем, чтобы не нарушить чьё-либо право на очередь. Спрашивать, кто последний, не принято, так как не принято отходить из очереди. Если очень нужно отойти, то со стоящими рядом можно об этом договориться. Если неясно, есть ли очередь, кто впереди, то обычно спрашивают у тех из окружающих, кто находится ближе, не ждут ли они здесь тоже. Дистанция в очереди меньше,

чем в Европе, почти такая же маленькая, как у русских. В очередях люди обычно ведут себя спокойно и терпеливо.

Деловое общение, общение с официальными лицами

В этой сфере действуют общие правила и закономерности, характерные для общения с незнакомцами, с той разницей, что учитывается ситуация общения, дефицит времени официального лица.

При обращении к тем или иным людям „при исполнении обязанностей“ используются обозначения должности, ср.: к врачу – *докторе*, к полицейскому – по званию, напр., *наредниче* (старший сержант), к капитану судна – *капетане* и т.д.

Публичная речь

На научных конференциях считается хорошим тоном, для того, чтобы не задерживать внимание аудитории и не отнимать у неё лишнего времени, читать своё выступление по тексту. После выступлений принято аплодировать. Доклады читаются один за другим, все вопросы к докладчикам задаются в конце заседания на так называемых дискуссиях, на которых также высказывают мнения по поводу услышанных докладов, конференции в целом.

Ведение спора

Обычное для Европы стремление к бесконфликтности для Югославии не характерно, однако в быту, в общественных местах конфликты сравнительно редки, а если возникают, то люди и в них обычно до исступления не доходят, а наоборот, стараются сохранить чувство собственного достоинства. Поэтому перебранки часто напоминают просто разговор на повышенных тонах. Типичная стратегия речевого поведения в конфликтной ситуации, например, при возмущении чем-либо, – иронизирование над поведением партнера по общению, над ситуацией или над своим положением. Именно в ситуациях выяснения отношений для выражения мягкой критики или для убеждения чаще всего употребляется форма обращения *чове?е*, в которой звучит призыв к совести. Восклицание *Људи моји!* имеет тот же смысл, что и русское *Люди добрые!* и употребляется обычно как обращение к окружающим, к общественности в тех случаях, когда человек чем-то возмущён или огорчён.

В разговоре, не обязательно в споре, возможно перебить собеседника. Случаются и синхронные полилоги.

Общение в праздники

Радость от прихода „старого“ („сербского“) Нового года, 13-ого января, как и всякое другое радостное и важное событие (рождение сына, победу любимой спортивной команды и т.п.), в Югославии по традиции приветствуют пальбой в воздух из „домашнего“ оружия. В ситуациях активизации политической борьбы при этом по улицам, гудя сиренами, могут разъезжать автомобили с флагами или лозунгами.

Общение в учреждении

К официальным лицам в учреждениях обращаются по формуле *господине/госпожо+должность*, напр.: *господине судија, господине директоре*. К посетителям обращаются: *господине, госпожо, госпођице*, к обвиняемому в суде – *отпужени* („обвиняемый“). Подчинённые могут обратиться к своему начальнику: *шефе*.

Общение в медицинском учреждении

К врачу принято обращаться *докторе*. Порядки аналогичны порядкам в российских медицинских учреждениях.

Общение в кафе, ресторане

Кофе по-турецки без преувеличения можно назвать национальным напитком балканцев. „В этой стране все пьют кофе“, – говорится в известном фильме о Югославии „Бочка пороха“. Действительно, кофе в Югославии пьют везде – дома, в гостях, на работе, в кафе и ресторанах – и по многу раз в день. Это настолько принято, что первым вопросом при приеме гостей бывает обычно: *Какву кафу пијете?*, т. е. „Какой кофе вам сделать?“ (имеется в виду: без сахара, средний или сладкий). Чай пьют только при болезни. Под чаём понимают настой из любых лекарственных растений; черный чай называют *русским чаем*.

Кофепитие, как и пребывание в кафе или ресторане, является для югославов своего рода ритуалом и способом релаксации. Югославы любят хорошо и вкусно поесть. В стране везде можно найти разного рода и размера рестораны, кафе и закусочные. Они считаются не только „предприятиями общественного питания“, но, прежде всего, местами отдыха. Поэтому в них обычно более или менее „домашняя“ атмосфера, в большинстве случаев обслуживание ведётся официантами, которые, как правило, расторопны и любезны. Во многих ресторанах и кафе есть телевизоры, и во время важных спортивных матчей здесь бывает особенно много посетителей.

Молодёжь склонна к „ночному образу жизни“, тем более что большинство кафе и ресторанов работает допоздна, а многие и до утра. Несколько лет назад в Югославии даже принимался закон об ограничении доступа подростков в кафе и рестораны в ночное время, направленный на нормализацию учебного процесса.

К офицанту обращаются: *конобар* или, реже, *келнер*, а если это молодой парень, то посетитель старшего возраста может назвать его: *дечко*. Женщину-официантку могут назвать: *крумарице*.

Общение в церкви

В православных храмах нет жёсткого требования для женщин входить только с покрытой головой. В некоторых монастырях, однако, можно увидеть объявление для туристов не входить в слишком оголённом виде (в шортах, с декольте). Вообще атмосфера в церквях более демократичная, чем, например, в России или Украине, где часто находятся желающие сделать замечание о

поведении в церкви (и не только), об одежде, в которой женщина вошла в церковь, и т. п.

Общение в школе и вузе

Из „Письма в Россию из Косово“:

„К преподавателям, образованным людям в Югославии относятся с уважением. Работать в школе или вузе там если не очень выгодно, то все-таки более почтенно, чем работать, например, в банке. Любого преподавателя старших классов школы или вуза называют словом *профессор*. С дипломом о высшем образовании, как правило, легче трудоустроиться; дипломы эти принято, особенно в сёлах, вывешивать в рамочках на стене. В конце учебного года в витринах магазинов на улицах городов можно увидеть большие стенды с фотографиями выпускников той или иной средней школы, училища. Таким титулом, как, например, „дипломированный специалист“ или „инженер“, гордятся не меньше, чем учёной степенью или званием; представляют человека обычно так: „господин Йованович, дипломированный юрист“, „инженер Петр Николич“ или „магистр Душан Вукович“. Интеллигенция, студенчество там не „инвалиды умственного труда“, а духовная элита и весомая политическая сила, а университетский город в Югославии значит не только научный и культурный центр, но и центр общественной жизни. Поэтому инициаторами политических баталий и их эпицентрами становятся, как правило, именно университеты, а от интеллигенции ожидают политической активности“.

Ученики в школе могут обратиться к учителю: *наставниче/господине наставниче* („учитель/господин учитель“). Студенты обычно обращаются к преподавателю: *прфесоре*. Коллеги-преподаватели обращаются друг к другу: *колега, колегинице*, или, например, *колега Яшовичу, колегинице Матияшевич*. К мужчине-заведующему кафедрой, декану или заместителю декана их коллеги-мужчины, давно знающие друг друга и близкие по возрасту и по учёному званию, могут обратиться: *шефе, декане, продекане*. К студентам и преподаватели, и товарищи-студенты обращаются со словами: *колега, колегинице*.

Алкоголь и общение

Югославия – виноградарский край, поэтому здесь любят виноградное вино, виноградную и сливовую водку – ракию или сливовицу, особенно домашнего изготовления. Однако обязательным компонентом встречи, общения алкоголь, в отличие от кофе, не является; к пьянству югославы не склонны, пьяного на улице в будний день можно встретить крайне редко.

Во время застолий могут произноситься тосты, но, как правило, в начале, и тогда все чокаются рюмками и выпивают их вместе. При этом принято, чокаясь с кем-то, посмотреть ему в глаза. Дальше может пить каждый сам по себе, хозяин следит лишь за наполнением рюмок гостей, мужчины наливают женщинам.

Курение и общение

Курят в Югославии многие, в том числе многие женщины. Курят во многих общественных местах, в том числе часто во время заседаний, например, на научных конференциях.

Юмор и общение

В общении югославов юмор, ирония и самоирония занимают большое место, о чём свидетельствуют и пословицы – напр.: У *каждого слова есть хвост; Где ты был – нигде, что ты делал – ничего*. Иронизируют югославы и над собой, например, над своей самоуверенностью, которая проявляется и в их отношении к языку – ср., например, шутливые поговорки: *Говори по-сербски, пусть тебя весь свет понимает* или *Исковеркай сербский язык – вот тебе и русский*.

Улыбка в общении

„Вежливая“ улыбка встречается не часто. Улыбка обычно отражает реальные чувства. Но в целом народ улыбчивый, приветливый.

Контакт взглядом

Долгий взгляд, как и у русских, ведёт к уклонению от общения. В отношениях между мужчинами и женщинами может выполнять контактоустанавливающую функцию.

Молчание в общении

В целом молчание оценивается негативно, но не имеет особой коммуникативной роли. Ср. поговорки: *Говори, рот, чтобы не быть пустым. Молчит, как рыба; Молчит, как мумия; Молчит, как будто язык проглотил*. При этом молчание считается благом по сравнению с пустой болтовней – ср. пословицы: *Лучше умно молчать, чем говорить глупости; Молчание – золото*.

Символика цветов

Жёлтые цветы считаются символом ревности. По-особому относятся к красным пионам.

Из „Письма в Россию из Косово“:

„Сегодня о Косовской битве напоминают не только мемориальные места на Газиместане, но и Обилич – шахтерский городок с дымящими трубами ТЭС, которые видны из Приштины, и городское предместье Косово Поле. О крови, пролитой в борьбе за эту землю, говорят и закаты, которые считают особенно багряными в Косове, и косовский божур – пион особого оттенка красного цвета, который, как утверждают, растет только в этих местах“.

Символика растений

Чётное число цветов дарят только покойникам. Дуб считается символом Рождества Христова. В канун Рождества молодое дубовое дерево (бадник) сжигают перед церковью в процессе богослужения. В Рождественские

праздники дубовыми ветками украшают автомобили, двери домов и др. Черешневое дерево, а также плод айвы считаются символами домашнего очага, родного дома.

Символика цветовых оттенков

Цветом траура является чёрный цвет.

Символика подарков

Приходя впервые к кому-либо в дом, обязательно что-нибудь приносят в подарок, а хозяин тоже старается что-либо подарить – „чтобы гостю захотелось прийти ещё раз“. Гости при этом дарят кофе, вино, шоколад, конфеты, фрукты.

Люди умственного труда, творческая интеллигенция любят дарить свои книги или экземпляры своих статей с дарственными надписями.

Символика посещения общественных мест

В среде интеллигентии принято посещать так называемые промоции – торжественные собрания, посвящённые выходу чьей-либо книги или открытию той или иной выставки. На такие промоции обычно приглашают известных людей – поэтов, писателей, литературных критиков, искусствоведов, представителей творческой интеллигенции, организаций культуры. Прийти на такое мероприятие может любой.

Из „Письма в Россию из Косово“:

„...Только за три недели в Нови-Саде я посетила две „промоции“ сборников стихов „самодеятельных“ поэтов – преподавателей русского языка, которые сопровождались, кстати, и выставками живописи „самодеятельных“ художников (в Югославии граница между профессиональным и самодеятельным творчеством не воспринимается как резкая и непреодолимая – скорее наоборот). Видно, что своих талантов (художественных, поэтических, музыкальных, научных, литературных, технических, каких бы то ни было) – в Югославии не только не стесняются, но, наоборот, гордятся ими, их уважают и ценят, а к искусству относятся как к естественному способу выражения мыслей и чувств“.

Символика еды, угощения

Гостям предлагают обычно кофе, реже алкоголь, могут предложить и что-либо поесть. В сёлах сохраняется народная традиция встретить гостя, впервые пришедшего в дом, „слатко“ – попотчевать его прежде всего ложечкой варенья в знак того, чтобы ему чувствовалось в этом доме приятно.

Пригласить в кафе на чашку кофе или в кондитерскую на то же кофе или напиток с пирожным считается способом отблагодарить за какую-либо небольшую услугу. Если дама в компании мужчин скажет, что голодна, это могут понять как просьбу сводить её в ресторан. В компании предложение зайти в кафе, кондитерскую или ресторан часто является приглашением, то есть указанием на то, что предложивший берёт на себя обязательство

заплатить за всех. Как правило, мужчина старается заплатить за даму, даже если предложила зайти в кафе она.

Символика запахов

В комнатах принято держать плоды айвы. Это и декорация, и источник приятного запаха, поэтому связывается с представлением о доме, домашнем очаге.

Антић Срећко. Ко се смеје дуже живи. Анегдоте, вицеви, шале... Смедеревска Паланка, 2000.

Две хиљаде двеста двадесет две 2.222 Народне пословице и изреке / Сост. Д. Новићић. Београд, 1999.

Правда Е. А. Письмо в Россию из Косова // Воронежский курьер. 1999. №№ 145–151; 2000. – №№ 1–4.

Собинникова В. И. Введение в славянскую филологию. Учебное пособие. – Воронеж, 1979.

Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2000.

Стернин И. А. Русское коммуникативное поведение // Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX в. Воронеж, 2000, с. 95–128.

Райна Драгичевич

Сербский коммуникативный идеал в сопоставлении с русским

(экспериментальное исследование коммуникативного поведения)

В сборнике статей о русском и финском коммуникативном поведении профессор И. А. Стернин опубликовал результаты своих экспериментальных исследований о русском коммуникативном идеале (Стернин 2001, с.8-12).

Под коммуникативным идеалом понимается стереотипное представление об идеальном собеседнике, присутствующее в сознании народа (Стернин 2001, с. 8). Коммуникативный идеал может быть представлен не только в сознании народа, но и в сознании части этнического коллектива, объединенной каким-либо социальным, возрастным, профессиональным, гендерным признаком. В таком случае речь будет идти о групповом коммуникативном идеале.

В исследовании русского коммуникативного идеала И. А. Стернин применил методику ассоциативного эксперимента. Испытуемым предъявлялась инструкция следующего содержания:

"Просим вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Мы исследуем представления разных людей об идеальном собеседнике. Просим вас письменно ответить на следующий вопрос:

Идеальный собеседник – какой?

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.

Время ответа на вопросы не ограничивается. Спасибо!"

Испытуемыми были студенты из воронежских вузов и участники региональной научной конференции по культуре речи в Екатеринбурге. Опрошено 103 человека образованных людей - 29 мужчин и 74 женщины. Среди испытуемых 31 человек был в возрасте 20-30 лет, 63 человека в возрасте 31-50 лет, 19 человек старше 50 лет. Городских жителей из опрошенных было 74, сельских – 25. Четыре человека проживали в райцентрах.

Наиболее частотным ответом, и в то же время наиболее ценным признаком собеседника, оказалось *умение слушать*. Поскольку некоторые испытуемые называли один и тот же признак несколько раз, оказалось, что было получено даже 111 реакций такого содержания, при числе опрошенных 103. Вторым по частотности оказались признаки *умный, образованный, компетентный, эрудированный* (103). За ним по убывающей частотности следуют признаки: *веселый, с чувством юмора, оптимист* (56); *вежливый, воспитанный, с хорошими манерами, не грубый, тактичный* (43); *культурно, красиво говорит, грамотный, хороший русский язык* (41); *понимающий, способный понять* (28); *дружелюбный, доброжелательный* (27). Другие признаки оказались с меньшим числом упоминаний. На основании полученного перечня частотности реакций И. А. Стернин (2000, с.10) сделал вывод, что для испытуемых идеальным собеседником прежде всего является толерантный собеседник. Налицо толерантность как ведущая черта русского коммуникативного идеала.

И. А. Стернин (2001, с.11-12) подразделил ответы по признаку пола, возраста и места жительства. Оказалось, что мужчины у собеседника ценят ум (22), затем умение слушать (20) и умение хорошо говорить (11), а женщины – умение слушать (91), ум (81) и веселость (51).

Молодые люди в возрасте 20-30 лет больше всего ценят веселость (34), умение слушать (21), и ум (15). Среднее поколение, составлено из испытуемых в возрасте 30-50 лет, предпочитают умение слушать (73), потом ум (73) и умение хорошо, красиво, правильно говорить (26), испытуемые в возрасте свыше 50 лет, больше всего уважают умение слушать (26), ум (13) и способность понимать и сочувствовать (7).

Городские жители уважают те же признаки собеседника, что и сельские. Больше всего ценят умение слушать, на втором месте ум, а на третьем веселость.

Учитывая результаты, полученные И.А.Стернином, с учетом как положительных, так и отрицательных качеств этого эксперимента (из последних самым главным является ограниченное число испытуемых), мы провели примерно такое же экспериментальное исследование с целью определить сербский коммуникативный идеал. Сходства и различия между

сербским и русским коммуникативным идеалом могут быть использованы при определении некоторых черт сербского коммуникативного поведения по отношению к русскому коммуникативному поведению.

Мы применили методику ассоциативного эксперимента И. А. Стернина на 104 испытуемых. Испытуемые были сербы, проживающие в Белграде. Из них 86 женщин и 18 мужчин. Это большей частью были студенты филологического и педагогического факультетов в возрасте 20-25 лет - 75 человек, 12 человек в возрасте 30-50 лет и 17 человек старше 50 лет Итак, большинство испытуемых были студенты, в то время как большинство испытуемых в исследовании И. А. Стернина были люди среднего возраста (30-50 лет).

Самым частотным ответом сербских испытуемых оказалось *умение слушать*. 52 испытуемых (50%) привели этот ответ в числе своих пяти ответов. Из них 32 решили поставить его на первое место. 32 человека (30,7%) ценят искренность собеседника, 26 человек (25%) ценят образованность, а 25 человек (24 %) важным признаком для хорошего собеседника считают чувство юмора, в то время как 24 из них (23%) ценят готовность собеседника дать совет. Приведенные ответы являются самыми частотными у сербских испытуемых. Перечень продолжается так: спокойный, сдержанный (21-20,1 %), умный (19-18,2 %), умеет высказаться (18-17,3 %), общительный (16-15, 3 %), (16-15, 3 %), интересный (14-13, 4 %), сочувствующий (13-12, 5 %), терпеливый (12-11, 5 %), приятный (11-10, 5 %), толерантный (10-9, 6 %), откровенный (8-9,6 %).

Распределив результаты по возрасту, полу и месту жительства, мы пришли к следующим выводам о групповых коммуникативных идеалах:

20-30 лет (75 чел.)	30-50 лет (12 чел.)	Свыше 50 лет (17 чел.)
Умение слушать (47 -62 %)	Умение слушать (5 -41, 6%)	Толерантность (6 -35, 2 %)
Готовность дать совет (23 -30, 6 %)	Искренность (5 -41, 6 %)	Приятная внешность (5 -29, 4 %)
Чувство юмора (22 -29, 3 %)	Умение хорошо говорить (5 -41, 6 %)	Терпеливость (4-23, 5%)
Искренность (22 -29, 3 %)	Общительность (5 -41,6 %)	Искренность (4 -23,5 %)
Надежность (15 -20 %)	Компетентность (3 -25 %)	Интеллект (3 -17,6 %)

Мужчины (18 чел.)	Женщины (86 чел.)
Искренность (8 -44,4 %)	Умение слушать (49 -56, 9 %)

Умение хорошо говорить (5 -27,7 %)	Готовность дать совет (24 -27,9 %)
Толерантность (4 -22,2 %)	Искренность (24 -27,9 %)
Терпение (4 -22,2 %)	Чувство юмора (22 -25,5 %)
Образованность (3 -16,6 %)	Надежность (16 -18,6 %)
Город (79 чел.)	Село (25 чел.)
Умение слушать (43 -54,4 %)	Умение слушать (9 -36 %)
Искренность (23 -29,1 %)	Искренность (9 -36 %)
Образованность (21 -26,5 %)	Интеллект (8 -32 %)
Чувство юмора (20 -25,3 %)	Готовность дать совет (6 -24 %)
Готовность дать совет (18 -22,7 %)	Образованность (5 -20 %)

На основании анализа полученных ответов можно заметить, что коммуникативный акт сопровождается ожиданиями, обеспечивающими успешную коммуникацию. Существуют вербальные и невербальные правила коммуникативного поведения. Можно говорить о прототипическом сценарии успешной коммуникации. Эти правила можно распределить по нескольким уровням, в зависимости от того, насколько они оказывают прямое влияние на акт коммуникации.

В конкретном смысле, от собеседника ожидается, чтобы он смотрел в глаза и не занимался во время разговора какой-либо другой деятельностью, чтобы не прерывал чужую речь, чтобы не показывал выражением лица, если ему не нравится чужое мнение. Приведенные ответы испытуемых описывают невербальные факторы, на основании которых можно сделать вывод о том, в какой степени собеседник принимает участие в акте коммуникации. Некоторые ответы показывают, насколько ожидания могут быть различными. Есть испытуемые, которым нравится, если собеседник жестикулирует, когда говорит, а есть и такие, которые такое поведение считают недостатком.

Непосредственно к коммуникативному акту относится манера речи собеседника. От собеседника, судя по реакциям испытуемых, ожидают, чтобы у него был приятный голос, чтобы он говорил ясно, чтобы был разговорчивым, чтобы тембр его голоса не был монотонным, чтобы не говорил слишком громко или слишком тихо, слишком быстро или слишком медленно, чтобы его речь была грамматически правильной, чтобы он говорил красиво и убедительно.

В связи с самим разговором желательно, чтобы собеседник был общителен, чтобы умел слушать, слишком не распространялся, был заинтересован темой разговора, чтобы не превращал диалог в монолог, не делал отступлений, имел способность осмысливать рассказ, чтобы легко переходил от одной темы к другой.

Следующую группу признаков идеального собеседника (второй уровень) составляют те признаки, которые, хотя и влияют на конкретный разговор, все-

таки проявляются и независимо от самого разговора: чтобы у собеседника были разносторонние интересы, чтобы он был образованный, искренний, умный, толерантный, ненавязчивый, внушительный, спокойный, со способностью воображения, с чувством юмора, любопытный, объективный, откровенный, раскованный, внимательный, оптимист, веселый, чтобы имел свое мнение и отстаивал свою точку зрения, чтобы был вежливым, доброжелательным, воспитанным, честным, способным идти на компромисс, прямым, динамичным, сильным характером, понимающим.

Испытуемые демонстрируют различное отношение к собеседнику, который с ними не соглашается: некоторые к нему относятся с большим уважением и ожидают от него, чтобы он стоял за свои идеи, чтобы даже поссорился с ними и проявлял решительность; другие в идеальном собеседнике видят спокойного слушателя, хорошо владеющего собой и не оппонирующего собеседнику. Итак, некоторые концептуализируют коммуникацию как борьбу, другие - нет.

Наконец, желательно, чтобы собеседник обладал и некоторыми признаками, не имеющими отношения к разговору (третий уровень признаков): успешный в своей работе, одетый со вкусом, красивый, прилежный, мужчина, верит в Бога, без гендерных предубеждений, чтобы имел музыкальное образование, чтобы не был суеверен.

Проведенное исследование дает понять, каким образом представление об идеальном собеседнике зависит от принадлежности к определенной общественной группе.

Почти нет разницы между ответами, полученными от жителей города и жителей села.

Наиболее отличаются друг от друга ответы испытуемых разного возраста. Анкета показывает, что сербы, чем становятся старше, тем меньше обращают внимания на признаки собеседника, прямо связанные с самим разговором, а все больше интересуются признаками, не относящимися к разговору, названными нами признаками третьего разряда. Это ясно показывают результаты, приведенные в таблице: из 17 человек возраста свыше 50 лет только 1 человек ответил, что в собеседнике ищет внимательного слушателя, в то время как из 75 студентов 47 человек привело именно такой ответ. Студенты не обращали никакого внимания на то, как собеседник выглядит, тогда как для старых людей этот признак оказался важнее. Среднее поколение по реакциям оказалось между молодыми и старыми.

Женщины от собеседника ожидают, чтобы он их выслушал и посоветовал, ценят искренность, умение высказаться, образованность.

В-третьих, при помощи исследования такого типа можно сравнить сходства и различия между сербским и русским коммуникативными идеалами и прийти к определенным выводам, касающимся сербского и русского коммуникативного поведения.

Русские и сербы ценят те же самые признаки собеседника, и можно сказать, что их коммуникативные идеалы являются весьма сходными между собой. В то же время, ранжирование признаков во многом отличается: русские в большей степени, чем сербы, ценят у собеседника способность выслушать, а

также образованность и интеллект собеседника. Сербы, в отличие от русских, требуют искреннего собеседника, который может им дать совет.

Готовность собеседника выслушать в одинаковой степени важна для русских людей всех возрастов, в то время как для сербов с возрастом уменьшается значение признака "готовность выслушать собеседника". В этом смысле достаточно большая разница между коммуникативными идеалами русских и сербов в возрасте выше 50 лет. Пожилые русские от собеседника ожидают, чтобы он их выслушал, понял их и сочувствовал им. Пожилые сербы на это почти не обращают внимания и больше интересуются внешностью собеседника.

Русские мужчины в собеседнике, как и другие русские, ищут сострадательного (сочувственного) слушателя, в отличие от сербских мужчин, которые от собеседника требуют искренности и умения хорошо говорить. И русские и сербские женщины ожидают, чтобы собеседник их выслушал и утешил своей веселостью, оптимизмом.

Выяснилось, что, как на сербский, так и на русский коммуникативный идеал, практически не оказывает влияния место жительства испытуемых (село или город) - полученные результаты почти одинаковые. Русские городские жители, как и сельские, у собеседника ценят умение слушать и его ум, в то время как сербские жители как села, так и города, кроме умения выслушать, больше всего ценят искренность.

Из-за ограниченного числа испытуемых, результаты проведенного нами исследования не являются полностью надежными, но все-таки показывают основные тенденции и опорные пункты в ответе на вопросы: каким является сербский коммуникативный идеал и чем он отличается от русского коммуникативного идеала.

Стернин И. А. Русский коммуникативный идеал (экспериментальное исследование) / Русское и финское коммуникативное поведение. Выпуск 2. Санкт-Петербург, Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. С. 8-12.

Перевод Б. Мишкович

Национальный речевой этикет

Биляна Вичентич

Речевой этикет у сербов и русских

Изучение речевого этикета близкородственных русского и сербского языков важно не только в связи с коммуникативной значимостью данных вербальных и невербальных средств, но и с точки зрения предупреждения возможной интерференции, как языковой, так и лингвокультурной. Проблемой

этикета частично занимались в сербской русистике, например, в учебниках по деловому языку - этикетом русского письма; в учебном пособии по русской разговорной речи - этикетными формулами, применяемыми в школе.

Этикет является неотъемлемой частью культуры народа. Общий языковой код вообще и этикет (лингвистические и паралингвистические правила поведения) в частности – фактор, объединяющий людей в одном языковом коллективе. Человек, говорящий на “нашем” языке и соблюдающий правила нашего этикета, считается “нашим”. Этикетные правила служат своеобразным паролем, шифром, проверяющим есть ли понимание между коммуникантами.

Наши исследования показывают, что в этой области очень часто возникает интерференция, причем лингвострановедческая. Во-первых, встречаются ошибки в выборе и употреблении некоторых этикетных формул в иностранном языке, т. е. прямой перевод речевых моделей родного языка. Во-вторых, учащиеся делают ошибки, связанные с частотностью употребления определенных высказываний, т. е. под влиянием родного языка они употребляют модели, находящиеся на периферии системы изучаемого языка.

В нашем исследовании мы сосредоточим внимание на речевых средствах сербского и русского языков, употребляемых в следующих коммуникативных ситуациях: обращение к незнакомым и знакомым людям в различных ситуациях, приветствие, поздравление и пожелание, телефонный разговор, знакомство, реакция на стук в дверь.

I. Обращение

Любой разговор начинается с обращения к будущему собеседнику. Обращаясь к кому-нибудь, мы называем его (ее, их) каким-то именем и одновременно информируем о том, что для нас контакт с этим человеком желателен. Мы вступаем в контакт, сообщаем собеседнику о том, что на него мы направили свое внимание и желаем, чтобы он сделал то же самое (обратите внимание на русское слово *обращение*, от глагола *обратить* в значении повернуть; и действительно, поворот головы, взгляда делается в направлении к собеседнику в обращении).

Несколько факторов влияет на употребление этикетного средства в какой-то ситуации обращения: сами участники коммуникативного акта обращения (их возраст, тип отношений), место коммуникативного акта обращения (официальная обстановка или непринужденная).

Обращение к незнакомым людям

В выборе слова, с помощью которого мы обратимся к незнакомому человеку, в обоих языках важную роль играет возраст собеседника. В сербском языке употребляются следующие слова: *девојице*, *девојко*, *цуро*, *дечко*, *младићу*, *дете* (децо во множественном числе) в обращении к детям и молодежи, а в русском соответственно: *девочка*, *девушка* (*девчонки*, *девчата* во множественном числе), *мальчик*, *молодой человек*, *дети*.

Нужно обратить внимание на особое употребление русского слова *девушка* в обращении к продавщицам и служащим- женщинам практически независимо от их возраста.

В обращении к одному ребенку в сербском используется слово *дете*, а в обращении к группе *деци*. У русских же в обращении к одному ребенку обязательно обращение по половому признаку *мальчик* или *девочка* (нельзя *ребенок!*), а к группе – *дети*. Слово *ребята* используется в дружеском обращении к компании молодых (и девушек и парней) или только парней.

Просторечными считаются обращения к незнакомым людям *Мужчина*, *Женщина*, которые появились в русской речи по причине явного отсутствия более подходящего средства. Можно сказать, что почти совсем исчезли из речи русских употреблявшиеся в советские годы слова *Гражданин*, *Гражданка*, *Товарищ*. Единственная сфера жизни, в которой они могут встретиться – служебная, бюрократическая, официальная; эти обращения воспринимаются как слишком дистанцирующие собеседников. В подчеркнуто вежливом обращении к какой-то важной личности встречается *Господин* и *Госпожа*, но не самостоятельно, а с фамилией.

В сербском языке, кажется, нет таких проблем: временно забытые обращения *Господине*, *Госпођо* (к замужним), *Госпођице* (к незамужним женщинам) опять относительно легко вернулись в обиход. Больше нигде не употребляются связанные с бывшей государственной идеологией *Друже*, *Другарице*, *Другови*. Хотя, конечно, случается, что некоторые наши сограждане воспринимают слово *Господин* не как нейтральное обращение, и начинают комментировать его, т. е. реагируют не так, как положено реагировать на этикетное средство обращения, возмущаются им (высказывания типа Какав сам ја господин? или Нисам ја никакав господин, ја сам сељак!). *Даме и господа* употребляется в вежливом, торжественном обращении к собранию людей, также как и русское *Дамы и господа*.

Наши наблюдения показывают, что и сербы и русские, по возможности, в конкретной речевой ситуации стараются избегать прямого обращения. Если нам надо получить какую-то информацию, мы обратимся к прохожему с вопросом, начинаяющим со слов *Извините*, *Опростите*, *Молим Вас*, или даже сразу без вводного косвенного обращения зададим вопрос.

Извините, је лјс иде овај аутобус до Црвеног крста?

Таким образом, спрашивающий как бы извиняется перед собеседником за вторжение в его жизнь, за то, что беспокоит его своими вопросами и тем самым обращает его внимание на себя.

В русском речевом этикете тоже употребляются *Извините, пожалуйста*, *Простите, Будьте добры*, *Будьте любезны*, но гораздо чаще употребляются вопросы типа *Не скажете*, *Не подскажете*, *Скажите, пожалуйста*. Например: - *Не подскажете время?*

Стоит еще обратить внимание на вопросы, начинаяющие с *Да вас питам* в сербском языке (модальный глагол - *хоћу*, *желим*, *могу ли*, *смем ли* - пропускается), часто употребляющиеся в разговорной речи.

У сербов намного шире употребление в обращении слов, обозначающих лиц по профессии: *учитељу*, *учитељице*, *наставниче*, *наставница*, *професоре*,

професорка, докторе, сестро, директоре, декане. Слово *мајсторе* очень распространено в обращении к водителям средств городского транспорта, к электрикам, водопроводчикам и ремесленникам. У русских по профессии обращаются только к врачам (*Доктор*) и медперсоналу: *Сестра, Нянечка*. В русской православной церкви принято обращение к священникам *Батюшка* или *Отец*, а к супруге батюшки *Матушка*. В среде верующих мирян тоже встречается среди мужчин обращение *Брат*, а среди женщин *Сестра* или *Матушка*. Просторечным и народным считается обращение к водителям такси *шеф*.

Интересно также упомянуть о разнообразных просторечных обращениях к незнакомым людям у нас типа *Камија*, *Каминице*, *Земљаче*, *Пријатељу*, *Пријо*, которые отличаются чрезмерной фамильярностью, не говоря уж о *Брко* и под. Такими словами мужчины пользуются чаще, чем женщины. То же самое у русских: *Пријатељ*, *Земљак*, *Братец* и под.

Обращение к знакомым людям

Важными критериями в выборе обращения к знакомым являются тип отношений, степень близости и тип ситуации. Различие между сербским и русским этикетом состоит в том, что сербская система наименования двучленная (имя и фамилия), а русская трехчленная (имя, отчество, фамилия). Обращением по имени-отчеству у русских выражается еще и вежливое, культурное, уважительное отношение к собеседнику. По фамилии в обоих языках обращаются при перекличке в школе, армии и под.

В школьной и университетской среде в обращении учащихся, студентов к преподавателям употребляются у русских только имена-отчества, а у нас уже упомянутые слова, обозначающие профессию, типа *Професоре*. Преподаватели обращаются к учащимся по имени, а в университете еще и с помощью слова *Коллега* (у сербов есть и женская форма *Колегинице*).

II. Приветствие

Приветствие является весьма важным фактором коммуникации. В обоих языках приветствиями выражаются пожелания здоровья, счастья (*Здраво* имеет значение Желаю тебе здоровья!, *Довиђења* – Надеюсь, что опять встретимся). Произнося приветствие, мы тем самым сообщаем знакомому, что заметили его присутствие в нашем окружении, узнали его. О значении этого коммуникативного акта свидетельствует тот факт, что большим оскорблением и неуважением везде считают игнорирование знакомого, отсутствие приветствия или ответа на приветствие. Приветствие - это необходимый минимум коммуникации между знакомыми. О не очень близких отношениях говорят у сербов “ми смо на здраво-здраво”.

В конце встречи приветствие играет роль точки, т. е. обозначает то, что контакт пока прерывается, но мы надеемся, что он продолжится в будущем.

Чаще всего в функции нейтральных приветствий у сербов употребляются в зависимости от периода дня: *Добро јутро*, *Добар дан*, *Добро вече*. У русских

тоже есть *Доброе утро*, *Добрый день*, *Добрый вечер*, но они не являются прямыми эквивалентами сербских слов. *Доброе утро* русские желают только сразу после пробуждения, в очень короткий период времени утра. Все эти приветствия воспринимаются как более интимные, теплые, дистанция между собеседниками сокращается по отношению к нейтральному, даже безличному *Здравствуйте*. Сербскому *Здраво* соответствуют русские *Здравствуй* и *Привет* (более частое), употребляющиеся в непринужденной обстановке людьми, которые обращаются друг с другом на ты. Русское *Здорово* считается грубым и чаще встречается в речи мужчин.

Прощаясь, сербы говорят *Довићева*, а русские *До свидания*. Молодежь и близкие знакомые употребляют *Здраво* (часто в форме *Ајдже здраво*) и *Бао* (итальянского происхождения). Русские же, прощаясь, говорят *Привет* и *Пока* (часто тоже с частицей ну перед приветствием: *Ну, пока!*).

В функции приветствия оказываются обычно и пожелания типа *Счастливо!*, *Всего доброго!*, *Всего хорошего!*, вместе употребленные с типичными приветствиями или сами по себе. У сербов тоже есть такие пожелания-приветствия типа *Све најбоље!*, *Пријатно!* *Пријатно!* подчеркивает особо вежливое отношение коммуниканта к собеседнику.

В последние годы среди сербской молодежи стало очень часто употребляться приветствие *Видимо се!*, с грамматической точки зрения неправильное, поскольку глагольное настоящее время употреблено в значении будущего (правильно *Видећемо се!*). Тем не менее, это приветствие приобретает все большую распространенность, даже появилось аналогичное Чујемо се! (вместо Чућемо се!), обещающее скорый телефонный контакт.

Если собеседники хотят поддержать контакт, после приветствий задаются вопросы типа *Како си (сте)?*, *Шта има ново?* *Како је?* Чаще всего можно услышать следующие ответы: *Добро*, *Није лоше*, на вопрос *Шта има ново?* даже отвечают *Ништа*. Итак, ответ должен быть нейтральным, максимально коротким и минимально информативным (помните русский анекдот: Вопрос: Кто такой зануда? Ответ: Тот, кто на вопрос “Как дела?” начинает подробно рассказывать о своих делах).

Русские спрашивают: *Как дела?* *Что нового?* *Как жизнь?* *Какие новости?* *Как успехи?* (*Ну*), *как ты?*, а отвечают нейтрально: *Ничего*, *Нормально*, *Так себе*, *Потихонечку*, *Хорошо*. Сербы-билингвы на вопрос *Как дела?* под влиянием родного обихода отвечают *Хорошо* (= *Добро*), т. е. выбирают менее частотное для русских средство.

Встреча знакомых обычно богата разными выражениями и фразеологическими оборотами. При встрече после долгого перерыва у сербов говорят: *Где си, одавно (дуго) се нисмо видели?*, или, конечно, гиперболически, *Сто година (Целу вечност) се нисмо видели!*, а у русских *Сколько лет, сколько зим!* *Давно (сто лет) тебя не видел!* *Где ты пропадал?*

Если нас удивила встреча со знакомым на месте, на котором мы обычно не встречаемся, это выражаем так: *Откуд ти (овде)?!* *Кога ја то видим?* *Кога то виде моје очи?* Русские свое удивление высказывают следующим образом: *Какими судьбами?!* *Вот не ожидал!* *Какая неожиданность!* *Кого вижу!* *Какая встреча!* *Как ты сюда попал!* *Как вы оказались здесь?!* Сербскому

восхищению при неожиданной встрече *Како је свет мали!* в русском соответствует *Как мир тесен!*

Очень интересными с лингвистической точки зрения тоже кажутся попытки коммуникантов избежать этикетных стандартных ответов, внести что-то новое, оригинальное в эту однообразную сферу. В результате этой языковой игры создаются любопытные ответы на вопрос *Как дела?* (*Как сажа бела - уже стало нормой; Как в самолете: тошнит, а деться некуда; Как в сказке: чем дальше, тем страшнее*).

III. Поздравления, пожелания

Глагол *честитати* в сербском языке и глагол *поздравить* в русском являются перформативными глаголами. Поздравляя с каким-то праздником, у сербов говорят: *Срећан Божић!*, *Срећна Нова година!*, *Срећан рођендан!* *Срећна слава!* или *Честитам ти* (праздник)!. Русские в поздравлениях пропускают перформативный глагол *поздравить*: *С Рождеством Христовым!, С Новым годом! С днем ангела!*

В поздравлениях по поводу какого-то праздника сербы желают получателю *срећу, здравље, успех, све најбоље* (винительный падеж), а русские *счастья, успехов, здоровья, всего самого лучшего*. В русском глагол *желать* требует родительного падежа: *Счастливого пути!, Приятного аппетита!, Спокойной ночи!* Пожелание удачи перед какой-то важной задачей, требующей исполнения, выражается у сербов словом *Срећно!*, а у русских *Ни пуха ни пера!* (или только *Ни непал!*), на что отвечают *К черту!* (сначала употреблялось только в речи охотников).

Во время застолья, чокаясь рюмочками и выпивая ракию, сербы говорят *Живели!* У русских принято каждый раз, наливая и выпивая, произносить тост: *За здоровье! За хозяйку! За дружбу!*

IV. Реакция на стук в дверь

Услышав стук в дверь (или звонок), сербы обычно говорят *Да!* (с длинным *а* и вопросительной интонацией) или повторяя *Да-да!, Слободно! Напред!* У русских тоже есть *Да!* (*Да-да!*), *Входите!* Если стучащему нужно подождать, пока мы подойдем и откроем дверь, говорят у нас: *Моменат! Ево! Одмах!*, а у русских, если звонок или стук повторяется несколько раз, а надо еще подождать, говорят *Минуточку! Секундочку! Иду! (Иду-иду!*

Чтобы узнать, кто у двери, сербы спрашивают *Ко је?, а русские Кто там? Просьба гостю войти у нас выражается так: *Изволите, уђите.* От русских хозяев гости могут услышать следующие фразы: *Пожалуйста, Заходите, Проходите* (Входите - нет!).*

V. Разговор по телефону

Разговор по телефону тоже относится к клишированным речевым ситуациям. Отличается он тем, что роль паралингвистических средств сведена к нулю, поскольку собеседники не видят друг друга.

Беря телефонную трубку, сербы говорят *Да, Молим, Хало (Ало)*. Ало чаще употребляется у сербов в функции проверки связи. От русских можно услышать *Але (Алло), Да, Слушаю*. За приветствием следует вопрос звонящего: *Да ли је ту Саша?, Да ли је Милица код куће?, Могу ли да добијем Зорана (господина Илића)?* Русский звонящий может спросить: *Можна Сашу? Лена дома? Попросите, пожалуйста, Мишу! Позвовите к телефону Михаила Ивановича!*

Если звонящий не представился, мы спрашиваем: *Ко је то? Ко га тражи?*, а русские *А кто говорит (звонит)?, А кто его просит (спрашивает)?* Представиться следует так: *Овде Зорица; Это Наташа, Наташа говорит.* Когда спрашиваемого нет, тот, кто взял трубку, может спросить: *Шта да му кажем?, Имате ли неку поруку?;* по-русски *Что ему передать?* Если произошло неправильное соединение, от сербов можно услышать *Грешка, Погрешили сте,* русские же вам ответят *Вы не туда попали, Вы ошиблись номером.*

Наша практика свидетельствует о том, насколько важно овладеть этикетными правилами разговора по телефону, чтобы решить все требуемые коммуникативные задачи.

Важно подчеркнуть, что речевой этикет всегда стоит исследовать в связи с неверbalным аспектом коммуникаций, языком жестов, только тогда мы получаем полноценную информацию о коммуникативном событии. Напомним и о том, что удачное пользование этикетными правилами много говорит об уровне культуры общения носителя языка, с одной стороны, а с другой, об уровне владения иностранцем чужой речью.

- Акишина А. А., Формановская Н. И., Русский речевой этикет, Москва, 1982.
 Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект, Москва, 1993.
 Русское и немецкое коммуникативное поведение, вып. 1, Воронеж, 2002.
 Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения, Москва, 1989.

Дойчил Войводич

О лингвокультурном статусе обращений в русском языке в прошлом и настоящем

1.1. Каждый народ отличается специфичным духовным и культурным наследием, которое лучше всего запечатлено в его языке. Таким образом, каждый язык представляет собой живую, национальную сокровищницу,

которая, в зависимости от материальных и социальных условий в обществе, может обогащаться или обедняться.

С одной стороны, благосостояние и стабильная общественно-политическая ситуация всегда способствуют стабильным отношениям и прогрессу в любой области деятельности человека, в том числе и в области речевой культуры. С другой стороны, на любой язык, как это уже известно, иногда – особенно в чрезвычайных исторических обстоятельствах – могут повлиять различные экстралингвистические факторы, вызывающие значительные изменения в речевом поведении его носителей, имеющие чаще всего отрицательный, дестабилизирующий характер.

В связи с этим отметим, что вследствие резких и глубоких общественно-политических потрясений и коренных экономических трансформаций, запечатлевших конец XX и начало XXI вв., во многих государствах в мире, в первую очередь, в России и других славянских странах, находящихся в процессе так называемого переходного периода, происходят крупные изменения в речевой культуре. Это подтверждают и все лингвокультурологические исследования сложившейся в настоящее время языковой ситуации в России, где внеязыковые факторы, влияющие на внутренние процессы развития языка, сыграли значительную роль (ср., в частности, [5; 6; 8; 9; 14; 22; 27; 28; 43; 45; 47; 48; 49]). Данные преобразования связаны преимущественно с процессом «ухода» так называемых «советизмов» и «прихода» «дореволюционных» слов и выражений, что особенно ярко сказывается на системе обращений, о которой здесь будем говорить.

1.2. Общеизвестно, что средства обращения говорящего к адресату в любом языке отличаются многообразием. Все языки, наряду с универсальными, имеют и свои специфические формы обращения. Выбор определенного средства обусловлен ситуацией общения (отражающей официальные / полуофициальные / неофициальные отношения между собеседниками, их характер и степень знакомства и близости, возраст, пол, профессию, социальный статус и пр.), в которой реализуется дифференциация конкурирующих между собой форм обращения (см.: [15, с. 219 и сл.; 46, с. 54 и сл.; 30, с. 547 и сл.; 1, с. 139-140, 152-153, 644-646; 53; 52; 19; 35, с. 163 и сл.; 33, с. 267-270].

Данные формы представляют собой, на самом деле, различные наименования, какими являются, например, имена собственные (*Ваня, Иван, Иван Сергеевич, Кузнецов; Наташа, Наталья, Наталья Сергеевна, Кузнецова* и т. п.), имена нарицательные, указывающие на родственные отношения (*батюшка, матушка, папа, мама, дедушка, бабушка, сынок, дочка, внук, внучка* и др.), возраст (*дядя, тетя, мальчик, девочка* и др.), профессию или должность (*профессор, доктор, сержант, (товарищ / господин) инженер/полковник, (товарищ / господин) директор* и проч.) и т. п., специальные слова (*сударь / сударыня, господин / госпожа, гражданин / гражданка, товарищ, коллега, земляк, браток, старик, друг, дружисце, молодой человек, мужик, мужчина, парень, бабуля, женщина, девушка, ребята* и под.) и различные дескриптивные конструкции (*господин / гражданин / товарищ в синем*

пальто, женщины с детьми и др.), предназначенные для данной функции и т.д.

1.2.1. Надо подчеркнуть, что настоящие «вокативные» лексические обращения непосредственно связаны с pragматическими признаками «невокативных» дейктических обращений (личных местоимений *ты / вы* (*Вы*) и глагольных форм 2-го л. ед. / мн. ч., отражающих, в первую очередь, вопросительный или побудительный характер обращений), т. е. с отношением говорящего к адресату при реализации речевого акта и, тем самым, с их социальным статусом и эмоциональным настроем (ср.: [15, с. 220; 46, с. 69-73; 30, с. 547-550; 1, с. 139-140; 19]; ср. также [37; 2, с. 355-356; 3; 38, с. 33-41; 34; 23; 12; 40; 44, с. 155; 32, с. 82]). Эта взаимосвязь особенно ярко проявляется в оформлении перформативных высказываний, в которых pragматическая референция, восходящая к речи говорящего, непосредственно связана с интерференцией и взаимодополнением субстантивных, местоименных и глагольных форм [4, с. 198 и сл.]. Таким образом, с помощью данных высказываний обеспечивается номинация адресата (выраженная формой звательного падежа, т. е. обращением в неприсловной позиции, имеющим преимущественно субстантивный характер).

1.3. Возникновение, употребление и функциональная нагрузка форм обращения говорящего к другим лицам зависят как от внутриязыковых, так и от внеязыковых, экстралингвистических факторов - в первую очередь, от различных изменений общественной обстановки. Последние годы как раз характеризуются значительными сдвигами в этой сфере, особенно в славянских языках и, прежде всего, в русском - ведущем славянском языке, являющемся одним из мировых языков, т. е. одним из шести официальных и рабочих языков ООН.

1.3.1. Очень большое влияние этих экстралингвистических факторов отмечается в повседневном общении, особенно в сфере речевого этикета, где значительную роль играют многообразные средства обращения. Из-за недостатка места обратим внимание лишь на некоторые формы вокативного обращения. В этом отношении показательны, в первую очередь, обращения, «стремящиеся» к универсальному употреблению, такие, как, например, *товарищ, гражданин / гражданская, господин / госпожа* и под. Статус данных обращений в русском языке (а также и в других славянских языках), как в прошлом, так и в настоящем, никогда не отличался последовательной стабильностью и универсализированной кодифицированностью в официальном / неофициальном (повседневном) употреблении.

2. Функционирование обращений в различные эпохи русской истории

2.1. Попытаемся теперь коротко и в общих чертах указать на важнейшие характеристики системы обращений в различные периоды развития русской общественно-политической и культурной жизни (дореволюционный, советский и постсоветский периоды). Следует добавить, что в зависимости от социальных условий, в каждом из периодов предпочтение отдавалось то одним, то другим формам обращения.

2.1.1. В дореволюционной России в качестве вежливого обращения широко использовались обращения *барин / барыня, барышня, (го)сударь / (го)сударыня* (причем они использовались не только как обращения, принятые в привилегированных слоях общества, но и как обращения нижестоящих к вышестоящим, а некоторые из них и в интеллигентной среде). Ср.:

(1) *Вы обещали, сударь, не мешать ему (ДФ/Б)¹;*

¹ Слова (сокращения) в скобках обозначают источники примеров:

а) *дореволюционный период*: АП/Д - А. С. Пушкин. Дубровский; АП/Кд - А. С. Пушкин. Капитанская дочка; АП/ПБ - А. С. Пушкин. Повести Белкина; АП/Сорир - А. С. Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке; АЧ/А - А. П. Чехов. Архиерей; АЧ/Б - А. П. Чехов. Беззаконие; АЧ/В - А. П. Чехов. Верочка; АЧ/Кж - А. П. Чехов. Кухарка женится; АЧ/Нп - А. П. Чехов. На пути; АЧ/П - А. П. Чехов. Переполох; АЧ/СР - А. П. Чехов. Скрипка Ротшильда; ДФ/Б - Д. И. Фонвизин. Бригадир; ДФ/Н - Д. И. Фонвизин. Недоросль; ИТ/Дг - И. С. Тургенев. Дворянское гнездо; ИТ/Зо - И. С. Тургенев. Записки охотника; ИТ/Р - И. С. Тургенев. Рудин; ЛТ/В - Л. Н. Толстой. Воскресение; ЛТ/Д - Л. Н. Толстой. Детство; ЛТ/Пим - Л. Н. Толстой. Петр И и мужик (быль); ЛТ/Уонп - Л. Н. Толстой. Упустишь огонь - не потушишь; МГ/М - М. Горький. Мать; МЛ/Гнв - М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени; НГ/Мд - Н. В. Гоголь. Мертвые души; НГ/Р - Н. В. Гоголь. Ревизор; СА/ДгБв - С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука; СА/Сх - С. Т. Аксаков. Семейная хроника; СОПИ - Слово о полку Игореве; ФД/БК - Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы;

б) *советский период*: АТА/Эртр - А. А. Акишина, Т. Е. Акишина. Этикет русского телефонного разговора (М., 1990); КС/Жим - К. М. Симонов. Живые и мертвые; ЛУ/Вмтжг - Л. Е. Улицкая. Второго марта того же года; ЛУ/Гс - Л. Е. Улицкая. Генеле-сумочница; ЛУ/Дн - Л. Е. Улицкая. Дар нерукотворный; МБ/МиМ - М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита; МЧ/Нтр - М. А. Чванов. На тихой реке; МШ/Пц - М. А. Шолохов. Поднятая целина; МШ/Сч - М. А. Шолохов. Судьба человека; НВРЛ - Новое в русской лексике. Словарные материалы-81 (1986); НГ/Пл - Н. А. Горулев. Прощайте, любимые; НО/Кзс - Н. А. Островский. Как закалялась сталь; ПА/Вв - П. Ф. Алешкин. Все впереди; СМ/Б - С. Я. Маршак. Багаж; ЮК/М - Ю. П. Казаков (= по О. А. Мизину; см. литературу);

в) *постсоветский период*: АИФ - Аргументы и факты, 2002, № 34; АИФ/К - Аргументы и факты, 1993, № 19 (= по В. Г. Костомарову; см. литературу); АЧ - Аксаковские чтения: Духовное и литературное наследие семьи Аксаковых (Уфа, 2001); ЛУ/Вп - Л. Е. Улицкая. Веселье похороны; МЧ/Рж - М. А. Чванов. Русские женщины; МЧ/СвП - М. А. Чванов. Свидание в Праге; НШБ/1 (НШБ/4) - Николо-Шартомский Благовестник, 2002, № 1, 4; ПА/Вз - П. Ф. Алешкин. Время зверя: эпизоды из жизни ельцинской России; ПА/Л - П. Ф. Алешкин. Лимитчики: эпизоды из жизни провинциалов в столице; ПА/Лу - П. Ф. Алешкин. Лагерная учительница; ПА/МЛ - П. Ф. Алешкин. Мой Леонид Леонов; ПД - Педагогический диалог, № 5 (Уфа, август 2000 год).

(2) *Что вы хотите от меня, сударыня?* - прибавил он, обращаясь к жене (ИТ/Дг);

(3) *Ты был, барин, вечер у наших гостей?* - сказала она тотчас Алексею; - какова показалась тебе барышня? (АП/ПБ);

(4) *Вы же, барыня, поглядывайте за ней* (АЧ/Кж);

(5) *Эх, барышня, какая вы предо мной добрая, благородная выходите* (ФД/БК).

Следует отметить, что в эту эпоху в России (главным образом, в вышестоящих (дворянских и т.п.) слоях общества) параллельно с приведенными обращениями очень часто использовались и их эквиваленты - обращения, заимствованные из западноевропейских языков, в первую очередь, из французского и (реже) из английского и немецкого, причем в письменном варианте они были представлены либо как (полу)обрусывшие слова, либо как в подлиннике (ср., напр., обращения, заимствованные из французского языка: *месье/мсье - monsieur, мадам - madame, мадемузель - mademoiselle*).¹

Также, наряду с этими «более вежливыми» формами обращений, в современный период использовались и различные нейтральные слова (типа *мужик, брат* и т.п.), общественная роль общения которых, на наш взгляд,

Примеры без указания источника представляют собой высказывания, взятые из живой русской речи.

¹ Общеизвестно, что в советский период такие заимствованные слова-обращения не использовались. И в постсоветский период, для которого характерно широкое употребление различных слов иноязычного происхождения, особенно из английского языка (ср., в частности: [24, с. 239; 28, с. 50-51; 49, с. 14]), заимствованные обращения (типа *мадам, мистер, миссис, мисс, леди* и т. п.), встречающиеся иногда в современной русской разговорной речи, не приживаются. Их вхождению в активный языковой обиход препятствует, вероятно, и тот факт, что они очень часто используются с отрицательной иронической коннотацией.

На наш взгляд, такой бесперспективный статус этих обращений в русском языке можно частично объяснить и тем, что процесс заимствования сегодня - в современную, постсоветскую эпоху - происходит «не по доброй воле». Данный процесс, в первую очередь, вследствие общественно-экономической дестабилизации России и ее экономической и политической зависимости от других, «богатых» государств, а также вследствие глобального расширения использования английского языка (т. е. англизации/американизации, экспансии которой способствует, в частности, открытость современного общества для международных контактов) носителям русского языка, как и большинству носителей других языков, фактически навязан извне, в отличие от заимствований в дореволюционную эпоху, происходивших в результате более свободного выбора иностранных языков и практических потребностей их использования экономически и политически независимым российским государством и его гражданами.

была, в какой-то мере, кодифицированной и более стабильной, чем в советский и постсоветский периоды.

Иными словами, в дореволюционной России эти нейтральные слова использовались реже и только в определенных, более или менее четко заданных ситуациях, в которых правила их употребления, как и всех универсализированных обращений, были установлены заранее и которые, как правило, всегда соблюдались, благодаря чему они не получали отрицательной коннотации, которая отмечается в советский и, особенно, в постсоветский периоды.

Функционирование такой иерархизированной системы обращений в царской (как в крепостной, так и в посткрепостной) России (для которой было характерно, например, обращение крепостных, крестьян, слуг и других нижестоящих слоев к помещикам, дворянам и другим вышестоящим слоям, и наоборот - обращение вышестоящих слоев к нижестоящим, а также взаимообращение между нижестоящими слоями, как и взаимообращение между вышестоящими слоями) можно проиллюстрировать следующими примерами:

(6) (обращение няни к дворянину, защищающей от него его племянника) *Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бельмы-то выцарапала* (ДФ/Н);

(7) (обращение мужика-крестьянина к малознакомому помещику) *Барин, а барин, - заговорил он, - ведь я виноват перед тобой; это я тебе дичь-то всю отвел* (ИТ/Зо);

(8) (обращение горничной к своей хозяйке) *Барыня, голубушка, барыня, эстафет прискакал!* (ФД/БК);

(9) (обращение мужика к знакомому помещику) *Что же, тележку, батюшка¹, прикажешь заложить?* (ИТ/Зо);

¹ Добавим, что обращения *батюшка / матушка* (а в большинстве случаев и их варианты *батька (батя) / мать*) в дореволюционной России использовались в очень широком диапазоне. Они употреблялись не только в значении «отец» / «мать» (при обращении детей к родителям), но и в значении «царь» / «царица», «помещик» / «помещица», «дворянин» / «дворянка» и т. п. (чаще всего в обращении к ним нижестоящих слоев, как это, в частности, показано в примерах 9-12), а также в значении «священник» («поп») / «жена священника» («попадья») и «монах» / «монахиня», затем в значении «муж» / «жена» (при их взаимообращении, как в примере 83) и как фамильярные или дружеские обращения к собеседнику, особенно старшему.

Варианты (обращения *батюшка*) *батька* и *батя* использовались реже и, как правило, больше всего в значении «отец» («родитель») и «священник» / «монах», в то время как синоним данных обращений отец использовался во всех значениях, кроме в значении «чужой помещик / дворянин (барин)»; ср. (обращение верующей (старухи-няньки дворянина) к священнику): *Aх, батька! и мы хотели зазвать весь околоток, да Владимир Андреевич не захотел* (АП/Д); (обращение крестьян и дворовых людей к своему помещику-

(10) (обращение старухи-няньки к ребенку своих помещиков) *Полноте, мой батюшка, не плачьте ... простите меня, дуру... я виновата* (ЛТ/Д);

(11) (старуха-нянька обращается к своей молодой помещице) *Ничего, матушка, - отвечала она, - должно быть, я вам чем-нибудь противна, что вы меня со двора гоните* (ЛТ/Д);

(12) (обращение жены содергателя трактира к незамужней помещице) - *Сюда, матушка-барышня, пожалуйте, - сказал певучий женский голос, - тут у нас чисто, красавица...* (АЧ/Нп);

(13) (обращение царя ко крестьянину) *Наехал царь Петр на мужика в лесу. Мужик дрова рубит. Царь и говорит: «Божья помощь, мужик!»* (ЛТ/Пим);

(14) (обращение мещанина целовальника к крестьянину) - *Хорошо поешь, брат, хорошо, - ласково заметил Николай Иваныч* (ИТ/Зо);

(15) (обращение нанимателя-подрядчика к мужикам-крестьянам) - *Дайте, братцы, откашляться маленько, - заговорил рядчик* (ИТ/Зо);

(16) (обращение старика-мужика к молодым мужикам) *Пустое вы, ребята, делаете и из пустого дела заводите* (ЛТ/Уонп);

дворянину) *Отец ты наш, - кричали они, целуя ему руки, - не хотим другого барина, кроме тебя* (АП/Д).

Подчеркнем, что из перечисленных значений приведенных обращений до сих пор сохранились только два варианта одного и того же типа - обращения (у верующих) в значении «священник» («поп») / «жена священника» («попадья») и «монах» / «монахиня». Ср. следующий пример из постсоветского времени (1992 г.): Вскоре после полуночи с монастырского двора, куда выходили окна моей кельи, раздался тревожный крик одного из послушников: - *Батюшка! Посмотрите!! Какое явление на небе!* (НШБ/1); ср. современное употребление слова отец в том же значении (там же): *Слыши, отец! А ты знаешь, отчего это ваша гостиница-то загорелась?* (НШБ/1); ср. также обращение приезжей верующей к монахине (отмеченное нами 6 октября 2001 г. в с. Михайловское в Ивановской области): *Скажите, матушка, а батюшка будет сегодня служить?*

Но следует напомнить, что слова *матушка / мать* (как нейтральные), в отличие от слов *батюшка / батька / батя*, используются также, как и раньше, в просторечии в качестве вежливого обращения к пожилой женщине; ср. (дорев. период): - *Однако, мать, идем!* - сказал Сизов (МГ/М); ср. также пример (52). Отметим также, что в сходном значении (в качестве нейтральных обращений к пожилым людям) используются и слова *отец* (сегодня все реже), *папаша и мамаша*; ср. (ранний советский период): - *Почему же, отец, из меня коммуниста не выйдет?* - спросил Кондрат дрожащим от обиды голосом (МШ/Пи); *Дверь открыла старушка ... - мать Панкратова. - Игнат дома, мамаша?* (НО/Кс); ср. также последнее высказывание в примере 41 (поздний совет. период): - *Извини, мамаша! Зови хозяина!* - весело сказал Веня (ПА/Л).

(17) (обращение старой дворянки к малознакомому придворному чиновнику) - *Извините меня, государь мой*, - возразила Марфа Тимофеевна, - не заметила вас на радости (ИТ/Дг);

(18) (вежливое обращение (с просьбой) дворянина к начальству тюрьмы) - *Не можете ли вы, милостивый государь*, мне сказать, - сказал он с особенно напряженной вежливостью, - где содержатся женщины и где свидания с ними разрешаются? (ЛТ/В);

(19) (обращение старого дворянина к молодому сыну помещика) *Подойдите ко мне поближе, господин Багров, сядьте возле моей постели* (СА/Сх);

(20) (обращение начальника полиции к помещику) *Здоров ли ваши медведь, батюшка Кирилла Петрович* (АП/Д);

(21) (обращение мужа-помещика к жене) - *Полно, мой дружок*, - сказал пана, - ведь не навек расстаемся (ЛТ/Д);

(22) (обращение помещика к старому приятелю - помещику) *Чокнемся, брат, и давай-ка по-старинному: Gaudeamus igitur!* (ИТ/Р).

Ср. употребление заимствованных обращений, которые было принято (в вышестоящих слоях общества) вставлять в русскую речь:

(23) *Процайте, мосье Лежнев!* Извините, что обеспокоила вас (ИТ/Р);

(24) *Madame!* я благодарю вас за вашу учтивость (ДФ/Б);

(25) *Mademoiselle*, что вы говорить изволите? (ДФ/Б);

(26) - Знаете ли что, *messieurs et mesdames*, - прибавила Дарья Михайловна, взглянув кругом, - пойдемте в сад (ИТ/Р).

Ср. также следующий пример, где представитель одного из слоев - помещик - не придерживается данных правил обращения, т. к. к крестьянину обращается как вполне равноправному собеседнику (который все-таки не позволяет себе не соблюдать установленные иерархией правила общения):

27) - Ну, что, размежевался, *старина?* - спросил г-н Пеночкин, который явно желал подделаться под мужицкую речь и мне подмигивал.

- Размеживались, *батюшка*, все твою милостью (ИТ/Зо).

Ср. следующий пример, иллюстрирующий немного нагляднее, в какой мере уделялось особое внимание не только «нормативному» употреблению вокативного обращения, но и корректности при номинации (здесь с помощью имени и отчества) третьего лица, не присутствующего (и тем самым не участвующего) в речевой ситуации (обращение сына помещика к богатому купцу):

(28) *Благороднейший Кузьма Кузьмич, вероятно, слыхал уже не раз о моих контрах с отцом моим, Федором Павловичем Карамазовым ... так как весь город уже трещит об этом ... А кроме того, могло дойти и от Грушеньки... виноват: от Аграфены Александровны... от многоуважаемой и многочтимой мною Аграфены Александровны...* (ФД/БК).

Ср. также таблицы в конце статьи, в которых в плане речевого этикета современный период сопоставляется с советским и постсоветским периодами.

2.1.2. В более современную эпоху (точнее в советский период, т. е. приблизительно в течение последних восьмидесяти лет XX века) вышеупомянутые универсализированные «вежливые» обращения не употреблялись, и в настоящее время, т. е. в постсоветский (постперестроечный) период, как и до этого - в течение более длительной части советского периода - эти единицы представляют собой «всеми забытые», устаревшие формы.

Обращения *товарищ* и *гражданин / гражданска*, приобретшие в определенной мере некоторые из функций дореволюционных обращений *сударь / сударыня* и т.п., в советскую эпоху обладали большой частотностью в повседневном употреблении (ср. примеры 31-35). В настоящее время они исчезают, причем этот процесс ускоряется.

Формы *господин / госпожа (господа)*, использовались в дореволюционное время наряду с обращениями *сударь / сударыня*, *барин / барыня* (хотя и в неоднозначном употреблении), а в советский период, как правило, при обращении к иностранцам; ср.:

(29) (дорев. пер.) *Простите, господа, что оставляю вас пока на несколько минут* (ФДБК);

(30) (совет. пер.) *Доброе утро, господин Смит* (АТА/Эртр).

В конце XX и в начале XXI веков в новой социальной обстановке эти обращения еще не приобрели универсализированный (кодифицированный) статус, несмотря на то, что в определенной мере претендуют на функциональную нагрузку все еще (хотя все реже) употребляющихся обращений *товарищ и гражданин / гражданска*.

О характере универсализованных обращений наглядно говорят и сводные хронологические таблицы в конце статьи, где мы попытались в сокращенном виде представить основную систему обращений (I - универсализированные обращения, II - нейтральные слова, III - усложненные формы обращений по имени и отчеству, IV - обращения в конкретном контексте, V - диалогические (модифицированные) модели универсализованных обращений) в приведенные периоды.

Данные таблицы показывают, что широкое разнообразие в использовании стабильных универсализованных и тем самым кодифицированных обращений, которое было характерно для дореволюционной России, в советский период радикально нарушается и изменяется.

В первую очередь, вследствие формально обнародованных одинаковых гражданских и политических прав и социального равенства, оно становится более простым, благодаря чему число универсализованных (кодифицированных) обращений уменьшается, точнее, сводится к нескольким формам. Другими словами, вместо многочисленных дореволюционных обращений, которые перестают употребляться, используются всего лишь два

новых - *товарищ* (*товарищи*) и *гражданин* / *гражданка* (*граждане*)¹ (ср., в частности, [43, с. 154]); ср.:

(31) *Ну что ж, пройдемте со мной, товарищ* (КС/ЖиМ);

¹ Отметим, что в советскую эпоху универсальное слово-обращение *товарищ* использовалось, в первую очередь, в значении «человек как член (гражданин) советского общества или как член революционной рабочей партии» («Словарь русского языка» С. И. Ожегова), в то время как в дореволюционной России оно (наряду с (ж. р.) *товарка*) использовалось в другом значении, в первую очередь в значении «человек, близкий кому-нибудь по взглядам, деятельности, по условиям жизни, а также человек, дружески расположенный к кому-нибудь» («Словарь русского языка» С. И. Ожегова) и очень редко - в качестве нейтрального слова-обращения (на эти значения опосредованно указывают, в частности, и названия сказок Л. Н. Толстого «Царский сын и его товарищи» и «Два товарища»).

В советскую эпоху это обращение использовалось только в форме одного, мужского рода, несмотря на пол адресата; ср.: *Моя грубость куда легче вашей, товарищ Туманова, с позволения сказать, вежливости* (НО/Кзс); ср. также пример (46) и пример (2) в таблице IV (советский период). Таким образом, формальное неразличение рода сближает данное слово-обращение с существительными общего рода (т. к. в сочетании с согласуемым словом оно использовалось во всех падежных формах); ср., например, следующий телефонный разговор:

- *Позовите, пожалуйста, товарища Белову.*
- *Подождите немного - она подойдет* (АТА/Эртр).

Добавим, что в просторечии и фамильярных отношениях с помощью приведенных универсализированных обращений иногда выражались субъективные оттенки. Ср., например, следующий контекст, в котором используется обращение с уменьшительным суффиксом, придающее речи говорящего оттенок иронии и издевательства: *Павел, зачищая ножком кончик провода, смотрел на польку с нескрываемой насмешкой. - Я для вас, гражданичка, и ржавого гвоздя не вбил бы, но раз буржуи выдумали дипломатов, то мы марку держим, и мы им голов не рубаем, даже грубостей не говорим, не в пример вам* (НО/Кзс).

Ср. также следующий пример, указывающий на обстоятельства (ранний советский период), в которых говорящий начал совсем недавно использовать новые для него формы обращения (их неправильное употребление вызывает юмористический эффект): *Но тут неожиданно не встал, а взвился дед Шукаль и начал: - Дорогие гражданы и старухи!* (МШ/Пц); ср. еще специфическое использование слова *гражданин* (в сочетании с постпозитивным определением, указывающим на отрицательный (критический) характер отношения говорящего к адресату), впервые отмеченное в словарных материалах в начале 80-х годов прошлого века: *Ты, гражданин хороший, нас не гони. Не на ипподроме! Когда закончим, тогда и закончим!* (НВРЛ).

(32) - *Товарищи!* - позвала одна из женщины из-за стола. - Пора начинать! (ПА/Вв);

(33) *Гражданин*, от вас урна в двух шагах, неужели трудно? (ЛУ/Гс);

(34) - *А вы, гражданка*, тоже отказываетесь? - повернулся Павел к женщине (НО/Кзс)

(35) *Ваши удостоверения, граждане*, - сказала гражданка (МБ/МиМ).

2.1.3. В постсоветский период ситуация в сфере общения ухудшается, т. к. и эти два типа обращений из советского периода уже почти не употребляются. Следовательно, процесс деградации и обезличивания достигнутой Россией за сотни лет лингвокультурной идентификации, начавшийся, по-видимому, после Октябрьской революции, сегодня, в постсоветский период - прямо на наших глазах - полностью завершается.

Вопреки тому, что многие в России, недовольные актуальным состоянием в сфере общения, все еще публично и откровенно выступают в печати и других средствах массовой информации за возвращение в активное употребление слов *сударь*, *сударыня*, они все равно пока не приживаются. Другими словами, нет никаких убедительных показателей, которые указывали бы на успешное употребление приведенных обращений. Это пока невозможно сделать просто потому, что для большинства жителей современной России эти обращения кажутся чуждыми, неестественными и в некоторой мере искусственными (ср., в частности: [48; 22, с. 13-18; 10; 45]; ср. также пункт 3.4.1).

2.1.4. Сегодня вместо кодифицированных обращений в активный языковой обиход все больше приходят нейтральные слова - суррогаты обращений (типа *женщина*, *девушка*, *бабуля*, *бабуся*, *мужчина*, *мужик*, *старик*, *братьян*, *молодой человек*, *парень*, *пачан* и т. п.), которые начали более широко использоваться еще в советский период (ср. таблицы в конце работы); ср. следующие примеры:

(36) - Знаешь, *мужик*, ты тут не ори... - проедил он сквозь зубы (МЧ/Нтр);

(37) *Девушка*, а женских украшений в вашем магазине нет? (ПА/Л);

(38) - Спасибо тебе, *парень*, - сказал старший лейтенант. - Может быть, дашь нам кусок хлеба с собой? (НГ/Пл)

(39) *Старик*, я тебя люблю за ласку... Вылей за Петю Лужина! Мы еще нагрянем с ним сюда... За Петю, *старик*!.. Он стоит того... (ПА/Л);

(40) *Братан*, я тебя подставил, прости, если сможешь... (ПА/Лу).

Данные суррогаты, как и универсализированные обращения *товарищ* и *гражданин*, использовались в советский период почти в любой обстановке, независимо от того, кто к кому обращается. Но сегодня, в постсоветский период, они используются еще чаще.

Процесс исчезновения универсализированных обращений и параллельного увеличения числа их суррогатов является, по-видимому, последствием, с одной стороны, уже давно заявленного во всеуслышание «равноправия всех

граждан» (т. е. «общественной уравниловки»), а, с другой - недостаточного уважения человека как отдельной личности.

Именно вследствие этого использование обращений - суррогатов очень часто сопровождается отрицательной коннотацией, т. е. прагматическими оттенками иронии, пренебрежительности, насмешки, издевательства, унижения, оскорблений, грубости и т. п., не имевшими раньше - в дореволюционную эпоху - особого значения; ср. следующий диалог (время действия - поздний советский период), в котором говорящий (не принимая по-настоящему во внимание обстановку) использовал обращение *бабуля*, что адресату «не понравилось»:

- (41) - Эй, хозяин! - крикнул он.
 - Кого несет? - откликнулся сердито женский голос.
 - Открывай, *бабуля!* Из райисполкома. Архитектор!.. И собачку убери!
Дверь *окрылась*. Женщина лет сорока пяти *выглянула*, *осмотрела их недоверчиво и сердито* ... Женщина *отступила от двери на асфальтовую дорожку, ведущую к дому, и буркнула*:
 - *Какая я вам бабуля!*
 - *Извини, мамаша! Зови хозяина!* - весело сказал Веня.
 - *Я хозяйка!* (ПА/Л)

Приведенные отрицательные оттенки (оценки), которыми отличается употребление нейтральных слов-суррогатов в советский и постсоветский периоды, особенно ярко ощущаются в использовании на первый взгляд самых нейтральных слов - *мужчина* и *женщина*; общеизвестно, что их употребление очень часто вызывает обиду у названных собеседников.

2.2. Все до сих пор изложенное указывает, в частности, на то, что радикальное нарушение правил общения и утрата лингвокультурной идентификации завели носителей русского языка в своего рода тупик, т. к. все еще не ясно, какими универсальными словами они себя (и друг друга) будут называть и тем самым вступать в процесс столь необходимой кодифицированной идентификации.¹

Это состояние безвыходного положения в данной сфере очень наглядно отражается в ироническом использовании усложненного обращения *господин товарищ* (*господин-товарищ*); ср. следующее вопросительное высказывание,

¹ На это положение лингвокультурной (не)идентификации носителей русского языка опосредованно указывают и многие другие исследователи; ср., например, [14], где рассматривается поиск подходящего «риторического идеала» (речевого образца), в котором нуждается современная русская (российская) логосфера; именно с позиций (любого) риторического идеала всегда выстраивается определенное «коммуникативное пространство», включающее в себя как раз те компоненты, которые характерны для системы обращений - предметное содержание сообщения, контекст ситуации и представление говорящего о собеседнике.

взятое из газет, наглядно отражающее невыработанность подходящего обращения в постперестроечный, т. е. постсоветский период:

(42) *Как живете, господа-товарищи?* (АИФ/К).

Подчеркнем еще раз, что все это является последствием деградации и обезличивания кодифицированной системы идентификации. Отметим также, что параллельно с происходящим в последние годы процессом «десоветизации» идет и процесс «дерусификации» (анационализации русских), в результате чего русские «становятся россиянами». В связи с этим ср. таблицу V, где представлены «возможные» (модифицированные нами) модели обращений, т. е. диалогов между «правителями» и их «подданными», каждый из которых отражает одну из трех основных эпох развития русского общества, где первый диалог указывает на стабильную кодифицированную систему идентификации, а второй и третий - на ее дестабилизацию, соответственно на процессы обезличения, десоветизации и дерусификации.

Таким образом, выработка кодифицированной системы обращения в русском языке пока остается неразрешимой лингвокультурной проблемой, которая, по-видимому, должна, еще неизвестно сколько времени ждать своего соответствующего решения (ср. [48, с. 14]). На наш взгляд, такое положение и функционирование форм обращения связаны с возникновением особой социальной ситуации «переходного» типа, отличающейся общей тенденцией к поиску новых путей развития и восстановления измененных и в значительной мере нарушенных общественных норм и правил.

2.3. Именно тот факт, что в употреблении вокативных обращений, представляющих собой небольшой, но значительный сегмент языковой и культурной коммуникации, произошли относительно радикальные изменения (особенно в последнем десятилетии XX века), указывает на необходимость их рассмотрения в отдельном социолингвистическом аспекте, тем более, что проблема лингвокультурной идентификации встречается во всех славянских языках (ср., в частности, [5; 7]).

Так, вокативное обращение *друже / другарице* в сербском (в том числе и в недавно形成的 хорватском и босняцком) языке (являющееся эквивалентом русской формы *товарищ*), широко употреблявшееся во второй половине XX века и приобретшее почти универсализированное значение (ср. [52]), практически исчезло (в настоящее время применяется, как правило, лишь среди членов и некоторых традиционных сторонников левых партий, ветеранов и, в частности, в армии и милиции), а его позицию постепенно захватывает обращение *господине / госпођо* (в гораздо большей мере, чем в русском языке) и, в зависимости от ситуации, обращение (к незамужней женщине, т. е. к «барышне») *госпођице*.

Сходная ситуация отмечается и в болгарском и македонском языках. Процесс поисков кодифицированных социальных идентификаторов наблюдается также в украинском языке, в котором все еще налицо конкурентные отношения между формами *пане / пані* и формой *товарищу*. В белорусском языке, как и в русском, в настоящий период все еще не

установлен кодифицированный социальный идентификатор универсализованного значения и, более того, пока все еще нельзя предвидеть, какая из существующих форм обращения будет более способна к универсализации.

В польском языке наблюдается иная ситуация - обращение *towarzyszu / towarzysko* в настоящее время используется очень редко, в то время как вокативные формы *panie / pani* преобладают, снова приобретя статус универсализованного и вполне кодифицированного обращения (являющегося общеизвестной и доминантной национальной чертой польского языка, особенно до 1-й половины XX века). Добавим, что формы *panie / pani* никогда не теряли своей основной функции обращения, хотя использовались наряду с формами *towarzyszu / towarzysko* и с формами *obywatelu / obywatełko*, особенно в армии, где собеседники из-за строгой военной иерархии должны более тщательно следить за установленными нормами обращения (ср. [53]). Обращение *panno / panienko* («барышня») в польском языке встречается все реже и вместо него, как правило, используется нейтральное обращение *pani* [52].

Сходное положение данных обращений (*pane / pani*) наблюдается в чешском и словацком языках. Словенский язык в этом отношении в определенной степени приближается к польскому (т. е. обращение *gospod / gospa* преобладает над обращением *tovariš / tovarišica*, что особенно ощущается в последние годы). Обращение *gospodična* («барышня»), как и в других юнославянских языках (даже в большей мере), в настоящее время проявляет тенденцию к более частому и кодифицированному употреблению.

В связи с вышеизложенным, следует отметить, что процесс поиска и возвращения в языковой обиход форм обращения, регулярно употреблявшихся некогда в прошлом, быстрее и проще происходит в языковом ареале *Slavia Latina*, чем в ареале *Slavia Orthodoxa*.

К этому можно добавить, что данный процесс поиска кодифицированных языковых и социокультурных идентификаторов интенсивнее всего в западнославянских языках (где самыми широкими возможностями выбора различных средств обращения обладает польский язык, в котором почти полностью решена проблема универсальной вокативной кодификации), менее интенсивный в юнославянских языках (где самый значительный прогресс наблюдается в словенском языке), а меньше всего в восточнославянских языках (где наблюдается некоторое преимущество украинского языка над русским и белорусским).

2.4. Большинство приведенных обращений, особенно тех, которые характеризуются тенденцией к становлению универсализированных средств общения, очень часто сочетается с другими типами обращений, согласуясь с ними полностью или частично. Речь идет об усложненных формах обращений типа «господин + положение / профессия / фамилия / имя» (ср.: *господин / товарищ директор (профессор), товарищ секретарь (генерал, милиционер), товарищ / коллега / профессор Петров(а), господин Ренуар, товарищ Иванов и т. п.*); ср.:

(43) *Здравствуйте, садитесь, господин Черномазов* (ФД/БК);

(44) *Вы, мосье Лемм, пришли дать урок музыки Лизе?* (ИТ/Дг);

(45) *Не брезгуйте, гражданин профессор, ... умоляю – остановите рак* (МБ/МиМ);

(46) *Что же, прощай, товарищ Рита* (НО/Кзс);

(47) *А семья ваша где, товарищ полковник, далеко?* (КС/Жим);

(48) *Простите, товарищи техники, повесточку на комиссию забыл оставить* (ПА/Л);

(49) *Прошу садиться, господа лакеи... простите... министры!* (ПА/Вз).

2.5. Наряду с выражением «вокативности-апеллятивности», номинация адресата может играть и некоторую прагматическую роль в создании вежливого отношения и уважения между коммуникантами, при котором адресат может включаться в личную сферу говорящего (см.: [46, с. 54-73; 1, с. 646; 4, с. 199-200]), причем говорящий, обращая на себя внимание, побуждает адресата быть более внимательным собеседником (слушающим). В качестве иллюстрации можно, наряду с предыдущими примерами и примерами, приведенными в таблицах в конце работы, привести следующие:

(50) *Прошу тебя / вас, господин* (*госпожа, товарищ, сын, дочь, отец, мать, брат, сестра, дядя, друг, мужик, молодой человек, девушка, Владимир, Владимир Николаевич, Иванов, Вера, Вера Михайловна, Иванова и т. п.*), *принести мне воды!*;

(51) *Извините, все беспокоим вас, Максим Николаич, своими пустяшными делами* (АЧ/СР);

(52) *Иди домой, Ниловна! Иди, мать!* Замучилась! - громко сказал Сизов (МГ/М);

(53) *Приветствую вас, королева, и прошу меня извинить за мой домашний наряд* (МБ/МиМ);

(54) *За обедом Караджич, задумчиво глядя в окно, вдруг сказал:
- Пришло время, Алексей, прощаться нам с тобой...* (МЧ/СвП).

Особую роль играет номинация адресата в условиях повышенного эмоционального настроя, т. к. она придает речи говорящего специфический эмфатический признак. Также, в зависимости от характера данного настроя и тональности общения между коммуникантами, говорящий выбирает соответствующую номинацию адресата - либо с положительной, либо с отрицательной коннотацией. Ср., например, публичные побудительные выступления-обращения религиозных деятелей (проповеди / призывы, в которых адресат имеет форму мн. ч.), отличающиеся пафосом возвышенных положительных эмоций (сходный тип обращения также представлен в примерах 88-89, где в качестве говорящих выступают «мирские», государственные деятели):

(55) (дорев. период) - Только подумаем, *любезные сестры и братья, о себе, о своей жизни, о том, что мы делаем, как живем, как прогневляем любвеобильного Бога, как заставляем страдать Христа, и мы поймем, что нет нам прощения, нет выхода, нет спасения, что все мы обречены погибели*

.... *А спасенье есть ... Спасенье это - пролитая кровь единственного сына Бога, отдавшего себя за нас на мучение. Его мучение, его кровь спасает нас.* **Братья и сестры**, - опять со слезами в голосе заговорил он, - возблагодарим Бога, отдавшего единственного сына в искупление за род человеческий (ЛГ/В);

(56) (постсовет. период) *АбORTы - это не столько женская вина, сколько женская беда, а вина - наша, общая, и мужчин и женщин! Мужики! Хоть вы и президенты, и председатели правительства, но вы же мужики! Отецы и деды! Возьмите вы это дело в свои крепкие мужские руки!* (НШБ/4).

Ср. также обращение с отрицательной коннотацией:

(57) *Ступай вон, сволочь, надоела ты мне!* (МГ/М).

Отсутствие номинации может указывать как на небрежность, невнимательность к собеседнику, так и на сохранение или проявление дистантных отношений между говорящим и адресатом. В связи с этим ср. следующее (58) высказывание без вокативной номинации адресата (что, из-за «дефицита» подходящих универсализированных форм обращения, чаще используется в постсоветский период, чем раньше - в дореволюционный и советский) и его модификации (58а и 58б) с номинацией:

(58) *Простите, что это за делегация?* - осторожно спросил он, чтобы как-то начать разговор (МЧ/СвП);

*(58а) *Простите, сударь, что это за делегация?*

*(58б) *Простите, товарищ, что это за делегация?*

В этом отношении показательны и следующие высказывания (вступительные вопросы в двух интервью в одной и той же газете), в первом из которых номинация (обращение по имени и отчеству) используется, а во втором – пропускается:

(59) (интервью с постсоветским государственным деятелем А. Б. Чубайсом) *Анатолий Борисович, говорят, вы хотите возглавить штаб по переизбранию В. Путина на второй срок?* (АИФ);

(60) (интервью с известной современной актрисой Еленой Алексеевной Кореневой) *Говорят, что общение с журналистами вы сравниваете с изнасилованием?* (АИФ).

Здесь возможность использования обращения по имени и отчеству связана не столько со специфичным общественным положением и различным полом двух адресатов, или даже с их возрастом (им же обоим под пятьдесят лет), сколько с индивидуальными чертами характера и различным возрастом говорящих (журналистов); можно предположить, что на первого из журналистов (пример 59), который, в частности, является главным редактором газеты, в большей мере, чем на второго повлиял «советский» образ жизни, отличавшийся, между прочим, относительно регулярным соблюдением

установленного речевого этикета, в том числе и употреблением различных типов универсализированных обращений, среди которых выделялось «тиปично русское» обращение по имени и отчеству.

2.6. Также, вокативная номинация (форма) часто используется в качестве сохранения или восстановления тональности общения, в первую очередь, в случаях, когда обращения повторяются (ср. [5, с. 27-28]), например:

- (61) - Позвольте вас спросить, *гражданин*, где квартира номер пятьдесят?
 - Выше!
 - Покорнейше вас благодарю, *гражданин* (МБ/МиМ).

Об этом сохранении тональности наглядно говорит и следующая сопоставительная (по периодам) таблица диалогов:

Дореволюционный период	Советский период	Постсоветский период
<p>(62) - Давно ты здесь стоишь?</p> <p>- С утра, <i>ваше благородие!</i></p> <p>- Долго до смены?</p> <p>- Три часа, <i>ваше благородие!</i></p> <p>- Ты мне будешь нужен...</p> <p>- Слушаю, <i>ваше благородие!</i> (НГ/Мд)</p>	<p>(63) - А пробку надолго устроили?</p> <p>- Сейчас, <i>товарищ генерал</i>, пехота уже пошла ...</p> <p>- Еще не воевали?</p> <p>- Что имеете в виду, <i>товарищ генерал</i>?</p> <p>- Имею в виду ваш полк ... Желаю умножить боевую славу ваших дивизий.</p> <p>- Спасибо, <i>товарищ генерал!</i> Пойду пробку пробивать. (КС/Жим)</p>	<p>(64) - Кто такой Гусев? Я не хочу, чтобы читал роман какой-то Гусев!</p> <p>- Леонид Максимович, Гусев - зам. главного...</p> <p>- Решает главный, а не зам...</p> <p>- Леонид Максимович, Гусев директором издательства «Современник», печатал ваши романы. Он в восторге от них, он любит читать ваши романы, он ваши поклонник...</p> <p>(ПА/МЛЛ)</p>

3. О статусе некоторых особых типов обращения

3.1. Хотя звательная форма в русском языке была утрачена приблизительно в XIV-XV вв., она все-таки после этого периода иногда (как, например, в литературном языке XIX в.) выступала в качестве средства стилизации (см. [16, с. 273]) или фамильярного обращения; ср.:

- (65) *Отпусти ты, старче, меня в море ...* (АП/Сорир);
 (66) *Ты бы, хлопче, самоварчик нам поставил!* (АЧ/Нп)

Ср. также употребление одним и тем же адресантом старой звательной формы наряду с новой:

- (67) - *Процайтe, старче!* - крикнул ему Огнев ... - *Процайтe и еще раз спасибо, голубчик!* (АЧ/В).

3.1.1. Остатки форм звательного падежа в современном русском и некоторых других славянских языках больше не представляют собой вокативные формы; их можно рассматривать только как особые слова-междометия (типа: *Господи! Боже!*; ср. [18, с. 93]). Но следует отметить, что настоящие формы, когда используются в религиозно-мистических обращениях (молитвах) верующих, сохраняют функцию звательной формы, отличаясь притом оттенками высокого, торжественного стиля. Ср.:

- (68) *Отче наш, Иже еси на Небесех! ...*
 (69) *Господи, помоги!*
 (70) *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных!*
 (71) *Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою ...*

3.2. Наряду с приведенными типами обращений, встречается еще один тип, нуждающийся в отдельном комментарии. Речь идет об обращении, использующемся в русской разговорной речи, особенно в ситуациях, в которых адресат включается в личную сферу говорящего (при употреблении *ты* неофициального, интимного в кругу семьи, друзей), когда используется своего рода форма звательного падежа ограниченной лексико-семантической группы существительных с окончанием (в именительном падеже ед. ч.) на *-а* (-*я*), обозначающих названия родства (*папа, мама* и под.) или неофициальные (производные) личные имена (*Надя, Саша* и под.) (ср., в частности: [1, с. 646; 25, с. 75; 5, с. 28-29]).

Ср. следующие обращения, обладающие «новой» звательной формой: *пан!* *мам!* *дядь!* *тить!* *Варь!* *Лен!* *Люб!* *Люд!* *Маш!* *Надя!* *Нин!* *Вань!* *Вась!* *Володь!* *Коль!* *Лль!* *Петь!* *Саш!* *Серлж!* и т. д.); ср. также:

- (72) - *Дядя Петь...* - начал Леша... - *Дядь, а дядь!* Стрельните, - попросил внезапно Леша (ЮК/М);
 (73) - *Врут, дядь Ваньк,* не было пьянства на Руси! - сказал Иван (ПА/Л);
 (74) - *Люд,* разбуди Нинку, - попросил Алик (ЛУ/Вп);
 (75) *Нин,* если креститься, то, наверное, священник нужен, а? (ЛУ/Вп);
 (76) *Тань,* а ты Лидке своей скажи, пусть она попросит тетю (ЛУ/Дн);
 (77) *Вась,* открой-ка дверь! (ПА/Вз);
 (78) *Во-во, правильно дочк!* Фаламейская! Так и объявил... (ПА/Л);

- (79) - *Мам*, ну до чего же ты смешная пьяная, никогда не видел. Тебе идет, - тянула ее сын от двери (ЛУ/Вп);
 (80) - *Пап*, пойдем! *Пап*, пойдем! - прыгала она возле него (ПА/Л);
 (81) Читала «Мать» Горького, помнишь, чем ее агитация закончилась?
Тюрьмой, бауль, тюрьмой (ПА/Вз).
 (82) - *Дедуль*, - ужаснулась Лилия, - и что же, всех-всех врагов на дереве повесили? (ЛУ/Вмтжг)

На первый взгляд кажется, что в данных звательных формах произошло падение редуцированных гласных в слабой позиции (на конце слова) и что налицо слова с закрытым слогом (с нулевой флексией), но т. к. в некоторых примерах (*дядь!*, *Люб!*, *Люд!*, *Надь!*, *Володь!*, *Лёв!*, *Сереж!*) конечные согласные произносятся звонко, можно сделать вывод, что гласная фонема /a/ на конце слова (как флексивная морф(он)ема) сохраняется (хотя почти в нулевой звуковой форме) и что, следовательно, нейтрализации согласных фонем по звонкости - глухости в настоящих вокативных формах нет.

Другими словами, приведенные усеченные формы заканчиваются на гласную (мор)фонему, являющуюся под влиянием эмфатического произношения (с более сильной и долгой экспирацией) ударного гласного лишь «апострофированной» [39, с. 48; 25, с. 75].¹

Исходя из сказанного, приведенные формы призывающего обращения (*пан!*, *Надь!*) можно рассматривать как отдельные (звательные) падежные формы. Но т.к. возникновение настоящих форм является результатом не исторического языкового процесса, а живой речи (на синхронном уровне), его можно рассматривать как субъективную интерпретацию говорящего, которая признак нормативности приобретает в разговорном языке или в стилистической сфере литературной нормы. В связи с этим отметим, что говорящий должен придерживаться установленных орфоэпических и других правил и норм лишь тогда, когда они выработаны историческим развитием языка (в диахронии).²

¹ В связи с возникновением «новой» звательной формы, можно предположить, что сходное явление происходило и в период утраты «старой» звательной формы (особенно мужского рода), ставшей впоследствии равной форме именительного падежа;ср. «старые» звательные формы и их переводы на современный русский язык: *О Бояне, соловию старого времени! Великий князь Всеволод!* (СОПИ). В качестве подтверждения данного предположения можно привести наличие процесса падения редуцированных гласных в славянских языках в XI - XIII вв. (т. е. непосредственно перед утратой звательной формы в древнерусском языке), в результате чего возникли, в частности, и закрытые слоги (ср.: *сто-ль* → *стол*, *ду-бъ* → *дуб* и под.), которыми отличается и именительный / звательный падеж м. р. в современном русском языке.

² Этот последний тип обращения, который можно объяснить как тенденцию в русском языке к приобретению собственной вокативной формы выражения (ср., в частности, [50, с. 49-50]). Это подтверждает также мысль о том, что в

основе любого речевого акта, подразумевающего общение между говорящим и адресатом, лежит то же самое (вокативное) отношение. Это указывает на необходимость рассмотрения в качестве отдельного вопроса грамматического и функционально-семантического статуса форм утраченного в современном русском языке звательного падежа и их эквивалентов в других славянских языках (особенно в тех, которые данный падеж сохранили). Однако об этом, из-за недостатка места, мы здесь не будем подробно говорить, только укажем на важнейшие аспекты настоящего вопроса.

Во-первых, подчеркнем, что в высказываниях (в первую очередь в вопросительных и побудительных) настоящее отношение всегда можно выразить формально, с оговоркой, что в некоторых славянских языках (в польском, чешском, верхнелужицком, белорусском, украинском, русинском (литературном микроязыке в Воеводине (северной части Сербии), близком к западноукраинским говорам), сербском, а также в болгарском и македонском, которые не сохранили остальные падежные формы) оно имеет собственное, морфологическое выражение, в то время как в других славянских языках (в русском, словенском, нижнелужицком и словацком, сохранившем звательную форму только в ед. ч. от нескольких одушевленных существительных м. р.) функцию звательного падежа (т. е. выражения обращения) выполняет (лишь на синтаксическом уровне) именительный, являющийся, таким образом, синкетической падежной формой (ср., в частности, [11]).

Во-вторых, следует добавить, что некоторые лингвисты вокативную форму не считают падежом (в первую очередь, потому что она является грамматически самостоятельным высказыванием), в то время как другие утверждают, что она обладает основными характеристиками падежа (см.: [18, с. 93-94; 36; 37; 41, с. 171-173; 25; 13; 20; 21]; см. также: [17, с. 195; 31, с. 26-27; 42, с. 3; 7]).

В связи с этим отметим, что звательная форма в любом языке обладает основными признаками именительного падежа: как синтаксически независимая падежная форма выполняет номинативную функцию и никогда не сочетается с предлогами, противопоставляясь, таким образом, вместе с именительным падежом всем косвенным падежам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в русском и некоторых других славянских языках она формально совпадает с именительным (даже и в тех языках, которые обладают формальными признаками звательной формы - вокативными окончаниями, в ряде случаев используется именительный вместо звательного; ср., например, в серб.: *Marija* (вместо *Marijo*), *dođi ovamo!*).

Несмотря на то, что в языкоznании нет единого взгляда на вопрос о статусе звательной формы, нам кажется, что можно согласиться с мнением, что речь идет об обращении в неприсловной (независимой) синтаксической позиции, т. к. оно является лишь распространяющим членом предложения, соответственно именем, называющим того, к кому адресована речь (см. [51, с. 163-166]; ср.: [36; 37; 29, с. 275]). Следовательно, здесь можно говорить о прямом (эксплицитном) проявлении контактной и апеллятивной коммуникативных в частности, [26]).

3.3. Несмотря на то, что принято считать, что в настоящее время в русском языке отсутствует универсализированная форма обращения, по нашему мнению, все же в нем исторически сложилось не только удобное в употреблении, но и кодифицированное, и в значительной мере универсализированное обращение, которое представляет собой национальную особенность русской речевой культуры, не встречающуюся ни в каком другом языке и которое (вероятно, из-за его универсальных свойств и значительных прагматических преимуществ) даже усвоили и другие народы, особенно народы, принявшие русский язык как второй, равноценный их родному языку, и бытующие в условиях двуязычия на почве русской культуры или по соседству с ней. Это обращение по имени и отчеству, которое на Руси издревле имело важное место в речевом этикете не только в официальной обстановке, но и в любой речевой ситуации повседневной жизни (ср. таблицы III и IV в конце работы). Ср. использование его в различных ситуациях - как в дореволюционный (примеры 83 и 84), так и в советский (пример 85) и посоветский периоды (пример 86, представляющий собой диалог двух писателей - Л. М. Леонова и П. Ф. Аleshкина - в середине 90-х лет только что минувшего века):

(83) - *Что это, мой батюшка?* - *сказала ему жена.* - *Кушанье давным-давно подано, а тебя не дозволишься.*

- *А слыши ты, Василиса Егоровна,* - *отвечал Иван Кузмич,* - *я был занят службой: солдатушек учил* (АП/Кд);

(84) *У меня у самой дочь, Дмитрий Федорович, и с этой стороны меня мало знают* (ФД/БК);

(85) *Да не хотите ли закусить, Никанор Иванович?* (МБ/МиМ);

(86) - *От Ельцина звонили... Говорят... приехать намерен... ко мне. Как быть? Петр Федорович, принимать или не принимать?*

- *Нечего раздумывать, Леонид Максимович, приглашайте. Пусть посмотрит, в каких условиях живут россияне, как говорит он* (ПА/МЛЛ).

3.3.1. К сожалению, в последнее время у самих русских, особенно представителей более молодого поколения, наблюдается тенденция к отказу от употребления данной формы, что, вероятно, обусловлено определенными социолингвистическими факторами (например, расширением контактов с носителями языков, где данная форма не принята, или представлением о ее патриархальности и несовременности). В качестве иллюстрации приведем следующий пример письменного обращения (к русской, которая вышла замуж за немца), опосредованно указывающий на некоторые из этих факторов:

(87) *Многоуважаемая фрау Валентина. Я знаю, Вы русская, но я не знаю ни вашего отчества, ни фамилии, и так обратиться к Вам посоветовал Ваш муж, с которым мне пришлось говорить по телефону, так как, когда я позвонила, Вас не было дома* (МЧ/СвП).

3.4. Нельзя не заметить, что еще одно обращение, стремящееся к универсальному употреблению, всегда (во все периоды) использовалось в относительно одинаковой роли и степени. Это обращение (существительное общего рода) *коллега*, чаще всего употребляющееся в сочетании с определением - прилагательными (преимущественно во мн. ч.) *уважаемый* и *дорогой*. Ср. употребление конкретных официальных обращений данного типа (представляющих собой устные и письменные официально-торжественные обращения) в современный, постсоветский период, полностью сохранивших свою универсальность из предыдущих - дореволюционного и советского - периодов:

(88) Из устного обращения министра образования (Респ. Башкортостан) к участникам конференции:

Уважаемые участники и гости Международной Аксаковской конференции!

Мы собрались здесь, под сводами этого старинного прославленного дома, по поводу события, очень важного и актуального для культурной жизни страны и особенно для нашей республики...

Позвольте пожелать вам, дорогие коллеги, успешной работы, творческих находок и плодотворного диалога! (АЧ);

(89) Из письменного обращения начальника управления образования к учителям:

Дорогие коллеги!

Скоро начинается новый учебный год с его повседневными радостями и огорчениями, с напряженным, но очень нужным и важным педагогическим трудом ...

Уважаемые коллеги!

Поздравляю Вас с новым учебным годом, желаю успехов в труде, оптимизма, здоровья и семейного благополучия! (ПД)

3.4.1. Также, следует отметить, что некоторые из типичных дореволюционных обращений начинают (правда, все еще с некоторой «стеснительностью») свою «новую» жизнь, но пока еще только на бумаге - в письменном варианте («бумага все терпит»).¹ В качестве иллюстрации приведем употребление устаревшего сочетания-обращения *милостивый государь* в современной обстановке (ср. употребление его в дореволюционную эпоху в таблице IV – пример 9), функциональная нагрузка которого подобна вышеприведенному обращению *коллега*:

¹ Из дореволюционных форм лишь обращение *барышня* в последние годы встречается в живой (непринужденной) речи, в первую очередь, как своего рода проявление манерности (сходное положение приобретает и обращение *dama*, но, в основном, в сочетании с определением; ср. *милая dama*).

(90) Официальное торжественное приглашение (2001 г., см. следующую страницу).

Нам кажется, что данному использованию приведенного обращения способствует, в частности, и то, что его письменный вариант, в отличие от устного, является непрямым, т. е. опосредсованным; бумага, как неживой (немой) свидетель выбора соответствующего обращения, допускает для адресанта возможность вести себя более свободно. Кроме того, бумага и письменный текст всегда воспринимаются более серьезно, как что-то обязательное, с оттенком некоторой торжественности и ответственности.

Милостивый государь Д. Войводич!

*Имею честь пригласить Вас 30 сентября сего года в 18.00 час.
в мемориальный Дом-музей С. Т. Аксакова (ул. Благоева, 4. Тел. 23 62 98)
на чаепитие с гостями XI Международного Аксаковского праздника,
посвященного 210-летию со дня рождения С. Т. Аксакова и 10-летию
музея.*

*Для Вас поют друзья музея - солисты Башкирского
государственного театра оперы и балета (Аксаковского народного дома)
Татьяна Никанорова и Татьяна Мамедова, лауреат международных
конкурсов, народный артист РБ Вахит Хызыров.*

Председатель Аксаковского фонда, вице-президент
Международного фонда славянской письменности
и культуры, секретарь Союза писателей России
ЧВАНОВ М. А.

4. Вместо заключения

В заключение добавим, что очень часто статус вокативных обращений и общественное положение языка, в котором они используются, отличаются сильным взаимовлиянием. Данная интеракция особенно ярко выражается в языках, развивающихся, как, например, русский язык, в условиях резких и глубоких общественно-экономических изменений, влияющих положительно или отрицательно на позицию языка в обществе. Эти изменения, в первую очередь, влияют на функционирование самых «чувствительных» языковых компонентов, к числу которых относятся и вокативные обращения, т. к. их социокультурный статус в чрезвычайных обстоятельствах всегда существенно изменяется, несмотря на то, что они собой представляют «презентабельную» часть языка, сохраняющую, может быть, лучше всего дух народа и его языка.

Вследствие ухудшения ситуации в сфере речевой культуры (особенно в сфере речевого этикета, где полностью остается открытым вопрос вокативного

лексического обращения, представляющего в любом языке, в том числе и в русском, эксплицитное выражение социокультурной идентификации), произошедшего под влиянием радикальных «переходных» изменений, в «борьбу» за развитие и оказание поддержки русскому языку, включилось и российское правительство, принявшее специальную федеральную программу (*Федеральная целевая программа «Русский язык», Москва, 1996 г.*).

Но, хотя уже наступил второй пятилетний этап реализации этой программы (который должен закончиться до 2005 г.), хотя государственные органы предали гласности несколько важных документов и издали специальные указы с целью решения самых важных социокультурных проблем в данной области (см., в частности, [28, с. 46-47]), хотя в борьбу против деградации языка и всех негативных влияний на уровень речевой культуры включилось большое число не только лингвистически образованных людей, но и рядовых граждан России, а также средств массовой информации, все-таки ожидаемый прогресс в данном плане остается пока почти незаметным (ср., в частности, [47]).

Однако, несмотря на негативные последствия, вызванные в русском языке общественно-экономическими трансформациями в постсоветский период развития русского общества, мы все-таки надеемся, что его положение в мире, в том числе и отношение к его роли в международной коммуникации, как во всех славянских странах (причем не только в школах, но и в других государственных учреждениях), в скором будущем изменится в положительную сторону, благодаря хотя бы pragматическим причинам, в первую очередь - экономическому интересу.

Можно предположить, что это начнет происходить именно тогда, когда в самой России (как в подлинной русской языковой среде) восстановится лингвокультурная идентификация и стабилизируется система обращения. Стабильная и кодифицированная система обращений будет одним из первых и ясных показателей не только улучшения общественного положения русского языка, но и стабильных экономических отношений и прогресса в России в целом, вследствие чего свой интерес в изучении русского языка обретут и те государства, в которых русский язык очень часто без оснований недооценивался.

Иными словами, точно таким же образом, каким в русской речевой культуре - на фоне деградации общества в целом - происходило нарушение языковых норм и правил поведения, теперь на фоне улучшения общественной обстановки будет восстанавливаться и лингвокультурная идентификация, которая, как pragматический аспект непрерывной языковой актуализации, всегда в первую очередь нагляднее всего отражается в системе кодифицированных, особенно универсализованных обращений.

Мы уверены, что эта лингвокультурная стабилизация должна произойти.

- Proničev V. P. Osobine sintaksičke strukture obraćanja u odnosu na sintaksičku strukturu jednočlanih imenskih rečenica u srpskočravatskom i ruskom jeziku // Radovi Filozofskog fakulteta u Sarajevu, knj. V (1968-1969), s. 255-292.
- Radovanović M. Sociolingvistika. Beograd, 1979.
- Szybińska M. Formy adresatywne w języku polskim i serbsko-chorwackim (wybrane zagadnienia) // Język Polski, rocz. LXXI (1991), z. 1, 35-41.
- Апресян Ю. Д. Избранные труды, том II: Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва, 1995.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. Москва, 1976.
- Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР: Сер. лит. и яз., т. 40 (1981), № 4, с. 356-367.
- Войводич Д. О русском «языковом вкусе эпох» через призму вокативных обращений // Зборник Матице српске за славистику, књ. 64 (2003) [в печати].
- Войводич Д. О языковой картине социокультурной (само)идентификации русских // Русское слово в мировой культуре. [= X Kongress МАПРЯЛ, Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г.] Доклады. СПб., 2003 [в печати].
- Войводич Д. Обращение и норма (на материале русского и других славянских языков) // Языковая норма и новые тенденции в развитии речевой культуры (отв. ред. Е. Ю. Белова, Л. Н. Михеева). Иваново, 2001, 18-34.
- Войводич Д. Перформативные высказывания (прагматико-стилистический аспект) // Пути и средства формирования языковой и речевой культуры (отв. ред. Л. Н. Михеева). Иваново, 1999, 192-206.
- Војводић Д. О вокативном обраћању у српском и другим словенским језицима // Научни састанак слависта у Вукове дане, књ. 31/1 (2002).
- Војводић Д. О социокултурној идентификацији у руском језику // Педагошка стварност, 2002, бр. 5-6, 455-463.
- Волкова Т. Н. Принципы отбора содержания в спецкурсе «Культура речевого общения» (довузовское обучение) // Пути и средства формирования языковой и речевой культуры (отв. ред. Л. Н. Михеева). Иваново, 1999, с.127-130.
- Вукомановић С. Синкетизм облика именичким речи у српском језику // Научни састанак слависта у Вукове дане, књ. 25/2 (1996), с.347-359.
- Глинкина Л. А. Речевой этикет: ты и вы // Русский язык за рубежом, 1988, № 6, с.25-26.
- Дешић М. Вокатив у српскохрватском писаном и говорном језику // Научни састанак слависта у Вукове дане, књ. 7 (1981), с.147-157.
- Дорожкина Т. Н. Речевые образцы современной российской логосферы и проблемы формирования культуры слова // Пути и средства формирования языковой и речевой культуры (отв. ред. Л. Н. Михеева). Иваново, 1999, с. 19-29.
- Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения - 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 1987.
- Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка - 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 1990.

- Ивић М. О проблему падежне системе у вези са савременим схватањима у лингвистичкој науци // Јужнословенски филолог, књ. XX (1953-1954), с.191-211.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, ч. I: Морфология - 2-е изд. Братислава, 1965.
- Кан Д. Различия в выражении вежливости между русской и корейской речью // Сопоставительные и сравнительные исследования русского и других языков (отв. ред. Б. Станкович). Белград, 1997, с.374-378.
- Клобуков Е. В. Падеж и модальность // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст (отв. ред. Н. Ю. Шведова) [Виноградовские чтения XII-XIII]. Москва, 1984, с.43-65.
- Клобуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке: (введение в методику позиционного анализа). Москва, 1986.
- Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа - 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург, 1999.
- Лендваи Л. Специфика употребления личных местоимений «ты» и «вы» в зеркале венгерского языка // Русский язык за рубежом, № 3, 1986, 82-84.
- Манчев В. Особенности перевода единиц с лингвокультурологической информацией // Научни трудове, том 38, кн. 1: Филология [Пловдивски университет «Паисий Хилендарски»], 2000, 237-239.
- Мизин О. А. К морфологии обращения // Русский язык в школе, № 5, 1980, с.75-77.
- Мирич Д. Средства выражения апеллятивности-вокативности в русском и сербском языках // Сопоставительные и сравнительные исследования русского и других языков (отв. ред. Б. Станкович). Белград, 1997, с.150-154.
- Михеева Л. Н. Своеобразие лингвополитической ситуации в современной России // Пути и средства формирования языковой и речевой культуры (отв. ред. Л. Н. Михеева). Иваново, 1999, 4-9.
- Михеева Л. Н. Языковая норма и современная речевая культура // Языковая норма и новые тенденции в развитии речевой культуры (отв. ред. Е. Ю. Белова, Л. Н. Михеевой). Иваново, 2001, 43-53.
- Ożóg K. Przeproszenia w dzisiejszej polszczyźnie mywionej // Język Polski, rocz. LXV (1985), z. 4, 265-276.
- Папп Ф. Паралингвистические факты. Этикет и язык // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XV. Москва, 1985, с.546-553.
- Пипер П. Граматичке категории и говорна ситуација у српскохрватском и другим словенским језицима // Књижевност и језик, књ. XXXVII, бр. 1 (1990), с.20-31.
- Пипер П. Оглед српске морфосинтаксе (у поређењу са македонском). Сеул, 1997.
- Пипер П., Стојнић М. Руски језик: изговор, граматика, конверзија, вежбе. Београд, 2002.
- Половина В. Употреба једине и множине личних заменица у обраћању саговорнику у српскохрватском језику // Научни састанак слависта у Вукове дане, књ. 13/1 (1984), с.185-195.

- Поповић Људ. Епистоларни дискурс украйинског и српског језика. Београд, 2000.
- Проничев В. П. Синтаксис обращения. Ленинград, 1971.
- Реформатский А. А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. Москва, 1979.
- Синьо Л. Употребление ты и вы в русской классической литературе // Русский язык за рубежом, 1988, № 6, с.27-29.
- Стевановић М. Савремени српскохрватски језик (граматички системи и књижевнојезичка норма), II: Синтакса - треће издање. Београд, 1979.
- Тошовић В.. Русский язык в XX столетии // Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza (red. nauk. A. Pstyga, K. Szczęśniak). Gdańsk, 2002, с.152-165.
- Тополињска З. "Падеж" и "глаголски род" - две стратегије граматикализације односа између "предиката" и његових "аргументата" // Јужнословенски филолог, књ. ЛII (1996), с. 1-9.
- Труфанова И. В. Образ слушающего в языке // НДВШ: Филологические науки, 1997, № 2, с. 98-104.
- Федотова Е. В., Фалина В. А. Особенности современного речевого этикета // Русский язык на рубеже тысячелетий [= Материалы Международной студенческой конференции, Иваново, 20-21 ноября 2001 г.]. Иваново, 2002, с. 91.
- Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. Москва, 1982.
- Фролов Н. К. Русская речевая культура как объект духовной экологии // Зборник Матице српске за славистику, бр. 62 (2002).
- Шакlein В. М. Лингвокультурная ситуация в современной России: трансформация семантики универсализированной лексики // Пути и средства формирования языковой и речевой культуры [= Тезисы докладов и сообщений I Международной школы-семинара, Иваново, 26-28 мая 1998 г.]. Иваново, 1998, с. 12-15.
- Шакlein В. М. Современные тенденции развития лексики русского языка и вопросы лингвокультурной ситуации // Языковая норма и новые тенденции в развитии речевой культуры (отв. ред. Е. Ю. Белова, Л. Н. Михеева). Иваново, 2001, с. 3-17.
- Шаповалова Л. И. Семантическая структура стандартизованного обращения // Вестник Белорусского ун-та. Серия IV, 1979, № 3, с. 46-51.
- Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика, т. II. Москва, 1980.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сводные хронологические таблицы
основных вокативных обращений в русском языке

I. Универсализованные обращения:

Дореволюционный период	Советский период	Постсоветский период
сударь, сударыня, государь, государыня, государи, барин, барыня, барышня, господин, госпожа, господа, батюшка, матушка, ваше благородие, любезный, почтеннейший и т.п.	товарищ, товарищи, гражданин, гражданка, граждане.	Ø // господин, госпожа, господа

II. Нейтральные слова – суррогаты обращений:

Дореволюционный период	Советский период	Постсоветский период
брат, мужик, девка, дружочек, дяденька, тетенька и т.п.	женщина, бабка, бабуля, бабуся, матушка, мамаша, девушки, девочки, мужчина, мужик, дядя, папаша, старик, браток, парень, пацан, мальчики, ребята и т.п.	женщина, бабка, бабуля, бабуся, матушка, мамаша, девушки, девочки, мужчина, мужик, дядя, папаша, старик, браток, парень, пацан, мальчики, ребята и т.п.

III. Обращение по имени и отчеству:

Дореволюционный период	Советский период	Постсоветский период
Лев Николаевич, Софья Андреевна.	Владимир Ильич, Надежда Константиновна.	Михаил Андреевич, Татьяна Николаевна.

IV. Обращения в конкретном контексте (в высказывании):

Дореволюционный период	Советский период	Постсоветский период
<p>1.. <i>А вам, государь мой, рекомендую брата моего.</i> (ДФ/Н)</p> <p>2. <i>Что вам, сударь, от меня угодно?</i> (ФД/БК)</p> <p>3. <i>Сударыня, я так тронут... и не знаю, как даже благодарить...</i> (ФД/БК)</p> <p>4. <i>А ты, господин Кутейкин, не из ученьих ли?</i> (ДФ/Н)</p> <p>5. <i>Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам препенятивное известие: к нам едет ревизор.</i> (НГ/Р)</p> <p>6. <i>Иди-ка ты, барин, в сторону, а я в другую.</i> (АП/ПБ)</p> <p>7. <i>Дай, барыня, ручку.</i> (ИТ/Р)</p> <p>8. - В чужих людях живете, барышня, - вздохнула Лиза. (АЧ/П)</p> <p>9. /письменное обращение/ «Милостивый государь, Сергей Павлович! Я сегодня уезжаю из дома Дарии Михайловны, и уезжаю навсегда». (ИТ/Р)</p> <p>10. Ваше благородие, ... ведь мы нынче до Коби не доедем. (МЛ/ГНВ)</p> <p>11. Милости просим, батюшка Алексей Степанович и матушка Софья Николаевна! (СА/ДгБв)</p> <p>12. - Не тужи, девка. И в Сибири люди живут ...</p> <p>- Знаю, теменька, а все труено. (ЛТ/В)</p> <p>13. - Вот сейчас кто-то прошел.</p> <p>- Да это у вас в животе, дядечка! (АЧ/А)</p> <p>14. Ты не спишь, оружочек! (АЧ/Нп)</p> <p>15. Прости, братья, меня, подлеца! (АЧ/Б)</p> <p>16. Милая, добрая, Марья Ивановна, будь моего женою, согласись на мое счаствие. (АП/Кз)</p> <p>17. Твоя воля, Степан Михайлович; что тебе угодно, того и я желаю (СА/Сх)</p> <p>18. - Христос воскресе, Дмитрий Иванович. - Воистину воскресе. (ЛТ/В)</p>	<p>1. <i>Здравствуйте, товарищ Давыдов!</i> (МШ/Пи)</p> <p>2. <i>До свиданья, товарищ Ракитина.</i> (НО/Кз)</p> <p>3. <i>Товарищ генерал, батальон выполнил поставленную вами задачу!</i> (КС/Жим)</p> <p>4. Здесь, товарищи, не веселый спектакль, а партийное собрание, факт! (МШ/Пи)</p> <p>5. /разговор по телефону/ - Товарищ Никонов, здравствуйте. Это говорит корреспондент газеты «Правда» Синицын.</p> <p>- Здравствуйте, товарищи Синицыны. Чем могу служить? (АТА/Этр)</p> <p>6. Почему вы не работаете, гражданин? (НО/Кз)</p> <p>7. Позвольте, гражданин! На станции, согласно базарной квитанции, от вас получили бараж. (СМ/Б)</p> <p>8. - Граждане! – выбиравшим тонким голосом прокричал он, - что же это делается? (МБ/МиМ)</p> <p>9. /обращение к иностранцу/ Добрый день, господин Тейлор!</p> <p>10. Прощай, браток, счастливо тебе! (МШ/С4)</p> <p>11. - Что же это у тебя, старик, рука такая холодная?</p> <p>- Какой же я старик, дядя? Я вовсе мальчик... (МШ/С4)</p> <p>12. - Куда бежишь?...</p> <p>- В библиотеку, мамаша ... (НО/Кз)</p> <p>13. Спасибо тебе, парень. Кстати, как тебя зовут? (НГ/Пл)</p> <p>14. Девушка, соедините меня с начальником участка. (АТА/Этр)</p> <p>15. - Потише, ребята, ничего не слышно! - крикнул он голосистой комс. (НО/Кз)</p> <p>16. Нет, Праксевья Федоровна, не надо доктора звать. (МБ/МиМ)</p> <p>17. Ничего, Федор Федорович, возьмешь. (КС/Жим)</p>	<p>1. /обращение без вокативной номинации адресата/ <i>Простите, что это за делегации? – осторожно спросил он, чтобы начать разговор.</i> (МЧ/СвП)</p> <p>2. /вокативная номинация без сочетания с соответствующим обращением универсального типа/ <i>Если вы меня хотите задеть, генерал, то напрасно теряете время.</i> (МЧ/Рж)</p> <p>3. /обращение к иностранцу/ <i>Добрый день, господин Тейлор!</i></p> <p>4. <i>Здравствуйте, господин Иванов!</i></p> <p>5. <i>Как живете, господин-товарищ?</i> (АИ/К)</p> <p>6. /в кабинете министров/ <i>Господа, раз здесь все свои, - продолжил Черноморский ... – скажу прямо: дальше некуда!</i> (ПА/Вз)</p> <p>7. <i>Дядя, а как тебя зовут?</i> (ПА/Вз)</p> <p>8. <i>Ступай, бабуль, действительно, иди домой ...</i> (ПА/Вз)</p> <p>9. <i>Ну что, девочки, отдохнем от трудов неправедных, развеемся. Квартиру свободна?</i> (ПА/Вз)</p> <p>10. <i>Девки, в кучу собирайтесь, петушок пропел давно! – крикнула она улыбчивыми губами.</i> (ЛУ/Вп)</p> <p>11. - Серега, ты! Братушка! Ты где?</p> <p>- Дома. Паша мне телефон дал. (ПА/Вз)</p> <p>12. - Мужики! – загремел в тишине яростный голос Руцкого.</p> <p>- Если вы еще мужики, возьмите мэрши! (ПА/Вз)</p> <p>13. Ребята, я не могу вам сказать спасибо, потому что таких спасиб не бывает. (ЛУ/Вп)</p> <p>14. Леонид Максимович, а в молодости вы были красивый! (ПА/МЛД)</p> <p>15. - Крестить его надо. Все. Иначе - ничего не поможет.</p> <p>- Да не хочет он, не хочет, сколько раз я тебе говорила, Марья Игнатьевна! ... (ЛУ/Вп)</p>

V. Диалогические (модифицированные) модели универсализованных обращений:

Дореволюционный период	Советский период	Постсоветский период
<p>- Позвольте, сударь, переговорить с Вами наедине!</p> <p>- Что Вам угодно, ваше величество?</p>	<p>- Вы кто такой будете, гражданин?</p> <p>- Ведь вам это, товарищ генеральный секретарь, совсем безразлично.</p>	<p>- Уважаемые господа товарищи россияне, мы будем дорожить тем, что достигнуто Россией за сотни лет!</p> <p>- Беда не в том, господин-товарищ президент, что мы стали господами, а в том, что перестали быть товарищами и русскими!</p>

Е.А.Пляскова

Из наблюдений над обращением в славянских языках

Изучение категории обращения, способов ее выражения является важным аспектом коммуникативной лингвистики. Национальная специфика обращения заслуживает серьезного внимания.

Исследование показывает, что обращение в современных славянских языках может выражаться двумя способами – именительным или звательным падежом, причем в одних языках возможны оба падежа в функции обращения, в других языках функции обращения закреплены только за одним падежом, что и представляет определенную трудность в преподавании разговорной речи.

Первичной формой выражения обращения является звательный падеж (зв.п.), который был унаследован славянскими языками из праславянского языка. Наиболее полно, по сравнению с другими славянскими языками, зв.п. представлен в чешском языке, где он формально может образовываться от всех склоняемых существительных м. и ж. рода, имен собственных, фамилий, кличек животных и т.д. (хотя в разговорной речи, под влиянием говоров, часто употребляется в обращении им.п. фамилий).

В польском языке зв.п. также образуют почти все существительные м. и ж. рода, имена собственные. В сербском и хорватском языках зв.п. имеет большая часть существительных м. и ж. рода. Исключение составляет небольшая группа слов, от которых по некоторым причинам зв.п. не

образуется. Это собственные имена и некоторые апеллятивы, основа которых оканчивается на заднеязычный (чтобы избежать фонетических изменений); двусложные личные ласкательные имена; некоторые географические названия; имена собственные м.р. на *-o*, *-e*, у которых в процессе исторического развития формы им. и зв. падежей совпали (Проничев 1971, с.41-45).

В верхнелужицком зв.п. употребляется от большинства существительных м. рода, нижнелужицкий сохранил только остатки зв.п. В словацком литературном языке зв.п. почти полностью вышел из употребления (только некоторые существительные м.р. сохраняют зв.п. в домашнем обиходе), но активно функционирует в словацких говорах (Sieczkowski 1964, s.253). Сохранился зв.п. в болгарском (за исключением существительных ж.рода с исторической основой на **-i*, у которых форма зв.п. совпала с именительным (Славянски езици 1994, с.28-29).

В украинском и белорусском языках зв.п. имеют все существительные м. и ж. рода в ед. ч. Исключение составляют белорусские говоры с полным аканьем, где у существительных 1-го склонения зв.п. совпал по форме с именительным (Янкоўски 1989, с.147).

Полностью утратили зв.п. словенский (Мечковская 1991, с.37) и русский языки.

В разговорной речи во всех славянских языках в ряде случаев употребляется в обращении им.п.

Как считает М.С.Скаб, «употребление в разговорной речи форм именительного падежа в функции звательного обусловлено процессами, которые присущи всем языкам. <...> Специфическая интонация предложения с вокативной синтаксемой дает возможность четко отличить ее значение, делает неактуальными другие морфологические показатели (окончание и ударение)» (Скаб 1990, с.32). Речь здесь идет, таким образом, о проявлении одного из универсальных законов – закона языковой экономии. Например, в чешском языке «в диалектной речи при *pane* вместо звательной формы часто употребляется им.п.: *pane doktor, profesor Novak*; литературный язык этого не допускает» (Травничек 1950, с.312). Подобные примеры встречаем и в украинском языке: *Товаришу Жучок, вам не боязко? Козаки!* (Хвильовий М. Твори: У 2 т. Київ, 1991. Т. 1, с. 158), *Дозвольте, товаришу голова, я, собственно, слова не прохав* (Там же, с. 161).

М.Затовканюк указывает на особенности использования им. и зв. падежей в обращении в украинском языке. В частности, Г.Квитка-Основьяненко (конец XVIII – начало XIX в.) пользовался «номинативным оформлением вокативных форм для стилизации русско-украинского макаронизма в устной речи украинцев, возвратившихся на родину из царской армии; такое оформление вокатива, естественно, связано с номинативным оформлением звательной формы в русском литературном языке и с интерфирирующими сдвигами в украинской речи того времени.

Подтверждением этого являются примеры, где в украинской речи номинативно оформлено именно русское слово в украинском контексте. В современном украинском языке форма номинатива в вокативе дифференцировалась как средство разговорной речи. В драмах Корнейчука

такая форма нередко сопровождается так называемым цитатным словом, т.е. русским словом (или русскими словами) в украинском тексте» (Затовканюк 1975, с.152-153).

Например, в рассказе М.Хвилевого «Кіт в чоботях» наряду с украинской формой *товаришу* употребляется и русский вариант *товарищ*: – Товаришу! Дайте мені на хвилину «Азбуку комунізму» – Ax, не мешайте, товарищ (Хвильовий, т.1, с.163); – Товаришу, ваш партійний квіток! Фигура ратом снизила тон і ласково сказала: – Знаєте, товариши студенти, у мене партійного квітка нема, у мене дядя, і папаша, і сестра – комуністи і брат страдал на фронти (Там же, с. 350). Вообще Хвилевой широко употребляет им.п. в обращении, возможно, из-за мощного влияния русского языка, особенно сильно проявившегося в переломную эпоху сразу же после революции.

Если подчеркивается характеризующая функция обращения, то слово употребляется обычно в им.п.: *Хая* сказала: «Бачиш, і живеши, уроочка. А то б жила в конурці» (Там же, с.258).

Однако в XIX в. зв.п. употреблялся шире, например, в повестях И.Франко находим: Владко із затисненими кулаками накинувся на нього, погав щосили бити його в обличчя, в підборіддя й груди та викрикувати переривчастим приглушеним голосом: «Собако! П'янчуго! Ось тобі...» (Франко І. Повісті. Львів, 1990, с. 17); «Що ж, пане редакторе, – відповів Начко, – кожен шукає шлях, який був би найкращим для здійснення поставленої мети (Там же, 47).

В современном польском языке существует оппозиция употребления им. и зв. падежей по критерию – более или менее дистантное общение. Им.п. указывает на меньшую дистанцию, непринужденность общения (Lubaś, 1987, s. 145-146).

М.Заренбина, приводя примеры обращения в им. и зв. падежах *Wiesz co, Marku!* и *Wiesz co, Marek!*, отмечает, что обе формы являются адресативными, но эмоциональный оттенок в первом случае более сильный, чем во втором (Zarębina 1987, s.101).

Примеры замены звательного падежа именительным встречаем при близком, непринужденном общении собеседников: Córka – szeptał – ćórka. A cóż ja ci poradzę (Iwaszkiewicz I. Sława i chwała: W 3 t. Warszawa, 1977. T.2, s.50); Matka, sama nam tylko zostałaś – powiedział Andrzej (Iwaszkiewicz, t.3, s.62).

Переход со звательного падежа на именительный и наоборот в процессе общения в польском языке указывает на изменение тональности разговора. Вот выписанные последовательно обращения Николая к жене до и после сделанного ею признания в неверности (по переводу на польский язык романа А.Толстого «Хождение по мукам»): *No, pomyśl tylko, Katiuszka..; Przecież my tylko gadamy, gadamy, Katiusza, i po uszy tkwimy w blocie; (Koleńska, bardzo bolesne będzie to, co powiem); Słucham, Katiu, (Byłam ci niewierna..); Dobrze zrobiłaś, żeś powiedziała. Dziękuję ci, Katiu.. ; Nie, wyjdź, Katiu..* (Tolstoj A. Droga przez mękę: W 3 t. Warszawa, 1974. T.1, s.76-77).

В русском оригинале тональность разговора выражается только лексическим способом (*Катюша-Катя*) и интонационно.

Переход на именительный падеж возможен также при обращении к лицам, стоящим ниже по социальной лестнице (например, слугам): *Nagle za plecami Daszy głos Biessonowa zabrzmiał dobitnie i chłodno: «Szwajcar, futro, czapkę i laskę»* (Tolstoj, t 1, s.16).

Особенно часто им.п. вместо звательного в современном польском языке употребляется в фамилиях, собственных именах, кличках животных (Sieczkowski 1964, s.258-259). Отсутствие зв.п. в кличках животных объясняется противопоставлением лица и не-лица, которое в польском языке является очень важным.

По поводу употребления в обращениях им. падежа фамилий В.Любаш считает так: «Отмена видимой дистантной разницы в именах между номинативом и вокативом можно объяснить высоким престижем позиции фамилии <...>, поэтому употребление фамилии в функции обращения является достаточным обозначением официальности направленного языкового контакта» (Lubaś 1987, s.143).

При использовании метафорических обращений звателный падеж в польском языке сохраняется: *Proszę go, ośle, do sali – rzekł Wakulski i zatrzasnął drzwi gabinetu* (Prus B. Lalka: W 3 t. Warszawa, 1962. T.1, s.307); *Dmitrij Stiepanowicz nazajutrz z rana przy gazecie powiedział między innymi: «Koteczku, jedź na Krym»* (Tolstoj, t.1, s.111); *O czym, kociaku, tam ci opowiadać? Przecież pisalam do ciebie* (Tolstoj, t.1, s.175).

Т.А.Репина, исследовавшая особенности употребления зв.п. в румынском языке, отмечает большое количество случаев им.п. в функции обращения (особенно в разговорной речи) и считает, «что в исследуемой области структуры современного румынского языка происходят процессы, которые свидетельствуют не об «упрощении» системы, а, напротив, о достаточно сложной внутренней перестройке системы именных форм, и что эта перестройка выражается:

- 1) в изменении функции формальных показателей вокатива: обозначение падежа → стилистическая маркированность формы;
- 2) в семантических сдвигах: обращение → оценка + обращение;
- 3) в изменении уровней отнесенности средств языкового выражения: грамматика → лексика и стилистика.

Названные процессы происходят на наших глазах, они отражают динамику современного состояния языка, свидетельствуют о наличии теснейшей связи между его историей и современностью» (Репина 1986, с.89). Все вышеизложенное можно отнести и к процессам, происходящим в современных славянских языках.

Таким образом, зв.п. функционирует в большинстве славянских языков. Во всех славянских языках в функции обращения в разговорной речи может употребляться им.п., в результате чего зв.п. в некоторых случаях имеет оттенок официальности. Замена зв.п. именительным может говорить не о постепенном угасании зв.п., а о приобретении падежной формой новых стилистических значений. Все это очень важно иметь в виду при обучении разговорной речи славянских языков как иностранных и при переводе с одного славянского языка на другой.

-
- Затовканюк М. Словоизменения существительных в восточнославянских языках. Praha, 1975.
- Мечковская Н.Б. Словенский язык. Минск, 1991.
- Проничев В.П. Синтаксис обращения. Л., 1971.
- Репина Т.А. К вопросу о румынском вокативе // Вопросы языка и литературы народов балканских стран. Л., 1986.
- Скаб М.С. Вокатив на тлі взаємодії рівнів мови // Мовознавство. 1990. № 5.
- Славянски езици. Граматични очерци. София, 1994.
- Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка. М., 1950. Ч.1. Фонетика – Словообразование – Морфология.
- Янкоўскі Ф.М. Гістарычна граматыка беларускай мовы. Мінск, 1989.
- Lubaś W. Nazywanie osób w dialogu // Studia linguistica Polono-Jugoslavica. Скопје. 1987. № 5.
- Sieczkowski A. Kategoria gramatyczna wołacza w językach zachodniosłowiańskich // Prace filologiczne. Warszawa, 1964. T. XVIII. – Cz. 2 .
- Zarębina M. Wołacz w tekście mówionym // Collektanca linguistica in honorem Adami Heinz. Wrocław, 1986.

Коммуникативные жанры

Jelena Kostić

Novinski oglasi kao deo rituala vezanih za smrt – Istorijat i tipovi

Ovaj članak zasniva se na neobjavljenom magistarskom radu pod naslovom "Umrlice u nemačkoj i srpskoj štampi" koga je autor odbranio na Filološkom fakultetu u Beogradu juna 2002. godine.

Dok druga živa bića poseduju samo instiktivan strah od smrти koji ih nagoni da se svim silama bore za održanje vlastitog života, ali ne i svest o njoj, čovek se od njih izdvaja i po tome što je, ako već ne odmah po rođenju, onda barem od trenutka kada dostigne određeno životno doba i odgovarajuću fazu razvoja, u potpunosti svestan sopstvene smrtnosti. Ova svest o neumitnom okončanju života nikako, međutim, ne podrazumeva i odgovarajući reakciju u vidu prihvatanja te, barem za sada, neizmenjive činjenice. Kao što navodi Zorica Tomić (Tomić 2000, 179), ali i mnogobrojni drugi izvori, potreba za besmrtnošću predstavlja skrivenu, ali zato izuzetno snažnu i moćnu ljudsku potrebu. Iako nesumljiva, neizbežna i očevidna, smrt, osim toga – kao i sam život – ostaje ipak neobjašnjiva, nepojmljiva i nedokuciva.

U svim vremenima i na svim delovima zemljine kugle sve raznolike ljudske zajednice zato su pokušavale, pokušavaju, a verovatno će i u budućnosti pokušavati,

da razviju obrede i rituale koji bi im olakšale suočavanje sa ovim fenomenom i omogućile im kontrolu nad reakcijama koje on izaziva, tj. usmerile te potencijalno destabilizujuće reakcije ka formama prihvatljivim za dato društvo. Ovi obredi i rituali podložni su, i tokom vremena podlažu, različitim promenama, prilagođavajući se u izvesnoj meri novim uslovima, okolnostima i mogućnostima, ali čuvajući pritom ipak mnogobrojne tragove vekovima - pa čak i milenijuma - starih običaja i verovanja.

Kod mnogih evropskih, a potom i vanevropskih naroda, širenje veštine čitanja i pisanja na sve veće segmente populacije i ekspanzija štampe omogućili su i izazvali, između ostalog, i nastanak, razvoj i ustaljivanje nove društvene konvencije vezane za fenomen smrti. Reč je o specifičnim novinskim oglasima koji se na srpskom jeziku nazivaju *čituljama*, ali i *umrlicama*, *osmrtnicama* i *posmrtnicama*, na engleskom *death notices*, na nemačkom *Todesanzeigen*, a čija je izvorna – i u većini jezičkih / društvenih zajednica još uvek i osnovna - funkcija obaveštavanje javnosti, pre svega onih koji su pokojnika poznavali i onih koji su bili ili jesu u kontaktu sa ožalošćenima, o smrti određene osobe, o sahrani i o drugim religijskim i / ili svetovnim obredima vezanim za taj događaj.

Prema podacima koje navodi Ivan Čolović (ČOLOVIĆ 2000, 106 – 109), čitulje se na srpskom (srpskohrvatskom) govorom području javljaju u drugoj polovini XIX. veka, i to po uzoru na nemačku i austrougarsku štampu¹. U početku su, međutim, prema Čolovićevim navodima bile srazmerno retke, kratke i zgusnuto odštampane. Pod nazivom *čitulja* u listovima su objavljivani i tekstovi koji, doduše, pokazuju odredene karakteristike današnjih zvaničnih čitulja, ali znatno veće sličnosti sa nekrolozima (up. II. 1).

Ристо П. Кашиковић. У Стоцу (Херцеговина) умро је једица у мајке у најљепшем цвијету младости, у 23. години живота. То је наш вриједни рођак и дугогодишњи претпоставник Ристо П. Кашиковић. Јадна мати, која је у покојном Ристу гледала све своје благо и срце своје, и поред најбоље његе и лијечења не може га спасити од неумитне смрти, него остале јадница као сухо дрво у планини, да вјачито сузди лије ва изгубљеном својом надом и утјехом у старости. Али преко божје не море се — за то, сажаљујући, желимо покојнику вјечито насеље у царству небесном, а јадној мајци од Бога утјеху и разговор. Надамо се, да ће овјековечити име покојникове обилатом помоћи српској школи и цркви.

Ilustracija 1²

¹ Najstarija do sada otkrivena čitulja na nemačkom jeziku objavljena je 1753. godine na teritoriji današnje Savezne Republike Nemačke, u listu *Ulmer Intelligenzblatt* (MADER 1990). Prve čitulje u nemačkim novinama predstavljale su zapravo poslovne oglase koji su obaveštenje o smrti povezivali sa informacijama o promenama poslovne prirode koje smrt date osobe izaziva. One su štampane u delu lista posvećenom privrednim zbivanjima ili među poslovnim vestima. Od čitulja kakve su danas uobičajne nisu se razlikovale samo u pogledu sadržine, već i kada je reč o grafičkim karakteristikama.

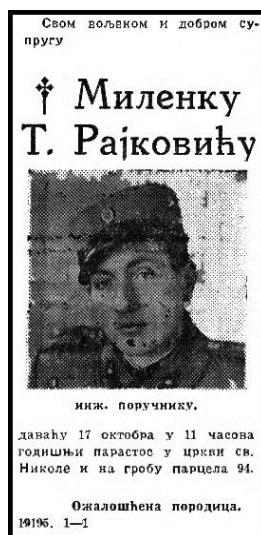
² Sve ilustracije u radu predstavljaju reprodukcije čitulja objavljenih u novinama na srpskom jeziku u različitim periodima. Radi uštede prostora sve one su znatno umanjene u odnosu na svoju realnu veličinu.

Bosanska vila, 1898. (broj 23 i 24)

Tek između dva svetska rata broj čitulja u listovima na srpskom jeziku počinje da raste, usled čega se u pojedinim medju njima formiraju i odgovarajuće stalne rubrike. U ovom periodu, kao i tokom i neposredno nakon Drugog svetskog rata, najveći broj čitulja još uvek karakteriše zbijen tekst i odsustvo neverbalnih elemenata. Oglasi kakvi su danas uobičajeni, veći i uokvireni pravougaoniци sa krstom i fotografijom pokojnika, njegovim imenom štampanim krupnim slovima i kratkim tekstrom koji se sastoji od jedne ili nekoliko rečenica posvećenih informacijama o preminulom, o njegovoј smrti i o odgovarajućim obredima, nisu bili nepoznati, ali su predstavljeni izuzetak, a ne pravilo (up. II. 2, II. 3). Tek od 60-ih godina 20. veka relativno veliki uokvireni oglasi sa fotografijama postaju brojniji, da bi krajem 60-ih i početkom 70-ih godina počeli da preovladavaju, kao što je i danas slučaj.

Ilustracija 2
Politika, 1942.

Ilustracija 3

Uvid u periodiku iz odgovarajućeg razdoblja potvrđuje Čolovićeve navode (ČOLOVIĆ 2000, 106 – 109) da su čitulje u Srbiji prvobitno mogle imati tri različite dominantne funkcije, kojima su odgovarala i tri osnovna tipa čitulja:

1. čitulje u užem smislu, odnosno posmrtni oglasi koji su obaveštavali o smrti određene osobe i o sahrani
2. izjave zahvalnosti, koje je porodica preminulog koristila da se javno zahvali za pokazano saučešće ili za razne vidove podrške i pomoći

3. komemorativni oglasi, tj. obaveštenja o vremenu i mestu održavanja pomena i sl.

Dominantna funkcija čitulje tada je, kao i danas, predstavljala najvažniji faktor kada je reč o formiraju propozicionalnog, akcionalnog i formulativnog nivoa¹ određenog podtipa ove vrste teksta, tj. o njegovim pragmatičkim svojstvima, o verbalnim i neverbalnim elementima koji se u njemu mogu ili moraju javiti, o jezičkim sredstvima za realizaciju tih elemenata, o korišćenim stilskim sredstvima itd.

Na promene funkcija² i karakteristika čitulja u Srbiji – kao u ostalom i kod drugih naroda kod kojih se ovakva vrsta teksta može sresti – uticali su kako krupni i značajni procesi u duršvenoj i kulturnoj sredini, tako i faktori prevashodno tehničke prirode. Date promene i njihovi uzroci odviše su mnogobrojni i raznovrsni da bi smo ih ovde sve mogli pobrojati i analizirati, te se moramo ograničiti na to da ih neke od njih, one koji nam se čine osobito značajnim i / ili zanimljivim, skiciramo u najopštijim crtama. Tako - primera radi - valja navesti da je sa intenzivnom i brzom urbanizacijom nakon Drugog svetskog rata bilo povezano i naglo širenje populističkog (novkomponovanog) kulturnog modela i, konačno, njegovo prerastanje u jedan od dominantnih kulturnih modela, makar u pogledu rasprostranjenosti i brojnosti pripadnika (DRAGIĆEVIĆ-ŠEŠIĆ 1994, 14, 29 – 35). Ovo je, osim niza drugih, mahom mnogo značajnijih, posledica po srpsko društvo i kulturu, dovelo i do infiltriranja elemenata tradicionalne tužbalačke komunikacije u novinske čitulje, i to kako u pogledu motiva i toposa, tako i u pogledu jezičkih

¹ Flajšer, Mihel i Štarke (FLEISCHER / MICHEL / STARKE 1993, 16 – 21) razlikuju tri nivoa strukture teksta. Dati nivoi su međusobno tesno povezani i neodvojivi jedan od drugoga. Propozicionalni (topikalni, tematsko-predmetni) nivo predstavlja tematsko-predmetnu sadržinu, akcionalni (ilokutivni) nivo podrazumeva tip komunikativne radnje, dok formulativni nivo zapravo čini jezički oblik teksta. Pritom se formulativni nivo ne shvata kao podređen drugim dvama nivoima, već se i njemu u okviru teksta pripisuje konstitutivni potencijal, tj. sposobnost da u izvesnoj meri determiniše ostale nivoe i proces produkcije teksta. Prema navedenim autorima, formulativni nivo teksta sastoji se od većeg broja komponenti, čiji je međusobni odnos hijerarhijske prirode. U pitanju su leksička, morfosintaksička, fonemska, grafemska i stilska komponenta. Stilska komponenta podrazumeva način primene grafemskih, leksičkih i morfosintaksičkih informacija u tekstu.

² Dijahrona istraživanja vrsta teksta skrenula su pažnju na fenomen *promene funkcije vrste teksta*, tj. na činjenicu da funkcije vrsta teksta, onake kakve ih sada poznajemo, nisu identične prvobitnim ili ranijim funkcijama, kao što nije isključeno ni to da će se one u budućnosti i dalje menjati. Tako, primera radi, analizirajući oglase u kojima se obaveštava o rođenju deteta objavljene u nemačkim novinama između 1790. i 1985. godine, Freze (*Frese*) zaključuje da je do kraja 19. veka funkcija ove vrste teksta bila gotovo isključivo informativna, ali da je u toku 20. veka kontinuirano rastao broj inserenata koji su svojim oglasima davali lični ton, tako da je eksplicitno i konkretno obaveštavanje sve više potiskivano u drugi plan, a njegovo mesto, tj. dominantnu ulogu, preuzelei su sami inserenti, tj. njihove reakcije na dati događaj (ROLF 1993).

svojstava. Gradanske norme prema kojima je ispoljavanje emocija u javnosti nepoželjno, pa čak i sramotno, potisnute su u korist normi tradicionalne seoske usmene kulture, u kojoj dominira obrazac komunikacije koji ne samo da dozvoljava, nego čak i nalaže verbalizovanje (stvarno prisutnih ili prosto društveno propisanih) osećanja u nizu prilika, u koje se ubraja i smrtni slučaj u bližem socijalnom okruženju (ČOLOVIĆ 2000). Radi se, kao što je u vezi sa ponašanjem učesnika na pogrebnim obredima tvrdio Dirkem (Durkheim), o društveno propisanim izrazima osećanja, čije je unutrašnje-psihološke ekvivalentne teško odrediti (STRECK 1987, 231).

"Dragom / (fotografija) / Milosavljević Radovanu / Rajku / Tebi: koga voleh i ja kao svog rođenog brata. / Tebi: koji ćeš to uvek u mom srcu biti. / Tebi: koji ne možeš znati, koliko boli kada se nekome ko se voli šalje poslednji pozdrav koji neće čuti, mnogo suza koje neće videti i nikada neće znati koliko će nedostajati – nama, oboje smo te mnogo voleli. / Tebi: koji si se radovao životu, koji ti je doneo zlu sudbinu, a meni – nama većnu tugu. / Tebi: šaljem suze i ako ne mogu da te vrata, a kada bi mogle podarile bi ti večnost. / Tebi: hvala za svu bratsku ljubav i dobrotu..." (Večernje novosti, 10.02.2001)

"... Braćo Jovo i Kosto, oktobri šesti prolaze, braća mi više ne dolaze, vi mi ništa ne vidite, vi mi ništa ne čujete. Svaka sestra bezbratnica to je crna kukavica. / Kosto brate, obišla sam sa Cicom i Ljiljom, tvojim čerkama iz Australije, tvoju vječnu kuću iako si sahranjen na Zemunskom, a ne na Bežanijskoj kosi gde si stanovao. Ali, neprijatelji u drugoj opštini sahranjuju što dalje od sestre bezbratnice i tvojih kćeri. / Sestra bezbratnica Danica" (Večernje novosti, 31.10.2001)

Potiskivanje religije u istom ovom periodu dugo se ogledalo i u zabrani štampanja neverbalnih religijskih simbola i verbalizacija religijskih sadržaja u novinskim čituljama. Reaffirmacija religije krajem 80-ih i tokom 90-ih godina XX veka uslovljena izmenom političkih prilika omogućila je "povratak" krsta u čitulje, kao i štampanje ovakvih oglasa u čijem tekstu se referiše na Boga i druge religijske sadržaje. Reč, međutim, često nije o istinskoj i dubokoj religioznosti, koja je konačno povratila pravo da se artikuliše i u medijima masovne komunikacije, već pre o površinskoj i površnoj, pomodnoj i samo deklarativnoj (premda ne nužno i neiskrenoj), religioznosti. Na to ukazuje činjenica da je hrišćanski "terminološki

¹ U tekstovima novinskih čitulja koje citiramo u ovom radu kose crte (/) označavaju grafički izdvojene celine. Gramatičke, stilske, logičke i ortografske greške nismo obeležavala na uobičajan način kako odgovarajuće oznake ne bi otežavale čitanje citiranih tekstova. Imena, prezimena i nadimke preminulih i ožalošćenih navodimo u celini, onako kako su dati i u samoj čitulji. Nismo smatrali neophodnim da ih izostavimo ili reduciramo na inicijale, imajući u vidu da se radi o oglasima koje su ožalošćeni dobrovoljno i prema vlastitoj želji objavili u jednom sredstvu masovne komunikacije, upravo sa namerom da njihovu sadržinu učine dostupnom javnosti, pa se njihovo citiranje u naučnom radu, koji svakako neće imati ni izbliza toliko čitalaca koliko jedne visokotiražne dnevne novine, prema našem mišljenju ne može smatrati povredom privatne sfere inserenata.

aparat" u većini čitulja u kojima se sreće upotrebljen radi verbalizacije po svojoj suštini ne-hrišćanskih sadržaja.

"... Život je surov i uzima najmilije. Bog je hteo tebe, jer ljudi kao ti se jednom rađaju..." (*Večernje novosti*, 06.02.2001)

"(fotografija) / Nele / svi kažu da Bog bira najbolje, a mi znamo kako nam je, naš mili andele..." (*Večernje novosti*, 10.02.2001)

Politički, ekonomski i socijalno-kulturološki faktori svakako su direktno i / ili indirektno uticali i na odustajanje novinskih kuća od prakse da predate oglase pre objavlјivanja pregleda i koriguje odgovarajuće obučeno lice, što je doprinelo tome da se već duže od decenije u velikoj većini srpskih čitulja nizak obrazovni i kulturni nivo inserenata ogleda u nizu logičkih, gramatičkih i ortografskih grešaka, koje inače teško da bi izmakle oku i najnebržljivijeg lektora.

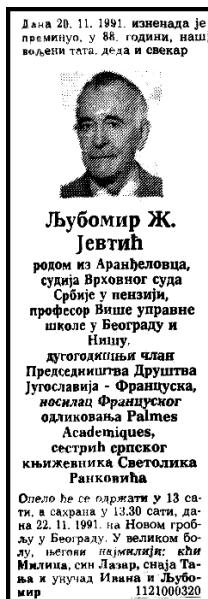
U srpskoj štampi danas se redovno javlja pet podtipova vrste teksta *čitulja*¹, od kojih su pojedini prisutni od trenutka kada su ovakvi oglasi prvi put zabeleženi u Srbiji, dok su se drugi razvili tek naknadno. Reč je o sledećim tipovima: *privatni informativni posmrtni oglasi, zvanični posmrtni oglasi, poslednji pozdravi, sećanja i komemorativni informativni oglasi*.²

Privatni informativni posmrtni oglasi, kao što im samo ime i nagoveštava, predstavljaju čitulje koje objavljaju privatna lica, najčešće članovi porodice, dakle supružnici, deca, roditelji ili braća i sestre. Osnovna funkcija ovih oglasa je da objave smrt člana porodice ili rodaka, a uz to, po pravilu, i da pruže informacije vezane za odgovarajuće ceremonije, najčešće podatke o vremenu i mestu sahrane. Osim imena i prezimena preminulog oni gotovo neizostavno sadrže i njegovu

¹ Osim pet podtipova čitulja o kojima će ovde biti reč, u novinama na srpskom jeziku mogu se sresti i drugi, koje, međutim, treba smatrati marginalnim formama, budući da se odlikuju izuzetno niskom frekventošću. U pitanju su sledeći tipovi: *privatne eksplikitive izjave saučešća, zvanične eksplikitive izjave saučešća, izjave zahvalnosti i polifunkcionalna forma* koja objedinjuje obeležavanje pomena i izjave zahvalnosti. Bilo da je reč o pet visokofrekventnih ili o ovim marginalnim formama, sve one slede utvrđene obrasci, prototipe, koji su u međuvremenu razrađeni i prihvaćeni unutar jezičke / kulturne zajednice koja se služi srpskim jezikom, ili barem jednog njenog segmenta. Pored njih, sporadično se, ipak, javljaju i čitulje bitno različite od centralnog elementa tj. najboljeg predstavnika kategorije. Takve, zaista atipične čitulje predstavljaju, međutim, pravi kuriozitet.

² Navedena klasifikacija izvršena je na tri nivoa, odnosno na osnovu tri kriterijuma: *povod za objavlјivanje oglasa, status inserenata i funkcija oglasa*. Na osnovu povoda za objavlјivanje mogu se razlikovati *posmrtni oglasi*, koji se objavljuju neposredno nakon smrti određene osobe, i *komemorativni oglasi* koji se objavljuju povodom pomena u običajima određenim vremenskim intervalima. Sa stanovišta statusa inserenata izdvajaju se *privatne i zvanične čitulje*, a kao dominante funkcije redovno se javljaju: *informisanje javnosti, simbolično oprاشtanje od preminulog i obeležavanje pomena* (KOSTIĆ 2002, 41 – 43, 120 – 122).

fotografiju. Ova fotografija nije, međutim, uvek aktuelna: primetna je tendencija da se objavljuju što reprezentativnije fotografije, tako da na njima pokojnike koji su ovaj svet napustili tek u dubokoj starosti često vidimo kao mladiće i devojke, ili kao muškarce i žene "u najboljim godinama". Uz navedene elemente tu su neretko i dodatni podaci o pokojniku: godina rođenja i smrti, zanimanje, titule, mesto iz koga je rodom, kod žena ponekad i devojačko prezime (up. II. 4). Veoma su frekventne i informacije o okolnostima pod kojima je smrt nastupila: iznenadno ili usred bolesti, da li je ta bolest bila duža ili kraća, da li je bila osobito teška i skopčana sa patnjama i sl.

Ilustracija 4
Politika, 1991.

Funkcija tzv. *poslednjih pozdrava* sastoji se u simboličnom oprاشtanju od preminulog, a oni često predstavljaju i način da se osobama koje su preminulom bile najbliže, i nalazile se u najužem srodstvu sa njim, na posredan način pokažu razumevanje, saučešće i podrška, tj. to da oni u svojoj tuzi nisu sami. Iako nemaju tako dugu tradiciju kao privatni informativni posmrtni oglasi ili kao komemorativni oglasi, poslednji pozdravi danas predstavljaju najfrekventniji tip čitulja u novinama na srpskom jeziku (31,99%). Objavljuvanje poslednjih pozdrava tokom poslednje decenije 20. veka preraslo je, barem u određenim društvenim slojevima, u obavezu za srazmerno veliki deo pokojnikovog socijalnog okruženja: rođake, prijatelje, poznanike, komšije, kolege, školske drugove itd. Ovo je, barem u *Politici* – beogradskom dnevnom listu u kome najviše čitulja i izlazi – dovelo do znatnog

porasta ukupnog broja ovakvih oglasa u jednom broju lista, budući da sada jednom preminulom nisu više posvećene samo jedna ili dve čitulje, kao što je to još početkom 90-ih godina 20. veka bilo pravilo, već obično više njih. (Prosečan broj oglasa po preminulom bi bilo gotovo nemoguće ustanoviti, budući da mnogi oglasi ne sadrže dovoljno informacija o pokojniku da bi se sa sigurnošću moglo tvrditi da je zaista reč o istoj ličnosti, usled toga što se umesto imena i prezimena preminulog neretko navodi samo njegov nadimak¹.) Poslednji pozdravi često su relativno kratki jednostavni, svedeni na fotografiju preminulog propraćenu sa svega nekoliko reči (up. Il. 5, Il. 7), ali mogu biti i složeni i opširni, u slučaju da uključuju elemente tužbalačke komunikacije.

Ilustracija 5

Ilustracija 6

Ilustracija 7
Politika, 2001.

Zvanični posmrtni oglasi su čitulje koje objavljaju različite organizacije za koje su bile vezane, ili u okviru kojih su se odvijale pokojnikove aktivnosti: preduzeća, ustanove, strukovna udruženja, političke partije, sportski klubovi itd. One informišu o smrtnom slučaju i pogrebu, o posebnim komemorativnim skupovima koje data organizacija eventualno priređuje preminulom u čast, i donose izjave saučešća

¹ Nadimci preminulog, ali i inserenata, u srpskim privatnim – pa čak i zvaničnim – čituljama predstavljaju prilično čestu pojavu. Oni očigledno stvaraju osećaj prisnosti, i svedoče o snažnoj povezanosti unutar jedne grupe (up. RIHTMAN-AUGUŠTIN 1993, 285).

članovima porodice. Katrin Lage-Miler ih - analizirajući odgovarajuće čitulje u Švajcarskoj - naziva "rođačkim oglasima" (*Verwandtenanzeige*), smatrajući da one predstavljaju način da odredena institucija i njeni članovi pokažu izvesnu solidarnost sa ožalošćenima (LAGE-MÜLLER 1995, 85). U zavisnosti od toga koliko je značajna i prestižna bila uloga preminulog u okviru date organizacije, ovi oglasi manje ili više opširno izveštavaju i o njegovoj delatnosti i statusu koji je uživao, pokazujući u tom pogledu izvesnu sličnost sa nekrolozima. Ukoliko je preminuli zauzimao značajnu poziciju, akcenat se stavlja na njegove titule i funkcije i na tok njegove karijere, ali se najčešće prilično opširno nabrajaju i njegovi "ljudski" kvaliteti. U slučaju da je karijera preminulog bila znatno manje impresivna, akcenat je uvek na njegovim moralnim i karakternim osobinama, kao što su angažovanost, ljubaznost, pouzdanost, kolegjalnost, vernošć preduzeću ili organizaciji, i tome slično. Pod takvim okolnostima često se čak i izbegava tačno navođenje zanimanja, već se umesto toga samo navodi odeljenje, sektor, u kome je pokojnik svojevremeno radio, ili šire područje njegove aktivnosti.

Ilustracija 8

Ilustracija 9

Politika, 2001.¹

Kod zvaničnih posmrtnih oglasa se, slično kao i kod nekih drugih tipova čitulja, mogu uočiti određeni toposi koji se tiču vrednovanja pokojnika. Preminuli se uvek prikazuje kao vredan, angažovan, predan, ljubazan i prijatan prema kolegama, i zbog toga veoma cenjen i omiljen. Moglo bi se reći da ni ovde, kao ni kod toposa

¹ Kao što data dva reprodukovana oglasa pokazuju, veća preduzeća i institucije poseduju unapred pripremljene obrasce za ovakve slučajeve, u kojima se onda menjaju samo ime i prezime preminulog saradnika i njegova fotografija. U slučaju da u jednom broju novina izade više od jednog oglasa u kome je primenjen isti obrazac (kao što je bilo i sa ovde reproducovanim čituljama, koje su obe izdale u beogradskom listu *Politika* 04. 09. 2001. godine), taj obrazac neizbežno pada u oči čitaocima i ostavlja izuzetno nepovoljan i neprijatan utisak, sasvim suprotan od onog koji je firma / institucija želela da ostvari. Umesto uverenja da se fir/ institucija ma brine o svojim bivšim saradnicima i njihovim bližnjima, ovakve identične čitulje stvaraju ubedjenje o nebrzini, nemaru i ravnodušnosti.

prisutnih u drugim tipovima čitulja, nije cilj da se navedu vrline koje su umrlog zaista krasile, osobine koje su ga činile kao ličnost. Bez obzira na moguće činjenice, uvek se ističu upravo one osobine koje nisu toliko značajne za lični uspeh, napredak u karijeri i uspon na društvenoj lestvici, već karakterne crte koje doprinose harmoniji u okviru grupe, pa tako i njenom funkcionisanju i konačnom opstanku. Zadatak ovakvog "vrednovanja" preminulog zapravo je taj da izazove izvesne pozitivne efekte u okviru zajednice / grupe kojoj je preminuli svojedobno pripadao.

"Duboko nas je potresla vest da je dana 1. IX 2001. godine iznenada preminula / (fotografija) / Smiljka Stojičić / administrativni radnik u Dekanatu Medicinskog fakulteta Univerziteta u Beogradu / Sa tugom se opraštamo od našeg dragog prijatelja i požrtvovanog radnika, koga je iznenadna i prerana smrt zauvek odvojila od porodice i svih koji su je poznavali ... / Kolektiv Medicinskog fakulteta u Beogradu" (Politika, 04.09.2001)

Sećanja u štampi na srpskom jeziku predstavljaju dominantan tip komemorativnih oglasa (58,84% komemorativnih oglasa i 23,84% ukupnog broja čitulja). Komemorativni oglasi se, u skladu sa običajima, objavljaju posle određenog broja dana (7 / 40) i meseci (šest) nakon smrti određene osobe, kao i na godišnjice smrti. Prema shvatanju smrti uvreženom u tradiciji pravoslavnih naroda – pa dakle i u Srbiji – prelazak umrlog iz sfere života u sferu smrti postepen je i traje čitavu godinu dana, tokom kojih se polako prekidaju spone koje su umrlog vezivale za zemaljski život i za žive (LEBDA 1998, 141; ŽEČEVIĆ 1982). Običaj objavljivanja komemorativnih oglasa uporiše je tako našao u narodnim verovanjima i tradiciji.

Obično se radi o periodu kraćem od 10 godina, ali ima i drugačijih primera, osobito kada su u pitanju poznate ličnosti (up. II. 10, II. 13).

Ilustracija 10

Ilustracija 11

Ilustra

Ovih oglasa po pravilu je u jednom konkretnom broju novina manje nego posmrtnih oglasa, verovatno u prvom redu zbog toga što je jednoj osobi najčešće posvećen samo jedan oglas ili – ređe - dva do tri, dok je taj broj kod posmrtnih oglasa - zahvaljujući zvaničnim oglasima, ali pre svega poslednjim pozdravima - znatno veći. Ovo se može objasniti time što nijeobičaj da sećanja objavljuje bilo ko

osim osoba koje su pokojniku bile zaista najbliže, tj. članovi porodice. Shodno tome, sećanja su, kao i svaki komemorativni oglasi, po pravilu privatnog karaktera, zvanični komemorativni oglasi predstavljaju kuriozitet.

Specifičnost sećanja u odnosu na preostale komemorativne oglase leži u tome što kod ovog tipa čitulja objavljivanje novinskog oglasa predstavlja jedini način obeležavanja određenog pomena, tako da tekst ne obuhvata informacije o komemorativnim obredima, tj. o predviđenim religijskim i nereligioznim ceremonijama.

Komemorativni informativni oglasi se od onih iz prethodne grupe razlikuju po tome što objavljivanje odgovarajućeg novinskog oglasa ne predstavlja jedini način javnog obeležavanja pomena, već samo jedan njegov vid. Zbog toga je funkcija ovakve čitulje drugačija: ona šire okruženje obaveštava o tome da se navršava određeni - običajem utvrđeni - period nakon smrti određene osobe, kao i o tome koga dana, u koje vreme i gde će se održati odgovarajući obredi, i o kom tipu obreda je reč (up. II. 13, II. 14).

Ilustracija 13 Politika, 2001

Ilustracija 14 Politika, 1996

Udeo svih komemorativnih, a osobito komemorativnih informativnih oglasa u ukupnom broju čitulja u svim dnevnim listovima između četvrtka i nedelje, a osobito u petak i subotu, veći je nego tokom ostalih dana u sedmici. Ta pojava se može objasniti činjenicom da se iz praktičnih razloga pomeni po pravilu održavaju neradnim danima, odnosno vikendom, te inserenti za objavljivanje oglasa biraju odgovarajući deo sedmice.

Kao i druge vrste teksta, čitulje u Srbiji - i u drugim jezičkim / kulturnim zajednicama u kojima se javljaju - predstavljaju prototipske kategorije, obrasce prerasle u društvene konvencije, koje svaki član zajednice usvaja u procesu socijalizacije. Pod pojmom prototip podrazumeva se najbolji primerak / predstavnik, odnosno centralni element kategorije (SOMMERFELDT 1996, 24). On pritom ne mora realno da postoji, već može biti apstrahovan i na osnovu izvesnog broja primera, ne mora biti celovit, tj. ne mora sadržati redundantna svojstva, a može u izvesnoj meri i varirati od osobe do osobe (FLEISCHER / MICHEL / STARKE 1993, 31). Da bi se

produkovaо tekst koji odgovara potrebama, normama i ukusu određene jezičke / društvene zajednice, kao i da bi se pravilno interpretirao recipirani tekst, neophodno je poznavati prototip odgovarajuće vrste teksta karakterističan za datu jezičku / društvenu zajednicu. Čak i onda kada se određena vrsta teksta sreće u svim posmatranim društvenim zajednicama, poznavanje fonetike, leksičke i gramatike datih jezika čini samo neophodan - ali ne i dovoljan - uslov za ispravnu produkciju i recepciju teksta koji pripada datoj vrsti, budući da su obrasci tekstualizacije jezički i kulturno specifični, te tako – ponekad u pogledu detalja, a kad-kad i u znatnoj meri – variraju od jezika do jezika, od naroda do naroda.

Bibliografija

- DRAGIČEVIĆ-ŠEŠIĆ, MILENA (1994): Neofolk kultura. Publika i njene zvezde. Sremski Karlovci. Novi Sad.
- ČOLOVIĆ, IVAN (2000): Divilja književnost. Beograd.
- FLEISCHER, WOLFGANG / GEORG MICHEL / GÜNTHER STARKE (1993): Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Frankfurt am Main. Berlin. Bern. New York. Paris. Wien.
- KOSTIĆ, JELENA (2002): Umrlice u nemačkoj i srpskoj štampi. Neobjavljen magistarski rad. Filološki fakultet. Beograd
- LAGE-MÜLLER, KATHRIN VON DER (1995): Text und Tod. Eine handlungstheoretisch orientierte Textsortenbeschreibung am Beispiel der Todesanzeige in der deutschsprachigen Schweiz. Tübingen.
- LEBDA, RENARDA (1998): Izražavanje vrednosti u tekstovima čitulja (na srpskom i poljskom materijalu). U: Slavistika 2. Beograd. str. 140 – 156.
- MADER, HANS (1990): Es ist echt zu bitter. Todesanzeigen gesammelt und kommentiert von Hans Mader. Hamburg.
- RIHTMAN-AUGUŠTIN, DUNJA (1993): "We Were Proud to Live with You, and Now Immensely Sad to Have Lost You. A Chronicle of the War through Newspaper Death Notices". U: Narodna umjetnost 30: Festschrift für Maja Bošković-Stulli. Zagreb. str. 279 – 302.
- SOMMERFELDT, KARL-ERNST (1996): Gestern so und heute anders. Sprachliche Felder und Textsorten in der Presse. München.
- STRECK, BERNHARD (HRSG.) (1987): Wörterbuch der Ethnologie. Köln.
- TOMIĆ, ZORICA (2000): Komunikologija. Beograd.
- ZEČEVIĆ, SLOBODAN (1982): Kult mrtvih kod Srba. Beograd.

Zusammenfassung

Die Todesanzeigen zählen zu den sog. Gebrauchstextsorten. Sie sind als eine spezifische Textsorte zu betrachten. Im Rahmen dieser Textsorte sind in Bezug auf die dominante Textfunktion mehrere Formen zu unterscheiden: Todesnachricht, Abschiedsanzeige (der sog. "letzte Gruß"), offizielle Todesanzeige, reine Gedenkanzeige und informative Gedenkanzeige. Neben den genannten Formen gibt es auch einige andere, die jedoch erheblich seltener anzutreffen sind. Diesen Formen ist keine universelle Bedeutung zuzuschreiben. Ihr Geltungsbereich ist beschränkt, bzw. sie haben einen kultur- und sprachspezifischen Charakter.

Др. Ксенија Кончаревић
Ружица Бајић

О комуникативним функцијама литургијског дискурса у српском језику

I. Приступ проблему

Проблематика богослужбеног и богословског језика¹ спада у ред најслабије проучених области лингвистичких испитивања. Иако би због своје

¹ Богослужбени (литургијски) језик јесте језик који се користи – најчешће, али не и искључиво – у храму, на свим врстама богослужења, док се богословски (теолошки) језик користи приликом исказивања најразличитијих теолошких (научно-богословских) садржаја, налазећи своју материјализацију у монографијама, чланцима, дисертацијама, уџбеничкој литератури, рефератима, саопштењима, предавањима из области теологије, излагањима у богословским дискусијама. Богослужбени језик, премда фиксиран у литургијским текстовима, реализује се углавном у усменој форми (и то не само кроз говорење, него знатним делом и посредством појања), док се реализација богословског језика везује превасходно за писмену форму, премда се у савременим условима, са порастом улоге теолошке науке у друштву и ширењем научних контаката (симпозијуми, научне конференције и конгреси), она све више остварује и у усменом виду. Језик богослужења, даље, одликује се изразитом естетичком мотивисаношћу, емоционалном маркираношћу, битно умањеном стереотипношћу у односу на, рецимо, језик теолошке науке, језик информисања или, рецимо, административног пословања у оквиру Цркве, док је језик теологије, у настојању да задовољи екстралингвистичке критеријуме прецизности, апстрактности, логичности и објективности, нужно високо стандардизован, емоционално и естетички неутралан.

Разуме се да између ова два језичка варијетета не могу бити постављене строге границе: и богослужбени језик је у извесном смислу теолошки језик, будући да богослужења обилују разјешењима теолошких поставки (индикативно је да постоје и извесни жанрови црквеног песништва којима је ово доминантна намена, као, рецимо, посебна врста стихира названа по своме садржају «догматици»), као што ни језику теологије није туђе спорадично присуство обележја богослужбеног језика. Из досадашњег излагања већ се може наслутити да већина функционалних стилова идентификованих у профаној сferи (научни, информативно-публицистички, административно-пословни, књижевни) има свој пандан у сакралној сferи, одликујући се специфичном реализацијом. Тако би богословски (теолошки) језик одговарао научном функционалном стилу, док би међу профаним стиловима богослужбеном језику најближи био књижевноуметнички стил. Профани и сакрални функционално-стилски комплекс (у целини или њихове поједине

комплексности и вишедимензијалности она заслуживала опсежну разраду како на плану микролингвистике (особито са становишта функционалне стилистике и теорије дискурса), тако и у домену макролингвистичких (у првом реду социолингвистичких) и интердисциплинарних – лингвистичких и теолошких – проучавања, пажњу лингвиста у њеном оквиру до сада су привлачила готово искључиво питања историјата функционисања и лингвистичког описа конкретних богослужбених језика (у нашој средини: српскословенског и новоцрквенословенског језика руске редакције), док су теолози своју пажњу понајвише фокусирали на образлагање социолингвистичких аспеката префериранеј овог или оног богослужбеног израза, премда без формулисања конкретних начела језичке политике и језичког планирања у овој области¹.

Иако, ако што ћемо у овом раду показати, литургија² надалеко надилази раван говорног догађаја и димензије комуникације у емпиријској реалности, то не искључује њену лингвистичку и комуниколошку анализу, наравно, са битним методолошким полазиштем да се при њеном посматрању не апсолутизује сам језик као облик њене материјализације (о опасности приписивања онтичности језичком феномену у теолошким истраживањима в. Пападопулос 1998, 10-17). Уосталом, молитва постоји и мимо језика, она је надјезичка стварност, која своје најувишији вид постиже када се «дух моли уздијасима неисказаним» (Римљ. 8, 26), а посебно у непрестаној молитви,

компоненте) у једном социокултурном колективу могу се реализовати на једном језику – онеме који опслужује дати колектив у свим сферама комуникације (у нашем случају то је савремени српски стандардни језик), али и на два језика, било по начелу диглосије (комплементарности, рецимо старосрпског и старословенског језика), било по начелу коегзистенције (сапостојања, рецимо савременог српског стандардног језика и црквенословенског језика).

¹ Преглед литературе у вези са овом темом в. у: К. Кончаревић, *Расправе о богослужбеном језику у Србији (1868-1969)*, Српски језик, Београд - Никшић, 1997, 1-2, стр. 197-211.

² У овом раду термине *литургија*, *литургијски* употребљавамо и у ширем и у ужем смислу. Литургија у најопштијем смислу значи «дело народа, општа ствар, јавна служба», односно, у примени на Цркву, «дело Цркве, дело свега народа Божијег, главна и јавна служба Цркве, служење Цркве». Отуда се овај термин у ширем значењу односи на свеукупни молитвено-благодатни живот Цркве, на њено богослужење («култ») у свим његовим облицима и у свеколиком његовом обиму. У ужем смислу, овим термином именујемо *свету тајну Евхаристије*, односно *евхаристијско богослужење*. Такође ћемо напоменути да, када говоримо о *молитви*, имамо у виду њену најтешњу повезаност са *литургијом*: «Молитва сваког верника своју пуноту и циљ налази у литургијској молитви и богослужењу Цркве. У Православљу литургијска молитва или молитва Цркве јесте правило и образац, мера и критеријум, саборни израз и смисао сваке молитве» (Кардамакис 1996, 279).

којом се наше постојање преображава у постојано молитвено стање духа, које «литургијски установљује и обликује цело наше биће» (Кардамакис 1996, 271).

Ипак, ово начелно полазиште не искључује могућност истраживања лингвистичког и комуникативног плана молитве и богослужења, наравно, уз јасну свест, која неминовно утиче на методолошки поступак, да је догађај молитвено-литургијског сапостојања и заједничења са Богом несравњено изнад његовог вербалног израза. На овом месту покушаћемо да размотримо једно значајно општелингвистичко питање – функционисање литургијског језика. Намера нам је да идентификујемо језичке функције својствене литургијско-молитвеном дискурсу¹, описемо битне карактеристике њихове реализације и на тај начин одговоримо на питање: у чему је особитост сакралне речи у односу на профану употребу језика?

II. Богослужење као говорни догађај

Литургија се, као и свако друго богослужење, из перспективе лингвистике и комуникологије може посматрати као говорни догађај са својственом му уобличеном спољашњом и унутрашњом структуром, лингвистичким и ексталингвистичким садржајем: она поседује одређени почетак, трајање и завршетак, подразумева обиље нејезичких поступака у функцији пратећих, али и водећих, доминантних у односу на вербалне чинове (сама сврха литургије јесте причешћивање Телом и Крвљу Христовом као најприснија *комуникација* са Христом); темељи се на јединственој компетенцији комуникације (употребе вербалних и невербалних средстава) њених учесника, што имплицира постојање заједничких и општеобавезујућих норми интеракције и норми интерпретације. У пракси се, додуше, дешава да се поједини учесници евхаристијског сабрања оглуше о поменуте норме, с тим што комуникативни неспоразум не доводи до прекида говорног догађаја. Тако, норма интеракције није испоштована од оних учесника евхаристијског сабрања који на возглас: *Главе своје Господу приклоните!* не реагују заузимањем прописане позе, као што је и норма интерпретације прекршена у ситуацији када неко, услед недовољности предметне (теолошке) компетенције, неадекватно разуме смисао литургијских вербалних порука и невербалних радњи (о значају средстава невербалне комуникације у богослужењу - гестова и поза – в. Григорије Светогорац 1991, 115-116). У литургији као комуникативном акту учествују сви чланови евхаристијског сабрања, при чему водећа улога припада литургу – возглавитељу сабрања, који иконизује Христа. За разлику од других комуникативних чинова, у којима недовољно познавање кода којим се шаље или прима порука може представљати повод за прекид комуникације, у

¹ Овим се репертоар потенцијалних истраживачких проблема у оквиру анализе литургијског дискурса, свакако, не исцрпује. Пажњу заслужују, између осталих, и проблеми форме и структуре литургијског дискурса, посебно дискурсни маркери, затим ритам литургијског дискурса као пулсирање центрифугалних и центропetalних тенденција у томе дискурсу итд., које због обима и намене овога рада остављамо по страни.

литургијско-молитвеном дискурсу дешава се да пошиљалац (свештеник, али и целина заједнице) не познајеовољно код којим се, лингвистички посматрано, «шаље порука» (ако је богослужбени језик архаичан у односу на колоквијални, као у ситуацији употребе цркенословенског језика у српској средини), али да говорни догађај ипак опстаје.

Разлог томе је постојање унапред одређеног «сценарија» службе са њеним комплетним језичким садржајем (служба се, дакле, не импровизује, него се сви њени елементи репродукују на основу записа у богослужбеним књигама), а ту је и јасно одређена «прагматичка сцена» - намера комуникатора, која се увек и остварује, сврха поруке, која се такође реализује чак и у случају постојања баријере у језичкој рецепцији, као и унапред испланирана комуникативна стратегија, у којој је најбитнија улога свештеника (између осталог, од тога да ли ће служити нормалним темпом или пребрзо, разговетно или немарно, да ли ће на проповеди разјашњавати смисао свештенодејстава умногоме ће зависити ефективност учешћа присутних у богослужењу као говорном догађају).

Битна конститутивна компонента литургијског дискурса свакако је и емоционални напон, са широким спектром њиме обухваћених образца емоционалног понашања учесника богослужења (нпр. љубав, радост, задовољство и пријатност, доживљај лепог, чуђења, дивљења, страх пред тајном и свештени трепет – цсл. *blagogovinje* – пред светом тајном, кајање, итд.).¹

Учесници овог говорног догађаја су, на видљивом, перцепцији доступном плану, литург (епископ, свештеник, ђакон) и верни народ, а на невидљивом, тајанственом плану - бестелесне силе (анђелски чинови), Свети и Сам Бог у Тројици. «Евхаристија је јављање Бога и уједно преображaj света у Теофанију. Она је јављање Бога као Свете Тројице будући да вршење евхаристијске тајне обухвата пројаву тројичне Икономије: Отац благоволи жртву Сина и прима је, Син приноси и предаје Себе у овој жртви, а Дух Свети је освештава и савршава», пише прот. М. Кардамакис, и додаје: «Евхаристија је тајна која мења цео свемир у тројично Богојављање, у заједницу тројичног живота и љубави» (Кардамакис 1996, 124). Истовремено, Евхаристија је пројава Цркве у свој њеној пуноти – у јединству војинствујуће и торжествујуће, земаљске и небеске Цркве, у саборности верних свих времена и свих простора, доживљеној у највећем интензитету.

Литургија се одвија у специфичном нејезичком контексту – у атмосferи храма, која се одликује изразитом топографском иконичношћу. Храм представља икону невидљивог (олтар) и видљивог света (преостали део сакралног објекта) у њиховом јединству, икону космоса, икону целокупне твари (детаљније у: Лепахин 2002, 83-86). Царство будућега века иконизују и

¹ На појам емоционалног напона у дискурсу наслања се присуство различитих врста интуиција, које су вероватно утолико јаче уколико је јачи емоционални напон дискурса; у дискурсу богоопштења вероватно би посебно место имала мистичка интуиција (у терминологији Н. О. Лоског) издиференцирана према интензитету и садржају, а вероватно и према облицима испољавања.

његови елементи, особито иконостас, затим храмовно осветљење, кађење, богослужбене радње, црквена утвар, богослужбене одежде свештеника, појање, као што и епископ или свештеник представља икону Христа, а верни сабрани на молитви – Тело Његово (поред тога, верни изображавају небеске силе – херувиме, што се и експлицитно исказује у Херувимској песми која претходи Великом входу: *Ми који Херувиме тајанствено изображавамо, и Животворнај Тројици Трисвету песму певамо...¹*).

Преподобни Максим Исповедник наводи да благодат Светога Духа, невидљиво присутна на светом Сабрању, све који са вером и љубављу суделују у њему «преображава у већу боголикост», у складу са духовном готовошћу свакога понаособ (Максим Исповедник 1993, 177, 308). Све ово очигледно показује да Евхаристија представља почетак живота изван овог времена, у долазећем Царству Божијем. У таквом нејезичком контексту и реч богослужења поима се другачије и мистички, ниспослањем Духа Светога, поприма другачији карактер од оне у свакодневној говорној комуникацији. Као што музика црквених песмопоја представља, по језгронитом и прецизном одређењу Павла Флоренског, «пројаву небеске музике овде, на земљи» (Трубачев 1983, 76), доцаравајући «неземаљску радост и сласт које се свима рађају у души» (Максим Исповедник 1993, 179), тако и литургијска реч, на којој се темеље и молитвословља, и свештена поезија песмопоја, и светописамско штиво, и свештеникова проповед, поседује максимално одухотоврени, синергијски и иконични карактер. Она, као прво, надилази емпиријску реч, и свест је доживљава као «неисказане речи које човеку није допуштено говорити», како ово искуство описује апостол Павле, будући уздигнут до трећег неба (2. Кор. 12, 4). Литургијска реч је надемпиријска и надумна стварност «осмога дана», дана Господњег. «Библија у цркви није књига», пише прот. Сергије Булгаков, «него *света тајна речи* која се савршава силом Духа Светога, као и друге свете тајне, и врши се *причешће Речи*» (Булгаков 1953, 152-153, курсив наш). И као што иконописци, са ретким изузетима, нису потписивали своје иконе, тако ни богослужбене химне и текстови молитвословља у православној традицији нису сматрани за ауторска дела, него за плод благодатне помоћи Божије – «коауторства Духа». Дух својом благодаћу иконизује реч молитве, омогућавајући онима који се моле да прозру суштину предмета, појава, идеја, да «сагледају име и именовано у њиховом богочовечанском двојединству» (Лепахин 2002, 182). Суштину молитве о. Павле Флоренски формулисао је на следећи начин: «Изговарање

¹ Примере из текста *Божанствене литургије св. оца нашега Јована Златоуста* наводимо према преводу Комисије Светог архијерејског синода Српске православне цркве (*Служебник*. Београд, 1986), док су библијски цитати (уз екавизацију израза, ради уједничавања са нормативним одликама ауторског текста) у раду наведени према: *Свето писмо. Стари завјет*. Прев. Ђ. Даничић. Београд, 1998; *Псалтир са девет библијских песама*. Прев. Еп. Атанасије Јевтић. Врњачка Бања, 2000; *Свето писмо. Нови завјет Господа нашеј Исуса Христа*. Прев. Комисије Светог архијерејског синода Српске православне цркве. Београд, 1998.

Имена Божијег јесте живо улажење у Именованог» (Флоренскиј 1988, 85). Призывање тога имена, по Павлу Евдокимову, «распростире благодат Оваплоћења, те омогућује свакоме човеку да лично усвоји Господа и у срце прими Христа» (цит. према: Кардамакис 1996, 276). Молитвено обраћање Богу, по запажању Теофилакта Охридског, «одмах те узводи ка вишњем» (Феофан Затворник 1995, 27), пружајући реално општење и једињење са Богом. Молитва заправо и јесте нешто далеко више од обраћања човека Богу, од разговора са Богом, од употребе речи – то је догађај заједнице са Богом и љубавног јединства са Њим.

«По својој каквоћи», пише Јован Лествичник, «молитва је сапостојање и јединство човека и Бога. По своме дејству, то је одржавање космоса, помирење са Богом» (Јован Лествичник 1993, 192). Реч молитве, дакле, носи у себи реалну снагу која уноси хармонију у Богом створени космос и одржава га у бићу; она обнавља онaj творачки потенцијал (реч = дело) који је својствен речи Божијој и који се пројавио приликом стварања света (1. Мојс. 1, 3, 6, 9, 14, 20, 24, 26). У православној духовности вековима постоји схватање да се свет «држи» молитвама Светих. «Благодарећи монасима са земље не престају да се уздижу молитве Господу. У томе је корист света од монаха, јер свет постоји молитвом, а када ослаби молитва свет ће пропасти», вели духовносни старац Сијујан (Сахаров 1981, 110). Реч молитве не познаје временска ни просторна ограничења: «Господе! Како је грандиозна тајна Твојих светова! Ја шапућем овде своје молитвице, а оне одјекују до на бескрајни крај Твојих светова, и разливају се по свој твари – и то логосноснију сваке тварице» (Јустин Поповић 1980, 152). Она је и услов савршеног познања, пошто, будући праћена ниспослањем Светога Духа, враћа свести грехопадом изгубљено поимање суштине ствари: «Молитвено познање је максимално битијно, у православном богословљу оно се противставља природнонаучном и спекулативно-разумском познању као иманентно формалном, као суштинско (познање ствари по суштини) феноменолошком, формално-логичком, као познање унутарњих веза између предмета и појава познању узрочно-последичних односа међу њима» (Лепахин 2002, 208-209). Она иконизује и самог човека, враћајући му првобитно достојанство, омогућавајући му да «превазиђе људску раван и сопствене могућности» (Кардамакис 1996, 270).

Од изузетног је значаја нагласити још синергичност богослужбене речи, односно присуство у њој Речи Божије и речи човекове у њиховој интеракцији. Реч Божија присутна је у литургији захваљујући читању одломака из Јеванђеља, Апостола и паримија, као и захваљујући цитатима и реминисценцијама на Свето Писмо инкорпорираним у сам текст службе. И док слушајући одломке из Светог Писма на служби човек стиче савршено познање, дотле при узношењу молитве светописамског порекла (молитва Господња, псалми) он сам узноси ту исту реч Богу, чиме, како уочава В. Лепахин, постаје «саучесник унутарњег, тајанственог живота Речи Божије, прелазећи у богочовечански, иконични план владања речју» (Лепахин 2002, 185). Реч Божија, која носи тројични карактер – исходећи од Сина и од Оца (Јн. 14, 24) и откривајући се у Духу Светоме - присутна је на богослужењу да би се уселила у срца и умове верних, по савету апостола Павла: «Реч Христова

нека обитава у вама богато, у свакој мудрости учите и уразумљујте себе: псалмима и славопојима и песмама духовним, у благодати певајући Господу у срцима својим» (Кол. 4, 16), али је нису сви кадри примити (Мт. 9, 11; Јн. 8, 37), а утолико пре испунити, осим Духом Светим. «Божанствено Писмо», пише Никита Ститат, «поима се духовно, и у њему скривена блага једино се духовним (људима) откривају Духом Светим» (Никита Стифат 1992, 113). Узрок томе је чињеница да «Духом Христос постаје причастив, односно једино Духом Светим може се неко причислити, присајединити Христу» (Мидић 2000, 11).

III. О функцијама литургијског језика

У општој лингвистици, као што је познато, нема јединствене и општеприхваћене класификације језичких функција. Једну од првих типологија понудио је аустријски психолог К. Билер, разграничавајући репрезентативну (означавање објекта, њихових својстава и односа), експресивну (изражавање мисли и осећања говорног лица) и апелативну функцију (остваривање утицаја на саговорника) (Филин 1979, 385-386). Међу најприхваћенијима је свакако типологија Р. Јакобсона, који говори о денотативној (когнитивној), емотивној, апелативној, магијској, фатичкој и металингвистичкој функцији језика (Јакобсон 1975). У литератури се оперише и терминима: комуникативна, информативна, емотивна, волунтативна, експресивна (конативна), гносеолошка (акумулативна), интеграциона, перцептивна, сигнификативна (семантичка), перформативна функција и др. (Kristal 1988; Кодухов 1979, 35-40; Dikro – Todorov 1987, 53-62; Škiljan 1987, 68).

У нашем испитивању, поред општеприхваћених, користићемо и извесне термине које је наметнула природа саме материје – литургијског језика, којој приступамо интердисциплинарно (са позиција лингвистике и теологије). Уочене функције класификовали смо обједињавањем у комплексе, и то: 1. комплекс функција везаних за богоопштење, човекоопштење и деловање унутар Тела Цркве; 2. комплекс функција везаних за спознајну активност и 3. комплекс функција везаних за личносну сферу (о понуђеној класификацији в. Зимња 1989, 13-19).

A. Комплекс функција везаних за богоопштење, човекоопштење и деловање унутар Тела Цркве

1. Комуникативна функција

Молитва по дефиницији јесте стваралачки однос и жива заједница Бога и човека, која уз то подразумева «стално сабрање свих и возглављивање свега у Христу» (Стојановић 2001, 235), којом приликом сви чланови Цркве себедавањем показују спасоносно старање једни о другима и саможртвену љубав једни према другима. Љубав и дијалог су основне димензије молитве у њеном богочовечанском испуњењу и црквеном остварењу, које врхунац доживљава управо у евхаристијској молитви, где се постиже пуноћа

боговиђења и богоопштења. «У Литургији верник доживљава релацију дијалога са Светом Тројицом, то јест стварно њено присуство», пише прот. Д. Станилое (Станилое 1992, 7). Отуда је и на равни лингвистичке анализе оправдано говорити о *комуникативној функцији црквене молитве*.

У патристичком учењу о језичком феномену такође је уочено постојање комуникативне функције и њен примат у односу на друге функције језика. При томе, ова функција разматрана је пре свега у равни међуљудске комуникације, док је за општење између човека и Бога (молитвено обраћање човека Богу или давање заповести човеку из уста Божијих) постојало мишљење да оно припада другој, надјезничкој равни реализације, будући да су за његово остваривање речи у бити излишне (Эдельштейн 1985, 167-168). Међутим, ово раздавање ниуколико не имплицира закључак о безвредности, беззначајности међуљудског општења, напротив. Висок ауторитет речи, њена обавезујућа вредност и етичке димензије њене употребе умногоме су у православној традицији инспирисане Христовим императивом пажљивог односа према говорној делатности: «Јер ћеш због својих речи бити оправдан и због својих речи бити осуђен» (Мт. 12, 37). О овоме сведочи и чињеница да се у приручницима за вршење свете тајне исповести, напоредо са гресима против Бога, Цркве, ближњих и себе самог, наводи и читав низ грехова против речи, као што су: богохулство, хуљење, узалудно призывање имена Божијег, вербално светогрђе, сврнословљење, злословљење, празнословљење, многословљење, лагање, клеветање, осуђивање, грубост, вређање, понижавање, самопреузношење, хвалисање, клетвонарушење, неиспуњавање завета, смејање, подсмејавање другима, певање непристојних песама, расејаност на молитви, уклањање од црквених молитвословља или њихово напуштање, «радознalo» истраживање Писма, неприпремљено поучавање других и неприпремљено, недостојно проповедање, слушање оних који греше против речи (Булгаков 1913, 1071-1101).

Комуникација се у литургијској молитви одвија на неколико планова:

1. у дијалогу свештеника – возглавитеља литургијског сабрања са Богом, када он иступа у име свих верних, оних који су непосредно присутни на богослужењу, али и одсутних, јер је Господ, по речи Псалмопојца, «нада свих крајева земаљских, и оних на мору далеком» (Пс. 64, 6), узносећи Му благодарност, славословећи Га и молећи Му се за разне потребе;

2. у дијалогу свештеника са верним народом, када свештеник иницира молитву или подстиче на вршење одређених радњи, док лаос исказује своје слагање и јединство са литургом, типа: *Горе имајмо срца! – Имамо ка Господу; Главе своје Господу приклоните. – Теби, Господе! Мир свима! – И духу твоме, и сл.*

3. у дијалогу свештенослужитеља (свештеника и ђакона) у функцији обављања богослужбених радњи: *Помоли се за мене, владико свети. – Да управи Господ кораке твоје. – Помени ме, владико свети. – Да те помене Господ Бог у Царству Своме...; Жртвуј, владико. – Жртвује се Јагње Божије, Које узима грех света...; Напуни, владико, свету чаши. – Пуноћа Духа Светога...; Ђаконе, приступи. – Ево приступам Христу, бесмртноме Цару и Богу нашему, итд.*

4. у дијалогу сваког учесника богослужбеног сабрања са Богом. Ово обраћање Богу у првом лицу може бити предвиђено богослужбеним чином, текстуално уобличено и као такво обавезно вербализовано, као што је случај са молитвом пре причешћа, коју изговара сваки верник пре но што ће приступити светој Чаши (*Верујем, Господе, и исповедам...*), или са свештениковом молитвом за време појања Херувимске песме (*Нико није достојан...*). У другим случајевима, када се верник моли, благодари, славослови у своје име, чинећи то као лични подвиг у заједници Цркве, његова молитва не мора бити вербализована: он може пребивати у стању у коме «ум радосно ћути» (Сахаров 1980, 51), и душа, приближивши се Богу, непрестано са Њим разговара (о непрестаној молитви в. Кардамакис 1996, 271-273). Индивидуална молитва може бити и вербализована, најчешће у унутарњем говору (без озвучавања), када верник отвара пред Господом своје срце, износи Му своје молбе, исповеда Му своје грехе итд. Једно искуство индивидуалне «комуникације» са Богом покушао је да разјасни и генерализује Д. Станилое:

«Веома често када почнем да се молим, осећам се претходно позваним, привученим, подстакнутим од Бога да Му се обратим. Он ме позива на молитву. Ја треба да одговорим на Његов позив... Реч Божија мени упућена (проповеђу или молитвом других, али понекад и на директан начин, после тога) и молитва моја Њему везују се сместа у дијалог. Иницијативу дијалога у речима има Бог; у молитви, обично ја. У речи Божијој мени прво се осећам као једно *ти* Божје, а Њега осећам као једно *Ја* које ми се обраћа; али одмах ја постајем *ја* и Бог ми постаје једно *Ти*. Дистанца између муга квалитета Божјег *Ti*, до квалитета *ја* који Му се обраћам, дакле и дистанца између Његовог квалитета *Ja* које ми се обраћа од *Ti* којем се обраћам, јесте толико кратка да се ови моји - Његови квалитети симултано појављују, као иначе у сваком разговору» (Станилое 1992, 106).

Моменат Светодуховског подстицаја на отпочињање молитвеног општења са Богом, који наглашава Д. Станилое, а који је од изузетне важности за поимање двојединог богочовечанског карактера молитвеног чина, истиче се и код многих других аутора. Тако, Никодим Агиорит износи да је молитва «дар Божији, дело Божије благодати» (Никодим Святогорец 1892, 209). Истинска, двоједина молитва отпочиње у моменту када човеку у помоћ приступи Дух Свети, јер се и саме молитве рађају под Његовим утицајем. У овом смислу отпочињање молитвеног општења анализира и св. Теофан Затворник: «Молитве су духовне из разлога што се најпре у духу рађају и сазревају, и из духа се изливају. А особито су духовне зато што се рађају и сазревају благодаћу Духа Светога. И Псалтир, и све друге словесне (=вербалне) молитве нису од самог почетка биле словесне: најпре су биле духовне, затим су заодевене у реч и постале словесне. Али реч, придрживши се, није укинула њихову духовност. Оне су и данас словесне само по облику, док су по сили оне духовне» (Феофан Затворник 1998, 492).

Видели смо да молитва подразумева дијалог: то, дакле, није једнострани чин обраћања човека Богу, него реално сједињење човека и Бога у богоопштењу. Дијалог са Богом, како запажа прот. Љ. Стојановић, «почиње ставаралачким одговором на питање Божије човеку, сваком човеку упућено

преко Адама кроз речи: *Где си?* (1. Мојс. 3, 9). Тај одговор треба да буде делатно речит, а не повлачење у себе и склањање од одговорности, као јасна спремност: *Говори, Господе, чује служитељ Твој* (1. Сам. 3, 10) и спасоносно прихваташе воље Божије, као што је показала Дјева Марија исповедивши пред Благовесником: *Ево слушкиње Господње – нека ми буде по речи Твојој* (Лк. 1, 38)» (Стојановић 2001, 234-235). Истинска молитва чини человека способним да «чује» или разуме одговор на своја мольења: «У истинској, иконичној молитви оно што се не саопштава постаје саопштавано, оно што се не чује – прима се слухом, невидљиво постаје видљиво, незнано постаје познато...» (Лепахин 2002, 209).

Увереност у то да Бог чује и услишава наше молитве и експлицитно је изражена у тексту Златоустове литургије: *Измоливши јединство вере и заједнице Светога Духа...* Али резултат молитвеног општења неупоредиво превазилази Божији одазив – у овом и у будућем веку - на наше конкретне прозбе: «Онај Кога небеса нису кадра сместити, Он у молитви улази у душу живу» (Каллист и Игнатиј Ксанфопулы 1992, 345). Врхунац молитвеног сједињења са Богом односи се на умно-срдачну Исусову молитву, где се Господ оприсутњује у души призывањем Његовог имена. Изговарањем имена Сина Божијег «распростире се благодат Оваплоћења, те омогућује свакоме човеку да лично усвоји Господа и у срце прими Христа» (Кардамакис 1996, 276).

Молитвени дијалог са Богом има и онтолошке импликације по човека који узноси молитву. Захваљујући свом богочовечанском реализму, молитва преображава человека: тело његово постаје храм Духа што се моли у њему, а он сам се уподобљава Анђелима, који на небесима непрестано опевају и славослове Бога. «У часу молитве свецело буди Анђео небески», поручује свети Јефрем Сиријски (Ефрем Сирин 1992, 329). Тако се молитвено општење показује као «онтолошки мост» између Бога и човека, благодарећи коме човек преображава своју природу, побеђује молитвом своју палост и греховност и ограничава њихово деловање у свету.

Лично општење са Богом на богослужењу и саборна молитва Цркве нису у супротности, него у органској вези, тако да се поимају као «две стране једне исте праксе побожности», пише М. Кардамакис и појашњава: «Заједничка молитва претпоставља личн подвиг појединачне молитве, која је, опет, могућа у простору заједнице само када онај који се моли осећа да је члан Тела Цркве. Уосталом, лична молитва треба да је саборна, то јест да обухвата све, целу васељену, да срце које се моли грли све невоље и сав бол човечанства. Исто тако, и заједничка молитва треба да се схвати као лична обавеза и одговорност за сваког, која заједно са свима дели ризницу искуплења» (Кардамакис 1996, 279). Чак и уколико се човек моли «у тајности», у тишини свога дома или келије, он се укључује у саборну молитву свих живих и умрлих. С друге стране, саборна молитва не укида индивидуалну молитву, него је подстиче, надаћи ју подржава.

Молитва је, као што смо видели, пре свега сапостојање и јединство човека са Богом, начин живота на који постаемо «суграђани Светих и домаћи Божији» (Ефес. 2, 19), што литургијски потврђујемо целивом љубави говорећи:

«Христос је међу нама – јесте и биће». Управо то присуство Христа међу верним сабраним у име Његово (Мт. 18, 20) ствара претпоставке за идеално испуњење комуникативне функције језика у молитви, односно за савршено разумевање између комуниканата. Овде не мислим само на савршено Божије разумевање човека који Му се обраћа, које проистиче из Његовог свезнања и продирања у дубине људског бића (тако, у молитви св. Филарета, митрополита московског, отворено се исповеда: *Ти једини знаш шта је мени потребно. Ти љубиши мене више него што ја умем љубити себе. Оче, дај слузи Твом оно што ја сам ни искати не умем... Ништаван сам и нем пред светом вољом Твојом и недокучивим за мене путевима Твојим.*), него и на разумевање међу самим члановима литургијског сабрања, које имплицира благодатно превазилажење у молитви антиномије између вербалног израза и разумевања његовог смисла: наиме, по учењу светих Отаца, исказ говорника бива појмљен у свој његовој пуноћи и дубини једино у случају када говорник и слушалац «сапребивају у истом духу», «када један слуша са вером, а други поучава са љубављу», делатно преносећи светлост Речи Христове (Никита Ститат 1992, 143), а то и јесте ситуација молитве. Ава Доротеј, са овим у вези, примећује да што су људи ближи Богу, то је и реч њихова иконичнија, и њихово међусобно разумевање дубље (Дорофей 1900, 87-88).

У истом духу пише и св. Игнатије Бранчанинов: «Дивно се чудо савршава када Дух поучава: када је Дух учитељ, онај ко изговара реч Божију и онај ко је слуша деле међу собом учење живота» (Игнатиј Бранчанинов 1995, 416). Зато је и истинско разумевање, односно доживљавање, литургије увек дубље од њене пуке вербалне разумљивости (исп. Вукашиновић 2001, 66-70).

Предуслов за сваку молитву јесте «правилно делање и богоислије» (Селаври 1997, 11), као што је и њен резултат савршено богопознање, које и јесте «сабитисање» (Сахаров 1980, 130). Стога није свако обраћање Богу и тражење Његових дарова, било појединачно или групно, исто што и црквена молитва. У њој, наравно, може бити и момената и елемената мольења и тражења: то је високофреквентна, премда не и обавезна, компонента молитве (постоје, рецимо, молитве благодарења у којима се не износи ниједно мольење, већ се цео молитвени чин своди на узношење хвале Богу за већ учињена добродинства). Молитва, наиме, подразумева шири спектар говорних чинова – хваљење (славословљење), благодарење, кајање (исповедање својих грехова) и тек затим изношење прозбе (мольење) - обједињених у тематско и композиционо јединство, са слободним поретком ових елемената: то може бити редослед који смо навели при њиховом побрањању, који препоручују, рецимо, свети Јован Лествичник («На хартији наше молбе ставимо пре свега искрену захвалност. На друго место нека дође исповедање и скрушеност у осећању душе. Потом износимо пред Свештара наше искање» - Јован Лествичник 1993, 193) и преподобни Никодим Светогорац («Најпре узславослови Бога, затим Му заблагодари за добродинства која ти је показао, онда Му исповедај грехе и ослушања о заповести Његове и, најзад, замоли Га за оно што то је на потребу, особито у делу твога спасења» - Никодим Светогорец 1892, 184), али молитва се може структурирати и тако да после призывања Бога (обраћања Њему) уследи исповедање својих грехова и

изношење покајања, и у том случају се благодарење и славословљење смештају на крај молитве (овај је поступак примењен при структурисању молитава пред свето причешће).

Уколико се молитва, међутим, идентификује са молењем, уколико особа која је узноси остане само на тражењу од Бога испуњења својих потреба, ако се не превазиђе ропско, најмничко одстојање и не оствари синовски однос и жива заједница, све остаје само «пук молба и понизно умољавање» (Флоровски 1996, 10). «Молити ради услишења знак је човекоугађања, а ко се моли са знањем и вером, види пред собом Господа, будући да у Њему живимо, крећемо се и јесмо» (Православље 1994, 46). Са исказивањем молења у молитви повезана је, као конституента претходно анализиране, *директивна функција* језика, о којој ће бити више речи у даљем излагању.

2. Директивна, координативна и усмеривачка функција

Ова функција изражена је кроз честу употребу императивног облика и изразито фреквентна у литургијским чиновима Цркве. Она се реализује, најпре, у обраћању Богу свештеника и верног народа у име свих верних присутних на богослужењу и шире, у име целе Цркве, а у неким случајевима (свештеникова молитва «Нико није достојан», молитва пред примање светог причешћа и после причешћивања, коју изговара свако понаособ) и у лично име, молитвом за разне потребе, духовне и материјалне. У том случају може се назвати *функцијом молења*. Иако ова функција представља примарни елемент молитве, сам молитвени чин не може се идентификовати са њом или свести на њу, будући да он, као што смо видели, претпоставља још и слављење (славословљење) Бога, благодарење Богу и исповедање, с једне стране, вере у Бога, и с друге, свести о властитој грешности.

Поред употребе императивних облика као најфреквентнијег средства за исказивање ове функције, молење може бити експлицирано перформативним глаголом, што је чест поступак у јектенијама: *Сав дан савршен, свет, миран и безгрешан од Господа молимо. Добро и корисно душама нашим, и мир свету, од Господа молимо*, итд. Други вид директивне функције везује се за комуникацију међу учесницима богослужења, где издвајамо два концентра. Први, ужи концентар односи се на комуникацију између свештеника и ђакона, у којој се врши подстицање на извођење одређених богослужбених радњи: *Узми, владико. Жртвуј, владико. Благослови, владико, свето сједињење. Ђаконе, приступи или стимулише одређено понашање: Брате и саслужитељу, опрости*. Други, шири концентар реализује се у богослужбеном дијалогу свештенослужитеља са верним народом, најчешће позивањем на заједничко упућивање молења, заузимање поза или практиковање одређених видова понашања (формални показатељ – инклузивни императив), као у примерима: *Господу се помолимо. Смерно стојмо! Пазимо! Заблагодаримо Господу!* У овом случају реч је о својеврсној *координативној и усмеривачкој функцији*.

3. Перформативна (извођачка) функција

Ова функција везује се за извршавање радње вербалним средствима. Већ смо видели да функција молења може бити експлицирана перформативним

глаголом; међутим, и у случајевима када он није експлицитно присутан, молење је извршено изговарањем одређених речи. Уп.: (а) *Да нас избави од сваке невоље, гнева, опасности и нужде, Господу се помолимо. Господе, помилуј!* и (б) *Заштити, спаси, помилуј и сачувај нас, Боже, благодаћу Твојом:* у оба примера изговарањем формуле извршен је говорни чин молења, чија је садржина у (а) и (б) слична, при чему је у (а) он експлициран перформативним глаголом, док је у (б) он присутан имплицитно. Функција молења, сходно томе, један је од пројавних облика перформативне функције језика богослужења. У литургијском језику, поред тога, вербалним средствима врше се и друге, нелингвистичке радње.

Рецимо: у чину крштења, особа која се крштава погњурује се у воду уз светотајинску формулу: *Кришава се слуга Божији (име) у име Оца. Амин. И Светога Духа. Амин.* чијим изговарањем је извршена сама радња - ступање у Цркву. У истом овом чину вербално се изражава одрицање од сатане и прихватање Христа, односно сједињавање са Њим (исп. Шмеман 1992, 228-230). Има ли, међутим, разлике између наведених примера? У оба случаја радња бива извршена изговарањем одређених речи, с тим што приликом одрицања од сатане и присаједињавања Христу радњу врши сам говорник, изражавајући своју слободну вољу (о томе сведоче и свештеникова питања која следе и одговор кандидата за крштење: *Јеси ли се одрекао сатане?* – *Одрекао сам се*), док приликом крштења радњу врши Сам Бог, она се збива истовремено са свештениковим изговарањем формуле. Слично запажамо и приликом освештавања воде, плодова и другог, где се у тексту одговарајућих молитава експлицира да се свештенорадња изводи силаском Духа Светог. Врхунац реализације перформативне функције богослужбеног језика везује се за претварање часних Дарова у Тело и Крв Христову.

«Када служитељи Бога Живога произносе (=изговарају) страхотне речи освећења», наводи Ј. Дмитревски, «Сам Исус Христос нисходи на наше Жртвенике и тварно (материјално) мења хлеб у Своје сопствено Тело, а вино у сопствену Своју крв» (Дмитревски 1997, 82). Литургичари су јединствени у оцени да спољашњу страну евхаристијске свештенорадње врши епископ или презвитер, док је истински вршилац тајне Сам Господ Исус Христос. «Свештеникова су само уста, говорење молитве којом се освећује и рука којом се благосиљају дарови... Сила која дели је од Господа» (Расказовски 1997, 298). Међутим, чињеница је да је богослужење установљено тако да без свештенникова речи ни радња не бива извршена, због чега језику и приписујемо перформативну функцију. Евхаристијско претварање врши се изговарањем не само свештенникових (молитва епиклезе: *И молимо Те, и призовамо, и преклињамо: ниспошли Духа Твога Светога на нас и на ове предложене Дарове...* *И учини овај Хлеб пречасним Телом Христа Твога, а оно што је у чаши овој пречасном Крвљу Христа Твога, претворивши их Духом Твојим Светим*), него и Христових властитих речи (тзв. «речи установљења»: *Примите, једите, ово је Тело Моје...* *Пијте из ње сви, ово је Крв Моја...*). Колико је велика важност речи што их изговара свештеник, њихова *творачка сила*, видимо из навода светог Григорија Богослова: «...немој се лењити да се молиш и заузимаш за нас у време кад речју привлачиши Реч, када бескрвним

сечењем Тело Владичино сечеш, *реч имајући уместо ножса*» (према: Дмитревски 1977, 80). Извршење радње додатно се потенцира језиком гестова, јер свештеник, изговарајући формулу, такође благосиља руком свете Дарове, чинећи знак крста над дискосом и птиром, а затим и над оба сасуда заједно, на видљив начин означавајући освећење и претварање Дарова у Тело и Крв Господњу.

3. Функција призывања

Функција призывања у језику богослужења може се идентификовати на два плана. У ужем смислу, имамо у виду извесне литургијске формуле којима се верни призывају на извршење заједничке радње, заузимање одређене позе или прихваташаје одређеног обрасца понашања, о чему је већ било речи (в. *директивна функција*). У ширем смислу функција призывања везује се за позивање на живот у Христу, на упућивање верних на заједницу са Богом и једних са другима (модификација у литератури констатоване апелативне функције језика), што је обележје не само богослужбеног, него и богословског језика. Тако, С. Пападопулос констатује да је «у православној Цркви... реч... указатељ на могућност учешћа и преображажаја... позив на живо учешће у личности Христовој» (Пападопулос 1998, 16). Како запажа А. Папатанасију, «богословље није само расправа о Богу, већ и призив ка Његовом телу» (Папатанасију 2002, 69). Дакле, и богословствовање и богослужење јесте призив ка Цркви, саборном богочовечанском телу изван којег нема и не може бити духовности, чије је назначење, по речима прот. М. Кардамакиса, «да преузме и возглави све, да све уједини са Богом, да све учини учесницима Тројичног живота и славе» (Кардамакис 1996, 106), и у том контексту – призив ка заједници љубави Тела Цркве и сваког њеног члана са Христом, Који је Глава, у евхаристијској тајни, којом приликом верни постају сателесници Христови и удови једни другима. Видимо, дакле, да функција призывања, и у ширем и у ужем смислу, имплицира конституисање заједнице верних, те је најтешње повезана са социјалним функцијама језика богослужења.

Специфична реализација ове функције везује се за *призывање Духа Светога*, Који Својим силаском и Икономијом борави у Цркви и дејствује кроз тајну охристовљења човека и твари. «Речи православних молитава које се упућују Духу Светом изражавају чудесну личну присност онога који се моли са Духом Светим. Ради се о свези љубави коју просветљују енергије и обасања које Дух Свети човекољубиво даје ономе који се моли» (Кардамакис 1996, 91). Највиша, кулминациона тачка литургијског живота Цркве од апостолског доба до данас јесте преламање Хлеба или Евхаристија, у којој је свако свештенодејство повезано са призывањем Светога Духа (детаљније исп. Успенский 1973, 198-202). Спасоносна и освећујућа дејства Утешитеља присутна су и у осталим светим тајнама: у крштењу призывањем Духа верни се очишћују од првородног и својих личних грехова и постају чланови Тела Христовог; у миропомазању задобијају благодатну помоћ ради борбе са грехом; у покајању – обнављање после греховних падова; у браку – освећење породице као домаће цркве; у светој тајни свештенства задобија се благодатни

дар Светога Духа ради благодатног служења народу Божијем; у јелеосвећењу – олакшање страдања, исцељење од болести и отпуштење грехова.

И у свештенодејствима која нису везана за седам светих тајни призыва се Дух Свети (рецимо, један од најеклатантнијих примера свакако је молитва великог водоосвећења, која је и структурисана слично евхаристијској анафори, тако да у своме саставу садржи и епиклезу). Призывање Духа Светога у свим наведеним случајевима пружа успешан почетак сваком божанској дејству и представља дејствујућу силу светих тајни и богослужбених радњи Цркве. Функција призывања, дакле, у овом случају, с једне стране, повезана је са перформативном функцијом (молитвени призив Духа има за последицу преобрађај света, човека и његовог живота, историјске и космичке реалности); са друге, оно упућује на присуство Духа Светога и његових енергија у заједници верних и у личном животу сваког хришћанина, указује на Његово обасање и силу, дејство и посредовање (функција индикативног означавања духовне реалности); и с треће, такође служи конституисању заједнице (социјална интеграциона функција): «Једино тако се богослужење не одељује и не своди на ограничење и немоћ индивидуалних расположења и религиозних стремљења. Насупрот томе, она тако постаје моћна и употпуњује се, постаје етос верних, дело угодно Богу, будући да су верни обасајани и испуњени присуством Духа Светога, Који делује само у Цркви» (Кардамакис 1996, 94).

4. Функција приношења

У теолошкој литератури посебно се издаваја значај приношења себе, другога и целог света Богу у богослужењу Цркве. «У целокупном подвигу живота и делања човековог продужује се и пројицира свуда црквена Литургија, то јест евхаристијска пракса и функција приношења и предавања... самог себе и свег бића и живота свог Богу Живом и Истинитом, и то увек кроз Христа у Духу Светом» (Јефтић 2000, 136). Стога би се могло говорити и о специфичној функцији приношења својственој језику богослужења и веома блиску већ размотреној перформативној функцији (сматраћемо је њеном подврстом). Тако, у литургијској формули која се вишејратно понавља у богослужбеном говорном догађају: *Сами себе и један другог и сав живот свој Христу Богу предајмо* истиче се «литургички програм стално оствариван у православном подвигништву и духовном животу као непрекидном служењу и богослужењу, као непрестајућој литургији и литургисању Богу Живом «у Духу и Истини» (Јн. 4, 24) <...> - непрестано приношење Богу «жртве живе, свете, угодне Богу» (Римљ. 12, 1), или приношење «духовних жртава Богу кроз Исуса Христа» (1. Петр. 2, 5) (Јефтић 2000, 136). Евхаристија целокупну творевину «узноси» пред престо Божији, освећује свет и приноси га Творцу преображеног у једну «космичку литургију», због чега се у средишту свете литургије и каже: *Твоје од Твојих, Теби приносеши због свега и за све* (детаљније в. Зизиулас 1995, 18-22). Богослужење и јесте приношење службе Богу: у склопу анафоре експлицитно се указује да се целокупна служба приноси: *Још Ти приносимо ову словесну службу за преминуле у вери Праоце, Оце, Патријархе, Пророке, Апостоле, Проповеднике, Еванђелисте, Мученике, Исповеднике, Подвигнике, и за сваки дух праведника, преминулог у вери.*

Особито за пресвету... Богородицу и Приснодјеву Марију. Поред општег, приношење има и парцијални смисао: у тексту Златоустове литургије указује се на то да се приноси *кадилом... на мирис миомира духовнога*, да би Господ, *примивши га у наднебески свој жртвеник*, ниспослао вернима благодат Пресветог Духа. У свим наведеним реализацијама предвиђена је, како запажамо, употреба перформативног глагола, чиме се недвосмислено – рекли бисмо, са јасно израженом дидактичком интенцијом – указује на ову димензију (приношења и предавања) богослужбене праксе.

5. Функције социјализације у литургијској заједници, идентификације, изражавања идентитета

Иако је усмерено Богу, богослужење Цркве истовремено представља израз људског братства и заједничења, «образац за сваку људску заједницу и извор сваке друштвености» (Кардамакис 1996, 126). Ово се у највишем степену пројављује у Евхаристији, где верни, примајући животворне Светиње Тела и Крви Христове, имају заједницу љубави са Светом Тројицом и једни са другима. Заједница љубави доживљава се не само међу присутнима, него и свима који су се присајединили Христу и Цркви као Његовом Телу, било да су одсутни или су упокојени, што се експлицитно изражава њиховим молитвеним помињањем: тако, већ на почетку литургије оглашених заједница се моли за *мир свега света, за најсветијег патријарха (преосвећеног епископа), часно презвитерство, у Христу ђаконство, за сав клир и верни народ, за благоверни и христољубиви род наш и за све православне хришћане, за овај град (село, обитељ), за сваки град, крај и оне који са вром живе у њима, за оне који плове, за путнике, болеснике, паћенике и сужње, показујући своју свест о одговорности молњења за ближње и изражавајући јединство са њима:* «Они су у мени као што су браћа један у другом; и сви су сједињени у Богу као што су деца у мајци и она у њима» (Станилое 1992, 479). Јединство се takoђе изражава према уснулим члановима Цркве, њиховим вишекратним помињањем. «Благодарећи тајни Евхаристије, свецела Црква – земаљска и небеска – сабира се у јединство вере и заједницу Светога Духа. Црква сабира у себи и небеске силе (Анђеле, Архангђеле, Херувиме и Серафиме) и људе: и свете и грешне, и живе и упокојене, јер је сваки човек, чак и када умре, жив у Христу» (Клеман 1997, 67). Саборност Цркве у Евхаристији можда се најпотпуније одсликава у литургијском предложењу на дискосу, где имамо око Агнеца честицу Богородичну, анђелске чинове, све Свете, живе и преминуле хришћане, и то «без поделе и процене о грешности и праведности, све у оптимизму спасења» (Стојановић 2001, 234). И сам текст евхаристијских молитава сведочи о њиховом саборном карактеру: *Са овим блаженним силама, човекољубиви Владико, и ми грешни кличемо и говоримо...* Експлицитно се наводи да се верни моле *једним устима и једним срцем*.

Јединство верних унутар конкретне литургијске заједнице и у односу на верне свих времена и на свим просторима има и свој језички израз – литургијски плурал, који наглашава универзалну пунину и јединство Цркве. «Веома је значајно», констатује прот. Г. Флоровски, «да су све евхаристијске молитве написане у множини, укључујући и молитву узношења (анафора) која

се изговара само од стране свештенослужитеља, али јасно, у име и у прилог верних. У ствари, претпоставља се да цело сабрање верних са-служује са својим свештеником или епископом <...>. Оно што свештенослужитељ непрестано говори је у име целе Цркве: *ми се молимо*» (Флоровски 1997б, 205-206). И заиста: од прве прозбе у јектији, па до краја литургије, свака се молитва узноси у множини, као прозба свих скупа за све, за свакога ко се налази на молитви и за одсутне. Изузетак представља молитва Херувимске песме «Нико није достојан», коју узноси свештеник молећи се Богу да га удостоји да му принесе Дарове; молитва пре причешћа («Веријем, Господе, и исповедам...») изражена је у сингулару, као лична молитва сваког члана литургијске заједнице понаособ, али је сви узносе истовремено и у истом облику, тако да се у њој сједињују.

Литургијско *ми* не означава збир индивидуа присутних на молитви: *ja + ja + ja...*, него «пре свега духовно јединство Цркве која се моли, нераздељиву саборност молитвеног обраћања» (Расказовски 1997, 299). Д. Станилое овако образлаже функцију молитвеног плурала: «Сачињавамо свеобухватно *ja*, мноштво *ja* у јединству. *Mi* које формирајмо јесте моје *ja*, али такође и свакога. Ја сам у свима и сви у мени. Моја је молитва тог јединственог и у исто време многостручног *ja* и његова је молитва моја молитва.<...> Свако је субјект обједињене љубави свих, широке и без одређених граница» (Станилое 1992, 182). Језичким формама исказује се, дакле, заједница живота у Христу, пројимање љубави вољених личности сједињених са Христом учествовањем у Његовом Телу и Његовом Божанству у живом присуству Духа Светог, који све обједињује са Оцем. «Тако је литургијско *mi* нека врста *ja* или има циљ да то постане. То је зато што је Христос с једне стране *Tu* нашег дијалога с Њим, а с друге, Његов је Дух заједнички Њему и нама, чинећи од *nas* верујућих једну врсту *ja* у дијалогу са Христом као заједничким *Tu*» (Станилое 1992, 480).

Саборност богослужења потенцира се и заједничким унификованим одговарањем верних у дијалогу са свештеником. Молитва коју свештеник узноси у име заједнице верних наилази на слагање, одобравање, идентификацију присутних са њом. Тако се формира дијалошко јединство, типа: (свештеник:) *Заштити, спаси, помилуј и сачувай нас, Боже, благодаћу Твојом.* (верни:) *Господе, помилуј;* (свештеник:) *Опрошитај и отпушишање грехова и сагрешења наших, од Господа молимо.* (верни:) *Подай, Господе;* (свештеник:) *Заблагодаримо Господу.* (верни:) *Достојно је и праведно клањати се Оцу и Сину и Светоме Духу, Тројици једносуштној и нераздељивој.* (свештеник:) *Достојно је и праведно Тебе певати, Тебе благосиљати, Тебе хвалити, Теби благодарити, Теби се калањати на сваком месту владавине Твоје...* Дијалошко јединство може бити састављено од двеју или више реплика, са или без понављања дела лексичког садржаја претходне реплике у наредној, али са обавезним констатовањем сагласности између свештеника и верних у погледу дубинског смисла молитвене поруке. Иницијатива у покретању дијалошког ланца по правилу припада литургу – возглавитељу евхаристијског сабрања, коме је, по речима Златоустовим, «сав свет поверен, и он, будући свима као отац, приступа тако Богу молећи се: да борбе свугде утихну, смутње да престану, мир и благостање и од свих недаћа свакоме

понаособ и целом народу ослобођење да се подари» (цит. према: Дмитревски 1997, 86), и који, иконизујући Христа, узноси молитву Оцу у Духу. Сваки одговор верних представља печат јединства њихових мисли и осећања, сведочанство њихове једнодушности у вери и молитви и израз њиховог саслуживања возглавитељу сабрања.

6. Културна функција

Поред функција везаних за непосредну литургијску примену богослужбеног језика, дакле на његову употребу унутар Тела Цркве, могуће је говорити и о специфичностима његовог функционисања на ширем, ванбогослужбеном плану. Ово се посебно односи на ситуације диглосије, када богослужбени језик опслужује ширу сферу књижевности и писмености (углавном њене «високе» жанрове), док је употреба народног језика ограничена на колоквијалну сферу и ниже, профане жанрове књижевног израза. У том смислу можемо говорити о *културној функцији* богослужбеног језика. О остваривању поменуте функције црквенословенског језика у српској средини Павле Ивић пише: «Црквенословенски језик у српској средини је био оруђе и упориште православне Цркве иза које је стајала моћна државна организација. Докле год је та организација постојала, било је и представа и прилике за школовање кадра који је црквенословенским језиком добро владао, а такође и за верно преписивање стarih црквених књига... То није био мртав језик већ живо, активно оруђе културе свога времена. Уз то су и прилике у српској држави давале подстрека стварању веома богате оригиналне књижевности на црквенословенском језику» (Ивић 1974, 112). И у српској, и у другим словенским срединама овај језик функционише не само као сакрални, него и као језик културе, посредујући у грчко-словенским контактима и служећи при томе и као средство трансплантије византијске културе на словенско тле, и као средство трансмисије властите културе (нпр. дела Кирила Туровског, Клиmenta Смольатича и др., писана на црквенословенском језику руске редакције, преводе се на грчки језик и препрезентују словенску културу у светским размерама) (исп. Успенский 1996). Тако је богослужбени језик представљао снажан чинилац укључивања словенских култура у актуелни европски културни контекст.

Б. Комплекс функција везаних за спознајну активност

У споменицима патристике уочена је и описана гносеолошка функција језика – његова употреба као средства објективизације, дискретног представљања и спознаје света (исп. Эдельштейн 1985, 199-207). Савршено реализовање ове функције било је карактеристично за препадно стање човеково, што се изванредно јасно манифестије приликом Адамовог давања имена «сваком живинчету и свакој птици небеској и свакој звери пољској» (1. Мојс. 2, 20). Свако име ствари пре прародитељског грехопада налазило се у сагласности са њиховом унутарњом духовном структуром, њиховом метафизичком основом. Адам је, како објашњава прот. Сергије Булгаков, поседовао боголику, богочовечанску способност да прозире у логосност

видљивог света и да је адекватно изражава речима, стварајући «гласовне иконе» (Булгаков 1953, 187). Име које је он давао није се могло наћи у колизији нити са садржајем језичког знака, нити са унутарњим логосом што га је Бог приликом стварања уткао у свако биће и у сваку ствар.

Иако је у стању после прародитељског грехопада ова способност умногоме изгубљена, речи су задржале своју функцију сигнификовања предмета и појава, дакако, као условни знакови или симболи, а не као саставни део њихових суштина, тако да само постојање означених објекта не зависи од речи. «Никакво име само по себи не поседује суштинску самосталност», пише св. Григорије Ниски, већ је свако име «извесно обележје (*γνώρισμα, indicium*) и знак (*σημείον, signum*) неке суштине и мисли, који сам по себи нити постоји нити се замишља» (Григориј Нисски 1862, 495). Условност језичког знака, његова секундарност у односу на предмете и појаве универзума као примарног система свој највиши израз задобија у именовању надчулне, надемпиријске реалности, која, будући недоступна спознаји, несазнатива, као прво, не зна за непосредно именовање (именовање у правом смислу те речи), и као друго, будући бесконачна и ванвременска, не може ни бити означена у коначним и временским категоријама, тако да су «суштине вишњег света у било ком језику безимене» (Эдельштейн 1985, 201).

Реч молитве, облагодаћена Духом Светим, поново добијност да продире у суштину предмета, појава, идеја. У умној, непрестаној молитви подвигник постаје потпуно слободан, он у себи развија божанску љубав и посвећује се созерцању, које омогућује истинито познање човека, света, Бога, себе самога. Тако, Евагрије Понтијски примарну функцију молитве везује за интелектуалну сферу – за ослобађање ума у процесу благодатног обожења: «Неометана молитва је најважнија активност ума <...>. Молитвено стање је бестрасно стање које помоћу највише љубави узноси ка врховима интелектуалних планина духовни ум, заљубљен у мудрост. Молитва је дело које уму највише одговара и у коме се његово достојанство потврђује на најбољи могући начин» (цит. према: Мајендорф 1991, 134). Тумачећи овај навод, прот. Ј. Мајендорф истиче да ум ослобођен у молитви «може да сазерцаја тварни свет не кроз искривљено стакло страсти које га држе у ропству, него у светlostи божанског Логоса, са Којим отада бива у заједници. И, коначно, он може да сазерцаја и позна самога Бога, другим речима, да има приступ правој теологији, познају Свете Троице» (Мајендорф 1991, 135). Отуда је молитва уједно мера и критеријум православне теологије: по познатој максими Нила Подвигника, «ако си богослов, помолићеш се истински, и ако се истински молиш, богослов си» (Кардамакис 1996, 169). А преподобни Симеон Нови Богослов, говорећи о стању савршеног познања и молитвене причасности Божанској светlostи, наглашава да по мери напредовања у њему подвигник задобија *незнање* свега што је изван Бога (Симеон Новий Богослов 1992, 47).

Литургијска молитва, као саборни израз и смисао сваке молитве, такође низводи у ум савршено познање, и то познање саборног карактера: «Вера у Бога је промена начина постојања и због тога језик вере није везан за индивидуално разумевање, то јест за индивидуалну интелектуалну

самодовољност» (Јанарас 2000, 177). *Видејмо светлост истиниту, примисмо Духа Небескога – исповеда једним устима и једним срцем* евхаристијско сабрање. У литургијској пракси су сви догмати, све истине Откривења и Светог писма преображенi у молитве. «У богослужењима», пише о. Јустин Поповић, «поновљен (је) сав богочовечански домострој спасења. Сви догмати, све истине Откривења = Предања, изражени у молитви, преображенi у молитвена искања (епиклезу) – да би добили с неба благодат за остварење. Све (је) у свете тајне и богослужења обучено. <...> Стихире, тропари, кондаци, молитве, богослужбени опит, искуство – све догмати израђени, препевани, препевано Еванђеље, проживљено, доживљено» (Јустин Поповић 1980, 165). Савршено познавање човеку нарочито дарује богослужбено читање Светог писма, за које преподобни Никодим Агиорит саветује: «Када се бавиш читањем речи Божије, замишљај да је под сваком речју скривено присутан Бог, и примај их као да исходе из Његових Божанских уста» (Никодим Святогорец 1992, 95). А за Јеванђеље Христово преподобни Максим Исповедник вели да је то «јединствен и једини врхунац који сабира у једно све логосе», из чега проистиче његова непоновљива и неупоредива гносеолошка вредност (Максим Исповедник 1993, 175).

Учење о апелативној функцији речи Божије налазимо код преподобног Григорија Синаита, који разликује четири подвида остваривања њеног утицаја на човека: «реч – педагог», које долази «од учења», делује на наравственост; реч «од читања» Светог Писма је попут воде живе која утольјује духовну жеђ; трећа реч, «од делања», примљена је у срцу и проверена искуством живљења у Христу, и најзад, четврта, «од благодати», «сабира се у Духу и Духом» (Григориј Синаит 1992, 142-143). Сва четири плана остваривања ове функције могу се, по нашем мишљењу, везати за богослужбену молитву као ситуацију причасности Логосу Божијем.

У саборној молитви омолитвљено Писмо, Предање и богословље «оживљују», претварају се у лично искуство сваког учесника литургијског сабрања. И најсложеније, разуму непојмљиве и недостижне докмате и истине вере молитва чини «душом наше душе», преображава у «живот наше вере» (Јустин Поповић 1980, 171). Реч Божија не даје се, међутим, верним ради пуког знања, него ради испуњења, ради преустројења свога живота по заповестима Божијим.

После ове начелне напомене покушаћемо да детаљније сагледамо функције литургијског језика које улазе у комплекс интелектуално-спознајних.

1. Функција бележења чињеница (акумулативна функција)

Језик богослужења је материја у којој је фиксирано Свето Предање Цркве. У њему се чува и делатно предаје вернима пунота искуства Цркве, појмљена «не као спољашња историјска аутентичност, него као вечни, непрекидни глас Божији; не само глас прошлости, него глас вечности» (Флоровски 1997, 205). Посредством богослужбених текстова и текста Светог писма, редовно присутног на богослужењима, верни сазнају обиље чињеница из старозаветне историје, из дела Спаситеља и Његових ученика – апостола, из историје Цркве,

из живота Светих. По речимаprotoјереја А. Шмемана, «хришћанин је, пре свега, неко ко се опомиње, сећа» (Шмеман 1992, 204).

Литургија као «тајна над тајнама», која је срце целокупног црквеног богослужења и главни израз њеног служења човеку и свету, могла би се и дефинисати као благодарно сећање искуплењеног народа Божијег на сва добра и све дарове, све благослове Тројичног Бога, на стварање света и човека, а нарочито на «ново стварање», пресаздање, спасење човека у Христу и на освећење Светим Духом, у знак чега човек као своје уздарје приноси Богу Његове сопствене дарове, оличене у хлебу и вину, које ће затим, после призывања наитија Духа Светога на њих, поново примити као највећи Дар Божији – Тело и Крв Христову. «Свака Литургија јесте сабирање, поновно успостављање пуноте нашега памћења, „осовешћивање“ тога памћења» (Шмеман 1997б, 274). «Све оно што је Христос једном савршио на Литургији се непрестано враћа у живот, и света Литургија га поново чини присутним, актуализованим у својој вези са нама и нашим спасењем» (Шмеман 1992, 100). «У светој Литургији се пред нашим очима одвија живот Христов» (Григорије Светогорац 1997, 18).

Литургијско сећање подстиче се на више начина. Најпре, читањем делова из Светог писма, што је обавезна компонента сваког богослужења. «За Литургију је Библија – њена Књига, тј. књига Цркве. Она је сама по себи њено живо и делотворно тумачење, надахнуто истим Духом као и она. Кроз Литургију Библија престаје да буде неки окамењени символ прошlostи преко кога се Бог открио својим изабраницима једном за свада у нека прадавна времена: она на њој постаје жива и доживљена стварност, која сваки пут изнова, кроз улазак Еванђеља на Входу и његово тумачење открива и радосно сведочи вечно присутног Христа, силом Духа Светога, и наше заједничарење с Њим и причешће Њиме» (Радовић 1993, 187). По сведочењу прот. Г. Флоровског, «стално слушање Еванђеља на служби Божијој на близком језику помагало је, подржавало је памћење о Христу и чување Његове живе слике у срцу» (Флоровски 1997, 208). Друго: један структурни део анафоре – анамнеза – посвећен је сећању на све оно што је Син Божији учинио, што чини и што ће учинити за Цркву Своју и за искуплење рода људскога, и поготово на оно што је учинио, дан уочи Своје крсне смрти, на Тајној вечери – установљење Новога завета. «Ради се, дакле, о општем сећању на вечно дело Сина, које надилази време и сједињује уједно оно што је било и оно што јесте и оно што ће бити» (Дмитревски 1997, 64). Благодарењу за дело искуплења претходило је благодарење Оцу за стварање света и промишљање о њему: *Tu si нас из небића привео у биће, и када смо отпали подигао си нас опет, и ниси одустао да све чиниш док нас ниси узвео на небо, и даровао нам Царство Твоје будуће...* Овде се, међутим, не ради о пуком подсећању, пуком интелектуалном чину: литургијско сећање је пре свега саучествовање целог црквеног сабрања, сваког верног понаособ и свих заједно, у спасоносним догађајима стварања и искуплења. Исто можемо рећи и за сећање на Свете Божије који се прослављају у одређени дан, а чије су службе, као химнографска остварења, утемељена на фактографском (житијном) материјалу. Текстови тих служби – у целини и сваки појединачни део (стихире, тропар, кондак) – бележе и извесне

чињенице везане за живот и подвиге Светог или за празник који се прославља, чиме, с једне стране, предају живо вековно искуство Цркве њеним садашњим члановима, а с друге, позивају их на учешће у том саборном искуству.

2. Функција актуализовања прошлости

Бележење чињеница, или подсећање, у богослужбеним текстовима не своди се, међутим, на некакав каталог или археолошку збирку прошлих догађаја. Као што смо већ казали, у молитвама анафоре Црква се сећа не само онога што је било, него и онога што ће тек бити: *Сећајући се Крста, Гроба, тридневног Васкрсења, узласка у Небо, седења са десне стране (Оца) и Другог славног доласка...*. Коментаришући овај фрагмент, епископ Атанасије Јефтић наводи: «Долазак, иако се очигледно још није забио, доживљава се као већ присутан догађај. Као што се у истим молитвама св. Литургије такође каже да нас је Бог већ «узвео на небо и даровао нам своје Будуће Царство» (Јефтић 2000, 267). Ово је могуће управо због специфичног доживљаја времена у Цркви: «Литургијско време Цркве јесте управо то «сада» које садржи и обједињује прошлост и будућност на непосредно присутан начин» (Јанарас 1997, 335). Отуда можемо говорити и о специфичној функцији актуализовања догађаја из старозаветне и новозаветне историје, али и догађаја који ће се тек збити, у богослужбеним текстовима, што има и свој конкретан језички израз. Тако, у кондаку који се пева на Божић: «Дана dnesā presđæstvennago ra`daety...» догађаји везани за рођење Христово износе се у садашњем времену, тако да верни на богослужењу постaju њихови непосредни судеоници, што значи да их сваког Божића доживљавају поново – штавише, не само сваког Божића, него, теолошки посматрано, и непрестано: «јесте 'данас' Божић есхатолошки, пентикостално, благодаћу Светога Духа» (Јефтић 1996, 120).

Функција овог богослужбеног 'данас' уочена је и описана у литератури. Тако, В. Вукашиновић истиче: «Тим *данас* Оци песници (аутори сакралних химнографских дела – прим. наша) указују на чињеницу да се богослужбено, светодуховски препрезентује, оприсутњује празник који се слави, да верни учествују реално и истинито у том празнику који није пуки факат прошлости него Светим Духом омогућена причасна стварност» (Вукашиновић 2001,). Актуализовање се састоји и у томе што верни окупљени на богослужењу не само што се сећају догађаја забележеног у светописацком штиву, литургијском тексту или богослужбеној поезији него и живе те догађаје у садашњости. О овоме А. Алевизопулос пише: «Са празницима наше Цркве не сећамо се једноставно Христа и Светих, не «узводимо» се у догађаје свештеног домостроја и живота Светих него тајанствено живимо у овим догађајима и саучествујемо у животу Светих. Са овога разлога химне наше Цркве не односе се на прошло, но свагда на садашње време. *«Данас виси на дрвету!»* Јер *данас* нам дође празника време и хор светих анђела сабира се са нама. То *данас* није облик речи него тајанствено остварење у срцима верних» (Алевизопулос 1997, 286).

3. Функција актуализовања будућности (оприсутњења есхатона)

Богослужење, као што смо већ истакли, има и димензију кретања Тела Цркве ка есхатону унутар свагда савремене историје спасења. Отуда је и језику

богослужења својствена функција коју бисмо условно назвали *функцијом оприсутњења есхатона*, или *актуализовања будућности*, која најтешње кореспондира са претходним двема. Сама Црква, њен целокупни живот, њено литургијско и подвижничко искуство носе на себи печат есхатолошког ишчекивања. «Живот Цркве је Есхатон у садашњости. Црква не гледа Есхатон из садашњости, него садашњост из Есхатона» (Кардамакис 1996, 283). Богослужење је стога оприсутњење есхатона – преображене стварности која је већ отпочела са Христом и Његовом Црквом. «Када чујемо речи богослужења, било Св. Писма било црквених песника, задобијамо једно есхатолошко искуство, налазимо се у једном другом свету» (Јефтић 1996, 114-115).

Све што се догађа на литургији служи доčарања предукуса Царства небеског, улажењу вечности у садашњи тренутак, благодатном преображају света: «Евхаристија... својом иконографијом, свештеним одеждама, речима, појањем... пред нас доводи заједницу Светих, односно сјај и блистање есхатона» (Зизиулас 2001, 62). Оно што доживљавамо на богослужењу као садашње искуство залог је будуће стварности. Литургијска реалност стога без сумње надилази могућности и ограничења уобичајеног вербалног изражавања. «Ниједна реч, ниједна представа није задовољавајућа и не «допире» до истине» (Пападопулос 1998, 44), због чега се језик богослужења, каогод и језик теологије, нужно одликује конвенционалношћу и релативношћу. Када Црква на богослужењу поје: «Da vozsjēety i namu grī{námy svīty Tvoē prīsnosÔúnāè» (Тропар Преображења), она не претендује на то да је самом речју svīty (*светлост*) адекватно изразила светлосне енергије Божије: ова реч вернима служи као условни знак који ће користити у покушају означавања једне појаве из несазнативе реалности. И управо у покушају приближавања тој несазнативој реалности изговарање богослужбеног текста другачије је од уобичајеног озвучавања читаног текста: велики део богослужења сачињен је од појаног текста, а и фрагменти који се читају изговарају се на начин близак појању – са израженом мелодијском линијом и наглашеном ритмизацијом, по утврђеном и општеприхваћеном моделу који искључује изражавање субјективне емоционалности или индивидуалног става – ово зацело из разлога што богослужење није нека екстаза и блаженство егзалитираних појединача него остварење заједнице љубави и живота у Христу. Ово обележје богослужбеног језика митрополит Јован Зизиулас објашњава на следећи начин:

«Унутар оквира богослужења и саме свете Евхаристије појемо речи Светога Писма, односно певамо билијско штиво. Свети Јован Златоуст на једном месту каже: *Отварамо схваташње*. Схваташње означава оно што ум у појмовном смислу обухвата. А ми му помажемо да схвати. Реч Божија никад не може бити схваћене (=обухвачена, смештена у границе ума). Она је већа од нас. Реч Божија је та која *нас* обухвата. Свети Јован Златоуст веома лепо каже да се певањем *отвара* реч Божија, односно отвара се «схваташње» и тиме нас та реч обухвата, уместо да ми њу присвојимо. Та склоност знања ка присвајању испољава се сваки пут када напуштамо појање и када се латимо схватљивог читања. И реч која се за ово користи веома је занимљива. Кажемо да хоћемо да народ *схвати* речи. Да их *схвати!* Можеш ли икада *схватити* или *обухватити*

реч Божију? Свакако да ће се неко упитати: какво је то мистично и хаотично поимање? Многи западњаци бивају ганути када посете православну литургију... па кажу: ви православни барем имате тајну. Овде није реч о некаквој мистичној тајни без смисла. Реч је о начину познања који се заснива на заједници личности, а не на делатности ума. Због тога, по православном поимању, Свето Писмо не може да нам говори на исти начин када га читамо код куће и када га певамо, односно када га слушамо у Цркви» (Зизиулас 2001, 147-148).

4. Функција изражавања вере

Богослужбени језик као вербални израз свештене радње подразумева и изражавање (исповедање) вере. «У искуству православне Цркве Литургија је увек била и јесте изражавање вере, живота и учења Цркве, па отуда представља и једини сигурни пут упознавања са њима. Lex orandi lex est credendi. Дакле, *правило молитве јесте и правило вере*» (Шмеман 1992, 104). Вера се есксплицитно исповеда у молитвама анафоре, где се износе основне поставке о тројичности Бога, излаже догмат о искупљењу, наводи православно учење о Богу-Оцу као Творцу и Промислитељу, о Богу-Сину као Искупитељу и Богу Духу Светоме као Осветитељу, у символу вере који изговара цела литургијска заједница, у молитви коју пре примања светог причешћа узноси сваки верник који ће приступити Чаши. Ову функцију језик врши само условно, апоксимативно, с обзиром на то да његовим посредством говоримо о нечemu што не познајемо доволно: рецимо, садржај кључних речи исповедања вере - «Отац», «Син» и «Дух» - је «изван људских домаџаја и критеријума» (Пападопулос 1998, 43), а то исто се односи и на термине попут рађања, исхођења, једносущности и сл. којима се условно означавају релације што превазилазе моћи рационалне спознаје; пошто нисмо у стању да их спознамо, не можемо их адекватно ни вербално окарактерисати.

5. Функција објашњавања смисла свештенорадње

На први поглед блиска перформативној, ова функција показује своју специфичност у томе да се изговарањем речи не врши сама радња, него се актуализује њен смисао, образлаже се њена суштина и намена. Речима може бити појашњен дубински, скривени смисао свештенорадње, рецимо: када свештеник ломи свети Агнец на четири дела, пошто их постави крстообразно на дискос, он узме део стављен на источну страну, означен словима ИС, и погрузи га у свету Чашу, говорећи: «Пуноћа Духа Светога», чиме означава да се сједињење Тела и Крви Христових врши Светим Духом (Николај Макариополски 1997, 50-51). У овој функцији могу се користити и библијски цитати и реминисценције на светописамски текст: рецимо, на проскомидији – припремном чину за евхаристијско жртвоприношење – припремајући свете Дарове (режући их) свештенослужитељ, између осталог, говори: *У спомен Господа и Бога и Спаса нашега Исуса Христа. Као овца на заклање би вођен; и као невино јагње, немо пред оним који га стриже, тако не отвара уста Својих; у смирености Његовој суд се Његов узе; а порекло Његово ко ће исказати! <...> Један од војника прободе Му ребра копљем, и одмах изиђе крв и*

вода, и онај што виде посведочи, и истинито је сведочанство његово. Или: вађење Богородичне честице пропраћено је стихом из Псалма: Стаде Царица с десне стране Теби, одевена у позлаћене ризе, преукрашена.

Текст може бити и пропратни део свештенорадње срачунат на успостављање свесног односа верника према њој: тако, приликом причешћивања свештеник за сваког посебице говори: *Причешћује се слуга Божији (име) часним и пресветим Телом и Крвљу Господа и Бога и Спаса нашега Исуса Христа на отпушење грехова и на живот вечни, а у истој функцији користе се и речи које се том приликом певају: Тело Христово примите, извора бесмртнога окусите. Верни, са своје стране, потврђују да су свесни смисла обављене свештенорадње у којој су учествовали: Видесмо светлост истинску, примисмо Духа Небескога... Нека се испуне уста наша хвале Твоје, Господе, да певамо славу Твоју, јер си нас удостојио да се причестимо светим Твојим, божанским, бесмртним и животворним Тајнама...*

B. Комплекс функција везаних за личносну сферу

1. Функције самоспознаје и самореализације

Језик молитве и богослужења, поред комуникативно-социјалних и интелектуално-спознајних функција, реализује и личносне карактеристике језика, које се пројављују у освешћивању властитог «ја», рефлексији о себи, изражавању свог унутрашњег света (мисли, емоција, вольних стања), унутарњој дијалогизацији у процесу самоспознаје личности. Овај комплекс личносних функција остварује се и у индивидуалној, и у саборној молитви, и то без обзира на, рекло би се на први поглед, парадоксални захтев, да се молитве чак и у складу домаћег или келијског правила узносе у првом реду у њиховој канонској форми, дакле не «својим речима», него онако како су их за разне прилике и потребе формулисали свети Оци Цркве (каноничност богослужбених молитава се подразумева). «Будеш ли како ваља читати или слушати молитвословља, неизоставно ћеш подстапити и укрепити усхођење ка Богу у срцу своме, односно, уђи ћеш у молитвени дух», објашњава ово правило «технике молитве» свети Теофан Затворник. «У молитвама светих Отаца садржана је велика молитвена сила, тако да, ко са сваком пажњом и усрђем у њих продире, тај ће, по закону интеракције, неизоставно окусити од молитвене сile у мери у којој се његово расположење зближава са садржајем молитве» (Теофан Затворник 1999, 125). У циљу што адекватнијег мисаоног и срдачног утицаја садржаја молитава који чине одређено молитвословље препоручује се претходно ишчитавање молитава уз уношење у њихов смисао и емоционални набој, како би молилац «унапред знао шта приликом сваке конкретне речи мора доћи у душу и срце», као и њихово учење напамет ради спонтаног изговарања у конкретним ситуацијама (Теофан Затворник 1999, 126-130). Молитве пред свето причешће представљају еклантантан пример за пажљиво самопреиспитивање и сагледавање свог унутрашњег света у дијалогу са Богом, за молитвени процес самоспознаје и самопреобразаја:

Ти си, Господе, утврдио на мени страх Твој, а ја пред Тобом савторих зла, и Теби јединоме сагреших. Но молим Те, нemoј се судити са слугом Својим; јер ако на безакоња будеш гледао, Господе, Господе, ко ће опстати? Ја сам Ти пучина греха, и нисам достојан нити врстан због мноштва грехова мојих, којима нема броја, да погледам и видим висину небеску. Јер сам изобиловао у сваком злочињењу и лукавству, и сатанској препреденоности, и покварености, и просипању, блуду, кварењу деце, злопамћењу, наговарању на грех, раздраживању и другим безбройним страстима. Којим ли то гресима не развратих себе? Која ли то зла не владаху мноме? Сваки грех учиних, сваку прљавшину унесох у душу своју; непотребан постадох Теби, Богу своме, и људима. Ко ће подићи мене, палог у оваква зла и толика сагрешења? Господе Боже мој, у Тебе се узダメ: ако постоји нада на моје спасење, ако човекољубље Твоје побеђује мноштво безакоња мојих, буди ми спаситељ, и по милосрђу Свом и милости Својој отпусти, остави, прости ми све што Ти згреших.. (из молитве св. Симеона Метафраста).

У богослужбеној, саборној молитви такође има места за саморефлексију и самореализацију. У неким случајевима вербални израз, предвиђен текстом молитвеног чина, прати богослужбену радњу и дубље је доводи до свести, «упечаћује» је у ум, као напр. када свештеник, узимајући честицу светог Агнеца, говори: *Часно и пресвето тело Господа и Бога и Спаса нашега Исуса Христа даје се мени недостојном свештенику (име) на отпуштење грехова мојих и на живот вечни, или када после причешћа верни народ појући исповеда: Видесмо светлост истинску, примисмо Духа Небескога, нађосмо веру истиниту... Молитва Херувимске песме, коју узноси свештеник молећи се Господу да га удостоји приношења светих Дарова, садржи елементе саморефлексије (исповедање своје недостојности и ограховљености).*

IV. Закључак: литургијско ваксрсење речи

Језик молитве и богослужења, као што смо показали, остварује широк дијапазон функција, међу којима поједине представљају његову differentia specifica у односу на профани употребу језика, док друге подразумевају извесне модификације у односу на профани сферу, по правилу у правцу већег ектензитета и интензитета у њиховој реализацији. Литургијска реч је канонизована на плану израза, док на плану садржаја она, у двојединству Речи Божије и речи људске, иконизује како творачку Реч, Логос Божији, тако и целокупан тварни видљиви и невидљиви свет у њиховој прошлости, садашњости и будућности. Та реч, дата Цркви и пројављена кроз Цркву, показује обновљење оних квалитета које је реч Адамова након грехопада била изгубила: саборности, творачке сile, синергизма, прецизног номиновања унутарњих логоса ствари, присности комуникације са другим људима и са Богом и узвођења у савршено човеко- Богопознање. Као таква, ваксрла реч литургије средство је непрестаног узношења благодарења Творцу и Промислитељу, којим се свеукупно човечанство и читав тварни свет весели и поје Богу, узноси химне, радостослови, узиграва и прославља надумни и величанствени Домострој Божији, средство благодарећи коме се сав космос

претвара у свети жртвеник, у евхаристијску трпезу, да би се Бог прослављао «у сваком нараштају и нараштају» (Пс. 44, 18).

- Алевизопулос, А. (1997): *Литургијски етос*, у: О литургији, Београд, стр. 285-291.
- Бугарски, Р. (1991): *Увод у лингвистику*, Београд
- Бугарски, Р. (2001): *Лице језика*, Београд
- Булгаков, С. (1953): *Философия имени*, Париж
- Булгаков С. В. (1913): *Настольная книга для священноцерковно-служителей*, т. 2, Москва
- Вукашиновић, В. (2001): *Литургијска обнова у XX веку. Историјат и богословске идеје литургијског покрета у Римокатоличкој цркви и њихов узајамни однос с литургијским животом Православне цркве*, Београд – Нови Сад – Вршац
- Григориј Нискиј (1862): *Творения, ч. 4*, Москва
- Григориј Синаит (1992): *Главы о заповедях и догматах, угрозах и обетованиях, еще же – о помылах, страстях и добродетелях, и еще – о безмолвии и молитве*, у: Добротолюбие, Сергиев Посад, т. 5, стр. 180-216.
- Григорије Светогорац (1991): *Божанствена литургија: тумачење*, Беседа, Нови Сад, 2-4, стр. 109-121.
- Dikro, O., Todorov, C. (1987): *Enciklopedijski rečnik: nauka o jeziku*, t. 1, Beograd
- Дмитревски, Ј. (1997): *Тумачење свете литургије. Канон евхаристије*, у: О литургији, Београд, стр. 71-88.
- Дорофей, авва (1900): *Душеполезные поучения и послания*, Сергиев Посад
- Эдельштейн, Ю. М. (1985): *Проблемы языка в памятниках патристики*, у: История лингвистических учений. Средневековая Европа, Ленинград, стр. 157-207.
- Зизиулас, Ј. (1995): *Евхаристијско виђење света*, у: Православна теологија, Београд, стр. 18-28.
- Зизиулас, Ј. (2001): *Еклесиолошке теме*, Нови Сад
- Зимњя, И. А. (1989): *Психология и обучение неродному языку*, Москва
- Ивић, П. (1974): *Српски народ и његов језик*, Београд
- Игњатиј Брянчанинов (1995): *Собрание писем*, Москва
- Јанарас, Х. (2000): *Азбучник вере*, Нови Сад
- Јефтић, А. (1996): *Загрљај светова. Есеји о човеку и Цркви*, Србиње
- Јефтић, А. (2000): *Христос алфа и омега*, Врњачка Бања
- Јован Лестивичник (1993): *Лестница*, Атос
- Јустин Поповић (1980): *На богочовечанском путу*, Ваљево
- Каллист и Игњатиј Ксанфопулус (1992): *Наставление безмолвствующим в сотне глав*, у: Добротолюбие, Сергиев Посад, т. 5, стр. 305-424.
- Кардамакис, М. (1986), *Православна духовност*, Атос
- Клеман, О. (1997): *Тајна божанствене Евхаристије*, у: О литургији, Београд, стр. 56-70.
- Кодухов, В. И. (1979): *Введение в языкознание*, Москва
- Kristal, D. (1988): *Enciklopedijski rečnik moderne lingvistike*, Beograd

- Лепахин, В. (2002): *Икона и иконичность*, Санкт-Петербург
- Мајендорф, Ј. (1991): *Духовни писци: спасење, подвижништво, обожење*, Беседа, Нови Сад, 2-4, стр. 129-141.
- Максим Исповедник (1993): *Творения*, Москва
- Мидић, И. (2000): *Дух Свети и единство Цркве (православни приступ)*, Саборност, Пожаревац, 1-2, стр. 7-26.
- Никита Стифат (1992): *Деятельных глав сотница первая. Вторая сотница естественных психологических глав об очищении ума. Третья умозрительных глав сотница – о любви и совершенстве жизни*, у: Добротолюбие, Сергиев Посад, т. 5, стр. 82-161.
- Никодим Святогорец (1912) : *Невидимая брань*, Москва
- Николај Макариополски (1997): *Света евхаристијска жртва*, у: О литургији, Београд, стр. 31-55.
- Пападопулос, С. (1998): *Теологија и језик*, Србије – Београд – Ваљево – Минхен
- Папатанасију, А. (2002): *Језик света – језик Цркве: авантура споразумевања или сукоб?* Видослов, Требиње, 1, 67-74.
- Православље (1994): *Православље као правоживље*, Атос
- Радовић, А. (1993): *Литургијска катихеза (поука)*, у: Основи православног васпитања, Врњачка Бања, стр. 177-192.
- Расказовски, С. П. (1997): *Евхаристијски вид природе Цркве*, у: О литургији, Београд, стр. 292-300.
- Сахаров, С. (1994): *Старац Силуан*, Атос
- Селаври, А. (1997): *Обитавање безграницног у срцу*, Атос
- Симеон Новый Богослов (1992): *Деятельные и богословские главы*, у: Добротолюбие, Сергиев Посад, т. 5, стр. 7-60.
- Станилоре, Д. (1992): *Духовност и заједница у православној литургији*, Београд
- Стојановић, Љ. (2001): *Црквени смишо молитве*, у: 2000 година хришћанства: духовност, култура и историја. Деспотовац, стр. 231-244.
- Теофан Затворник (1999): *Азбучник духовног живота*, Цетиње
- Трубачев, С. (1983): *Музыка богослужения в восприятии священника Павла Флоренского*, Журнал московской патриархии, Москва, 5, стр. 72-79.
- Успенский, Б. А. (1996): *Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка*, у: Язык и культура. Избранные труды, т. 2, Москва, стр. 29-58.
- Успенски, Н. Д. (2002): *Анафора. Покушај историјско-литургичке анализе*, Вршац
- Успенский, Н. Д. (1973): *Спасающие и освящающие действия Божии через Святого Духа в богослужении и таинствах*, Богословские труды, Москва, 5, стр. 196-204.
- Феофан Затворник (1995): *Истолкование молитвы Господней словами святых Отцов (1)*, Вестник, Берлин, 3, 23-27.
- Феофан Затворник (1998): *Созерцание и размышление*, Москва
- Филин, Ф. П., ред. (1979): *Русский язык. Энциклопедия*, Москва
- Флоренский, П. (1988): *Магичность слова. Имяславие как философская предпосылка*, Studia Slavica Hungarica, Будапешт, 1-4, 83- 92.

- Флоровски, Г. (1996): *Литургија и молитва. Живети са молитвом*, Цетиње
- Флоровски, Г. (1997): *Елементи литургије (смисао богослужења)*, у: О литургији, Београд, стр. 199-210.
- Škiljan, D. (1987): *Pogled u lingvistiku*, Zagreb
- Шмеман, А. (1992): *Литургија и живот*, Цетиње
- Шмеман, А. (1994): *За живот света. Светотајинска философија живота*, Београд - Никшић
- Шмеман, А. (1997): *Евхаристија као света Тајна Царства Божијег*, у: О литургији, Београд, стр. 221-239.
- Шмеман, А. (1997): *Евхаристија као света Тајна Духа Светога*, у: О литургији, Београд, стр. 267-279.
- Шмеман, А. (2001): *Евхаристија – таинство Царства*, Москва
- Якобсон, Р. (1975): *Структурализм: «за» и «против»*, Москва

Д-р Ксения Кончаревич, Ружица Баич

О КОММУНИКАТИВНЫХ ФУНКЦИЯХ ЛИТУРГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ

Р е з ю м е

Проблематика богослужебного и богословского языка относится к наименее изученным областям лингвистики. И хотя вследствие своей комплексности и многоаспектности данная проблематика заслуживает подробной разработки как в плане микролингвистики (функциональной стилистики и теории дискурса), так и в русле макролингвистических (в первую очередь социолингвистических) и междисциплинарных - лингвистических и богословских – исследований, внимание лингвистов до настоящего времени привлекали почти лишь исключительно вопросы истории функционирования и лингвистического описания конкретных богослужебных языков (в сербской среде – сербскославянского и новоцерковнославянского языков). Богословы же в основном занимались рассмотрением социолингвистических аспектов предпочтения того или иного богослужебного языка, не предлагая, однако, конкретных начал языковой политики и языкового планирования в данной области.

И хотя литургия во многом превосходит уровень речевого события, данный факт отнюдь не исключает возможности ее лингвистического и коммуникативного анализа, конечно, при условии, если за методологическое положение берется тезис о недопустимости абсолютизации самого языка как формы ее (литургии) материализации. Впрочем, молитва существует и помимо языка, она является сверхъязыковой действительностью, принимая свой высший облик, когда, по словам Апостола, «Сам Дух ходатайствует за нас вздоханиями неизреченными» (Рим. 8, 26), и особенно в опыте непрестанной молитвы, преобразующей наше бытие в постоянное молитвенное состояние духа.

Однако описанный методологический подход принципиально не исключает возможности исследования лингвистического и коммуникативного планов молитвы и богослужения. В предлагаемой работе мы попытались рассмотреть один немаловажный общелингвистический вопрос – вопрос о функционировании литургического языка.

Цель работы – выявить языковые функции, свойственные литургико-молитвенному дискурсу, описать существенные характеристики их реализации и таким образом ответить на вопрос: в чем заключаются отличительные свойства сакрального слова по сравнению с профанным использованием языка?

Литургия (и богослужение в целом) рассматривается как речевое событие с присущими ему оформленной внешней и внутренней структурой, лингвистическим и внелингвистическим содержанием: она имеет свое начало, продолжение и конец, сопровождается многочисленными внеязыковыми поступками в качестве как второстепенных, так и первичных по отношению к вербальным (само назначение литургии состоит в причащении Тела и Крови Христовой, а оно есть не что иное, как наиболее близкая *коммуникация* с Христом); она основывается на единой коммуникативной компетенции (использования верbalных и невербальных средств) ее участников, а это, в свою очередь, подразумевает наличие единых и общеобязательных норм интеракции и норм интерпретации.

В литургии как коммуникативном акте участвуют все члены евхаристического собрания, причем ведущая роль принадлежит литургу – возглавителю собрания, иконизирующему Христа. Для литургии, дальше, характерно и наличие заранее предусмотренного «сценария» службы, включающего ее полное языковое содержание, а также наличие ясно определенной «прагматической сцены» - намерения коммуникантов, которое обязательно приводится в исполнение, цели сообщения, реализующейся даже в случае наличия барьера в языковой рецепции, а также заранее запланированной коммуникативной стратегии.

Существенным компонентом литургического дискурса является также эмоциональное напряжение с широким спектром охваченных им образцов эмоционального поведения участников богослужения (любовь, радость, удовольствие и приятность, чувство прекрасного, удивления, восторга, благоговения, покаяния и т. д.). Литургия совершается в специфическом неязыковом контексте – в обстановке храма, отличающейся ярко выраженной топографической иконичностью.

Молитва есть в первую очередь реальное общение и единение с Богом, однако, она обладает также творческой и познавательной силой. Следует подчеркнуть, что слово литургии синергично (предполагает взаимодействие Слова Божия и слова человеческого), канонично и соборно. Его отличительными свойствами являются также способность к наиболее четкой номинации внутренних логосов тварей и способность служить средством совершенного человеко- и Богопознания.

Исходя из многоаспектного характера литургийного слова, авторы выделяют три комплекса коммуникативных функций литургического дискурса:

(а) функции, связанные с богообщением, человекообщением и взаимодействием внутри Тела Церкви (собственно коммуникативная, директивная и функция координации, перформативная, функция призыва, функция приношения, функции социализации в рамках литургического общества, отождествления, идентификации, культурная функция),

(б) функции, связанные с познавательной деятельностью (аккумулятивная, функция актуализации прошлого, функция актуализации будущего, функция выражения веры, функция объяснения смысла священномействий) и

(в) функции, относящиеся к личностной сфере (функции самопознания, самовыражения, осознания собственного «я», рефлексии).

Подробному описанию вышеприведенных функций посвящена основная часть работы. В заключение авторы приходят к выводу о том, что язык молитвы и богослужения осуществляет широких спектр функций, среди которых есть такие, которые отличают его от профанного использования языка.

Сноски

¹ Богослужбени (литургијски) језик јесте језик који се користи – најчешће, или не и искључиво – у храму, на свим врстама богослужења, док се богословски (теолошки) језик користи приликом исказивања најразличитијих теолошких (научно-богословских) садржаја, налазећи своју материјализацију у монографијама, чланцима, дисертацијама, уџбеничкој литератури, рефератима, саопштењима, предавањима из области теологије, излагањима у богословским дискусијама. Богослужбени језик, премда фиксиран у литургијским текстовима, реализује се углавном у усменој форми (и то не само кроз говорење, него знатним делом и посредством појања), док се реализација богословског језика везује превасходно за писмену форму, премда се у савременим условима, са порастом улоге теолошке науке у друштву и ширењем научних контаката (симпозијуми, научне конференције и конгреси), она све више остварује и у усменом виду.

Језик богослужења, даље, одликује се изразитом естетичком мотивисаношћу, емоционалном маркираношћу, битно умањеном стереотипношћу у односу на, рецимо, језик теолошке науке, језик информисања или, рецимо, административног пословања у оквиру Цркве, док је језик теологије, у настојању да задовољи екстралингвистичке критеријуме прецизности, апстрактности, логичности и објективности, нужно високо стандардизован, емоционално и естетички неутралан. Разуме се да између ова два језичка варијетета не могу бити постављене строге границе: и богослужбени језик је у извесном смислу теолошки језик, будући да богослужења обилују разјешњењима теолошких поставки (индикативно је да постоје и извесни жанрови црквеног песништва којима је ово доминантна намена, као, рецимо, посебна врста стихира назvana по своме садржају

«догматици»), као што ни језику теологије није туђе спорадично присуство обележја богослужбеног језика. Из досадашњег излагања већ се може наслутити да већина функционалних стилова идентификованих у профANOЈ сфери (научни, информативно-публицистички, административно-пословни, књижевни) има свој пандан у сакралној сфери, одликујући се специфичном реализацијом. Тако би богословски (теолошки) језик одговарао научном функционалном стилу, док би међу профаним стиловима богослужбеном језику најближи био књижевноуметнички стил. Профани и сакрални функционално-стилски комплекс (у целини или њихове поједине компоненте) у једном социокултурном колективу могу се реализовати на једном језику – ономе који опслажује дати колектив у свим сферама комуникације (у нашем случају то је савремени српски стандардни језик), али и на два језика, било по начелу диглосије (комплементарности, рецимо старосрпског и старословенског језика), било по начелу коегзистенције (сапостојања, рецимо савременог српског стандардног језика и црквенословенског језика).

² Преглед литературе у вези са овом темом в. у: К. Кончаревић, *Расправе о богослужбеном језику у Срба (1868-1969)*, Српски језик, Београд - Никшић, 1997, 1-2, стр. 197-211.

³ У овом раду термине *литургија*, *литургијски* употребљавамо и у ширем и у ужем смислу. Литургија у најопштијем смислу значи «дело народа, општа ствар, јавна служба», односно, у примени на Цркву, «дело Цркве, дело свега народа Божијег, главна и јавна служба Цркве, служење Цркве». Отуда се овај термин у ширем значењу односи на свеукупни молитвено-благодатни живот Цркве, на њено богослужење («култ») у свим његовим облицима и у свеколиком његовом обиму. У ужем смислу, овим термином именујемо *свету тајну Евхаристије*, односно *евхаристијско богослужење*. Такође ћemo напоменути да, када говоримо о *молитви*, имамо у виду њену најтешњу повезаност са *литургијом*: «Молитва сваког верника своју пуноту и циљ налази у литургијској молитви и богослужењу Цркве. У Православљу литургијска молитва или молитва Цркве јесте правило и образац, мера и критеријум, саборни израз и смисао сваке молитве» (Кардамакис 1996, 279).

⁴ Овим се репертоар потенцијалних истраживачких проблема у оквиру анализе литургијског дискурса, свакако, не исцрпљује. Пажњу заслужују, између осталих, и проблеми форме и структуре литургијског дискурса, посебно дискурсни маркери, затим ритам литургијског дискурса као пулсирање центрифугалних и центрипеталних тенденција у томе дискурсу и т. д., које због обима и намене овога рада остављамо по страни.

⁵ На појам емоционалног напона у дискурсу наслаша се присуство различитих врста интуиција, које су вероватно утолико јаче уколико је јачи емоционални напон дискурса; у дискурсу богоопштења вероватно би посебно место имала мистичка интуиција (у терминологији Н. О. Лоског) издиференцирана према интензитету и садржају, а вероватно и према облицима испољавања.

⁶ Примере из текста *Божанствене литургије св. оца нашега Јована Златоуста* наводимо према преводу Комисије Светог архијерејског синода

Српске православне цркве (*Служебник*. Београд, 1986), док су библијски цитати (уз екавизацију израза, ради уједничавања са нормативним одликама ауторског текста) у раду наведени према: *Свето писмо. Стари завјет*. Прев. Ђ. Даничић. Београд, 1998; *Псалтир са девет библијских песама*. Прев. Еп. Атанасије Јевтић. Врњачка Бања, 2000; *Свето писмо. Нови завјет Господа нашеј Исуса Христа*. Прев. Комисије Светог архијерејског синода Српске православне цркве. Београд, 1998.

Ласта Џапович

Проклятие как мерило значимости

В средние века, когда христианской церкви принадлежала значительная роль в государственной и социальной жизни, призыв Бога, святых, других священных лиц и символов имели место в зачинах таких средневековых документов, как дарственные записи, мирные и различные другие договоры, а также в присягах и формулах отлучения.

Зачин в средневековых документах, как правило, представляет собой призыв, символический (знак креста) или словесный, обозначающий в некотором смысле высшую силу как свидетеля и поручителя того, о чем уставливались посредством документа. Концовкой такого документа предусматривалась санкция — анафема для нарушителя, то есть нарушителю грозили духовной карой, причем исполнителями кары являлись опять-таки те же священные личности и христианские святыни, называвшиеся в качестве свидетелей и поручителей.¹

В присягах же присягавший предавался условному проклятию² в том случае, если тот засвидетельствует что-либо неистинное или не сдержит данного обещания. В формулах средневековых присяг для государственных служащих или для судебных свидетелей также призывались Бог, священные лица и христианские символы, после чего следовало условное проклятие. "Присяги ... всегда предполагают, что высшие силы будут действовать в людских делах на предложенный манер".³

В самом начале формул отлучения призывались Бог, священные лица и христианские символы как исполнители анафемы — проклятия по отношению к грешнику, и лишь в конце предусматривалось, что грешник будет пощажен, если покается и загладит собственную вину.

"Отношение к слову, в особенности к ритуальной, формализованной речи, в средние века"⁴ было вполне серьезное. "Ибо слово столь же эффективно как и дело, это "величины" одного ряда для системы средневекового "реализма", ученого или народного" (327).⁵ Поэтому в присягах, для большей достоверности, условному проклятию предавалось то, что человеку наиболее значимо, что ему "милее и святере всего"⁶. В некоторых проклятиях, — если они в основном условные, как в договорах и присягах, или условные, но с основным назначением действовать безотлагательно, как в отлучениях, —

значилось лишь то, что проклят будет тот, на которого распространяется проклятие; в других же проклятиях подробно уточнялось, что случится с теми, кто предавался проклятию. Около середины XIII столетия "западная церковь, по-видимому, противилась усиленным формулам, которые любил простой народ и которые восточная церковь разрешала"⁷.

В книге А.Я. Гуревича о проблемах средневековой культуры имеется русскоязычный перевод формулы отлучения из так называемого "Рочестерского текста"⁸, иначе говоря, перевод "формулы церковного отлучения, составленной епископом Эрнульфом в начале XII века" (326), то есть в эпоху, когда западная церковь, по-видимому, еще не противилась использованию "усиленных формул".

Сочиненная ученым лицом, эта формула испытала, как представляется А.Я. Гуревичу, влияние "схоластики того времени" (329)⁹. При всем при том - "она в полном соответствии с учением Дионисия Ареопагита о священной иеархии" (328). Но, тем не менее, в тексте этой формулы обнаруживается особое миросозерцание, о котором можно предположить, что автор находится под влиянием народного миропонимания начала XII века.

Русскоязычный перевод упомянутой формулы отлучения, выполненный А.Я. Гуревичем по подлинной публикации Ф. Либермана¹⁰, гласит:

"Властию всемогущего Бога, Отца, Сына и Духа святого, и всех святых, святой и непорочной Богородицы девы Марии, и всех небесных сил, ангелов, архангелов, престолов, господств, владычеств, Херувимов и Серафимов, и патриархов, пророков и всех святых апостолов и евангелистов, и святых праведников, кои одни только удостоены петь перед лицом Агнца новую песнь, и святых мучеников, и святых исповедников, и святых дев, и всех святых и избранных божих, отлучаем сего злодея и грешника, и предаем анафеме, и изгоняем за порог святой церкви всемогущего Бога, дабы он предан был на вечные муки с Дафаном и Авироном и со всеми, кто говорит господу Богу: "отыди от нас, ибо мы не хотим знать путей твоих". И как огонь угашается водой, так да угаснет свет его во веки веков, если он не покается и не загладит своей вины. Аминь.

Да проклянет его бог-Отец, сотворивший человека! Да проклянет его Сын божий, пострадавший за нас! Да проклянет его Дух святой, ниспосланный нам во святом крещении! Да проклянет его святой крест, на который взошел ради нашего спасения Христос, восторжествовавший над врагом своим! Да проклянет его святая Богородица и приснодева Мария! Да проклянет его святой Михаил, заступник святых душ! Да проклянут его все ангелы и архангелы, начала и власти и все воинства небесные! Да проклянет его достославный сонм патриархов и пророков! Да проклянут его святой Иоанн, предтеча и креститель Христов! Да проклянут его святой Петр и святой Павел, и святой Андрей, и все Христовы апостолы, и прочие ученики его, а также четыре евангелиста, проповедью своею обратившие в истинную веру вселенную! Да проклянет его дивная рать мучеников и исповедников, угодивших Богу добрыми делами своими! Да проклянут его хоры святых дев, ради славы Христовой презревших суету мирскую! Да проклянут его все

святые, от начала мира и до скончания века снискавшие благоволение божие! Да проклянут его небеса и земля и все, что на них есть святого!" (327-328).

"Да будет он проклят, где бы он ни находился, — в доме или в поле, на большой дороге или на глухой тропинке, в лесу или в воде, или же в храме! Да будет он проклят при жизни и в минуту смерти¹¹, за едой и за питьем, голодный, жаждущий, постящийся, засыпающий, спящий, бодрствующий, ходящий, стоящий, сидящий, лежащий, работающий, отдыхающий, мочащийся, испражняющийся и кровоточащий! Да будет он проклят во всех способностях своего тела! Да будет он проклят снаружи и внутри! Да будет он проклят в волосах главы своей! Да будет он проклят в мозгу своем! Да будет он проклят в темени, в висках, во лбу, в ушах, в бровях, в глазах, в щеках, в челюстях, в ноздрях, в зубах, как передних, так и коренных, в губах, в горлании, в плечах, в запястьях, в руках и в кистях рук, в пальцах, в устах своих, в груди, в сердце и во всех внутренностях до самого желудка, в чреслах своих и в пау, в гениталиях, в голенях, в ногах и в ногтях на пальцах ног! Да будет он проклят во всех суставах и соединениях членов своих от верхушки головы до ступней! Да не будет в нем ничего здорового!"

Да проклянет его Христос, сын Бога живого, во всей славе величия своего и да восстанут против него небеса¹², со всеми силами, на них движущимися, да проклянут и осудят его, если он не покается и не загладит вины своей! Аминь. Да будет так, да будет так! Аминь" (329).

Именем Бога, небесных сил и всей священной иерархии грешник изгонялся из христианской церкви и во ее же имя проклинался. Грешник проклинался, где бы он ни находился, в каком бы состоянии ни находилось его тело и что бы он ни делал "при жизни и в минуту смерти" (329). За исключением упоминания о вечных муках, состояние после смерти не упоминалось. Хотя идет речь о "церковной анафеме", душа тем не менее не упоминалась; зато проклиналась каждая частица его тела.

Русскоязычный перевод проклятия из данной формулы отлучения весьма интересно сопоставить с русскоязычным переложением другого проклятия, содержащегося в одной из присяг для судебных свидетелей, особо предписанных для влахов, то есть для православных сербов, обнаруженной среди приложений к рукописи "Устава (города) Сеня" ("Statutum Segniae") 1388 года¹³. Доподлинно неизвестно, когда именно эта "присяга влахская" была включена в приложения к рукописи "Устава...", изданной в 1854 году поэтом и историком Иваном Мажураничем; рискнем предположить, вслед за Владимиром Мажураничем, что это произошло в начале XVIII века. Остальные формулы присяги, имеющиеся в приложениях к "Уставу...", в точности соответствуют предписаниям западной христианской церкви; одна лишь "присяга влахская", предназначенная "для верующих восточной церкви", выдержана вполне в народном духе¹⁴. Полный текст данной присяги в первопубликации И. Мажуранича 1854 года, осуществленной им прямо с рукописи, можно условно передать по-русски следующим образом:

"Я, имярек, присягаю, да помогут мне истинный Бог, и моя Вера Христианская, двенадцать Апостолов, четыре Евангелиста, и весь Сонм Небесный, ибо я хочу сегодня говорить сущую Божию истину, то, что знаю, и

о чем меня будут спрашивать, ничто не скрою, да не погибнет мне девятое семя: семя от сердца, Вола, коня и остального Скота, и хлеба, чем человек питается, и чем он живет на этом свете, и коли я сегодня преступлю клятву сию, да так и не скажу сущую Божию истину, да не будет мне в куме кума, в товарище товарища, в друге друга, и о чем бы я ни пекся, да все мне ржой и сажей обернется, и коль скоро наша Литургия не подействует, да поведут меня бесноватого и одержимого от Монастыря к Монастырю, да нельзя будет для меня Лекарства найти, и в конце конца, да блею я как ягненок, да лаю я как кобель, да поразит меня Небесная высь, да сожрет меня адская Глубь, когда Черты Адские будут мучить душу мою во веки веков. Аминь".

Оба эти проклятия были сочинены людьми учеными, но в народном духе. В обоих фигурируют Бог, священные лица и христианские символы как свидетели, поручители и потенциальные каратели. Если рочестерская формула отлучения страдает растигнутостью и отчасти схоластичностью, то формула "присяги валахской" отличается сжатостью и поэтичностью. Каждую из двух формул, взятую в отдельности, можно рассматривать как отражение мировоззрения того народа, выходцем из которого был ее сочинитель.

Весьма показательны существенные различия между этими мировоззрениями, а также мерила значимости, ибо, как мы уже отметили выше, условному проклятию предавалось именно то, что человеку было наиболее значимо, наиболее мило и наиболее свято.

Рочестерская формула отлучения по существу поражает лишь грешника — виновного. В ней акцентирован определенный материализм: проклиналось место, состояние или активность тела грешника, проклиналось его здоровье и каждая частица его тела, его жизнь и минута смерти, но не то, что следовало после смерти. Хотя идет речь о "церковной анафеме", душа грешника не упоминалась.

Проклятие в "присяге валахской" поражало в первую голову самого присягавшего, но могло быть перенесено, согласно народному верованию, и на его детей и потомков. Довольно существенная разница заключается в том, что в "присяге валахской" условному проклятию предавалась не активность самого тела грешника, а целесообразность усилий и трудов человека, скорее его ментальное, чем физическое здоровье, не минута смерти, а потенциальное мучительное существование после смерти.

Наиболее существенная разница в мерах значимости выявляется в социальном плане. Следовало и ожидать, что именно этот момент, т.е. значимость жизни в общности, будет весьма четко акцентуирована в формуле отлучения, ибо формула отлучения есть формула отлучения от христианской церкви. Поскольку в средние века социальная общность почти отождествлялась с общностью верующих, постольку отлучение от церкви де facto являлось изгнанием из общества. Тем не менее, в формуле отлучения из "Рочестерского текста" грешник исключался из всей Вселенной, но там нигде не упоминались люди.

Все существенно иначе в формуле "присяги валахской", содержащейся в самом последнем по времени приложении к рукописи "Устава (города) Сеня" 1388 года. Здесь в первую и важнейшую очередь выделено отношение к

людям. Оно сугубо акцентировано на несколько социальных уровней. Повторением подчеркнута значимость присяги. Страшнейшей угрозой человеку преподносилась угроза неимения "в куме кума, в товарище товарища, в друге друга".

Подытоживая, хочется отметить, что, согласно имплицированному в "присяге влахской" народному миропониманию, основным мерилом значимости является *отношение человека к другому человеку, дружеское общение между людьми.*

Примечания

1. Подробнее об этом см.: *Милко Кос*, Дубровачко-српски уговори до средине 13-ог века (Дипломатичка студија) // "Глас Српске Краљевске Академије", СМХIII. Други разред, 67. с. 1-65.

2. Об условном проклятии см.: *Ласта Ђаповић*, Заклетва на тлу СФР Југославије) // Српска Академија наука и уметности. Етнографски институт. Посебна издања, књ. 16, Београд 1977. с. 23.

3. *William Graham Sumner*, Folkwaus, Boston, etc. 1906, p. 640; то же: *William Graham Sumner*, Folkwaus, New York 1960, p. 529.

4. *А.Я. Гуревич*, Проблемы средневековой народной культуры, Москва 1981, с. 327. В дальнейшем ссылки на эту книгу даются прямо в тексте с указанием соответствующей страницы.

5. См. также *А.Я. Гуревич*. Категории средневековой культуры. - Издание второе, исправленное и дополненное, Москва, 1989).

6. *Вук Стеф. Каракић*: Етнографски списи // Дела Вука Каракића, књ. IV, "Просвета", Београд 1969, с. 206, под заголовком "Заклетве"; то же: *Вук Каракић*, Етнографски списи // Сабрана дела Вука Каракића, књ. 17, "Просвета", Београд 1972, с. 341, под заголовком "Заклетве".

7. *Милко Кос*, цит. выше сочинение, с. 31.

8. *Textus de Ecclesia Roffensi, per Ermulfum Episcopum: Excommunicatio* был включен Лоренсом Стерном в одиннадцатую главу третьего тома его романа о Тристраме Шенди. (Ср. любое несокращенное англоязычное издание The Life and Opinions of Tristram Shandy Gentleman by Laurence Sterne).

9. По Гуревичу (329), "автор ее — английский епископ, современник "отца схоластики" Ансельма Кентерберийского". Англоязычный источник The New Century Cyclopedias of Names, New York 1954, p. 1465, сообщает, что "Ermulf /.../ or Arnulf", "bishop of Rochester (1114-24) ", "was a close friend of /.../ Anselm".

10. "Полное библиографическое описание" (9) издания Ф. Либермана дается Гуревичем так: *Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachen. I. Aalen* (352). На наш взгляд, более точное описание выглядело бы несколько иначе, а именно: *Die Gesetze der Angelsachen / Hrsg. /.../ von F. (= Felix — Л. Дж.) Liebermann . "Scientia", Aalen 1960. Bd. I.*

11. "В более ранней формуле, составленной в XI веке" (329), которую Гуревич передает не полностью, упомянуто и такое: " /.../ Да будет труп его оставлен на пожрание псам и хищным птицам, и да не будет он погребен! Да

ниспошлет Господь на него глад и жажду, и гнев, и муки, и напасти злых ангелов, пока не попадет он в глубины ада, где вечный мрак, неистощимый огонь, вечный дым, печаль без утления и где изо дня в день возрастает всяческое зло!" (329-330). Хотя здесь и говорится о том, что грешника ожидает после смерти, тем не менее и здесь не упоминается его душа.

12. В уже упомянутой формуле из XI века есть еще и такое: "Да будет проклят он солнцем, и луною, и звездами небесными, и птицами, и рыбами морскими, и четвероногими, и травами, и деревьями, и всеми Христовыми творениями!" (329). И здесь не упоминаются люди, если не учитывать того, что они могут подразумеваться в формулировке "и всеми Христовыми творениями". В данном проклятии люди эксплицитно упоминаются лишь в одном месте, где сказано: "Да будут сыновья его сиротами, и жена его вдовою! Пусть сыновья его в содрогании нищенствуют, будучи изгнанными из жилищ своих!" (330)

13. См. И.М. (= *Ivan Mažuranić — Л. Дж.*). *Statut grada Senja od godine 1388 // Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, knj. III, Zagreb 1854*, str.. 141-170, в частности, стр. 145-146.

14. См. *Vladimir Mažuranić*. *Prinosi za hrvatski pravno-povijetni rječnik. Izdala Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. U Zagrebu 1908-1922, svezak I, str. 53 (s.v. bekati), str. 146, s.v. sadja*, где сказано: "U prisegi vlaškoj (počet. XVIII veka. Senj. Ark. III., 146), str. 504 (s.v. *kleti*), svezak II, str. 1144-1147 (s.v. *priseći*, где приведен полный текст "присяги влахской", не во всем совпадающей с публикацией И. Мажуранича 1854 года).

*Авторизованный перевод на русский язык
Анджелии Деметрович-Матияшевич (Белград)*

Сtereотипы восприятия

Предраг Пипер

Прилагательное *руски* в вербальных ассоциациях сербов

Несмотря на богатые культурные связи между русским и сербским народами, имеющими давнюю традицию, стереотипы русских о сербах и сербов о русских в общем достаточно поверхностны. На протяжении большей части XX века представления русских о сербском народе заслонялись понятием Югославии, освещение которой и в советской учебной литературе и в средствах массовой информации в СССР находилось в непосредственной зависимости от актуальных политических отношений между двумя странами.

Война, прошедшая в последнем десятилетии XX века на западных Балканах, и ее отражение в средствах массовой информации в России, внесла в общее представления русских о сербах и о Сербии некоторые в целом мало существенные изменения, касающиеся прежде всего таких ассоциаций как *война, бомбежка, Милошевич, Белград* и т.п.

Подавляющая часть русских, за исключением некоторых специалистов (филологов, историков, политологов и.т.д.) все еще знает о сербах мало. Знания сербов о русских можно оценить как несколько большие, тем не менее, в целом также достаточно скромные, если опять не учитывать знания сербских специалистов, профессионально связанных с Россией и ее историей и культурой.

Этнические стереотипы и этнические автостереотипы - явления и понятия хорошо известные, хотя сами эти термины неоднозначны, несмотря на то, что стереотипы уже становятся и предметом лексикографических описаний (см. Бартминьски, ред., 1996). Этническим стереотипом можно называть как стереотипы, имеющиеся в одном народе о представителях других народов, так и особенности формирования стереотипов, характерные для какого-нибудь этноса. В настоящей работе имеется в виду первое названное значение, причем структура вербального стереотипа видится как комплекс наиболее частотных и наиболее распространенных вербальных ассоциаций по отношению к какому-то вербальному стимулу, являющемуся центром и общим выражением определенного вербального стереотипа.

Знания о мире представителей каждой национальной культуры организованы в динамическую сеть индивидуальных знаний об отдельных конкретных или абстрактных объектах и их взаимоотношениях. Хотя в этой когнитивной сети постоянно происходят изменения в ее составе, также как в отношениях между охваченными ею элементами, при наличии достаточной стабильности, распространенности и общепринятости средств ее выражения, вербальное общение, включающее эти выражения, как вид коммуникативного поведения на данном языке, является более или менее успешным.

Каждый элемент этой системы является ядром отдельной ассоциативной микросети (ассоциативного поля языковой единицы). Наиболее распространенные вербальные ассоциации у носителей одного и того же языка свидетельствуют о наиболее стабильных отношениях в данной языковой системе, в то время как конфигурация ассоциативной сети каждого отдельного элемента отражает его ассоциативный профиль, очень часто характерный только для данного языка и для данного типа культуры.

Частотность какой-нибудь вербальной ассоциации, таким образом, как правило, указывает на степень ее типичности для данной этноязыковой культуры. Поэтому, например, слова, обозначающие зеленый цвет, не обладают одинаковым ассоциативным потенциалом в славян-мусульман и у сербов, хотя между сербским языком и так называемым боснийским языком (искусственно созданным в Боснии и Герцеговине в девяностых годах XX века) различий практически нет, также как в некоторых случаях ассоциативный потенциал слова может определяться политическими взглядами носителей одного и того же языка (ср., например, ассоциативный

потенциал русских слов *красный* и *белый*, созданный в течение гражданской войны в России).

В настоящее время исследованиям данных, полученных в ассоциативных экспериментах, отводится значительное место в изучении коммуникативного поведения. Настоящая статья, также как и некоторые другие работы по сербскому коммуникативному поведению в сопоставлении с русским, является попыткой продолжения исследований русского коммуникативного поведения в сопоставлении с коммуникативным поведением представителей других народов, см. напр. Стернин 2002; Стернин, Эккерт 2002, Стернин, Ермакова 2002; Стернин, Стернина 2001; Пипер 2003 г.

Исследованием вербальных ассоциаций на слово-стимул *руски* "русский" у носителей сербского языка было охвачено 720 студентов белградского университета (студенты филологического, машиностроительного, экономического и архитектурного факультетов). В опросе, проведенном в целях составления ассоциативного словаря сербского языка, от студентов требовалось добавить к каждому из ста слов-стимулов в списке, одним из которых было слово *руски*, первую (свободную) вербальную ассоциацию (методика этого исследования подробно описана в работе: Драгичевич 2002 и Драгичевич 2203; см. также Пипер 2003а, 2003б, 2003в). Опросом охвачено 600 слов. В 34 анкетных листах (из 720) слово-стимул *руски* не получило какой-либо вербальной ассоциации, а в 686 анкетных листах прилагательное *руски* вызвало 220 вербальных ассоциаций, которые ниже приводятся в алфавитном порядке (цифры указывают на частотность ассоциатов прилагательного *руски*):

авион 2, алкоголь, амерички, Ана Карењина, бабушка 2, бабушке, балет 4, белоруски, благост, бледило, близак, бъак, брат, браћа 3, бреза 3, брокви, будућност, велики 2, велико, величина 2, водка 5, воз 4, волети, волим, вотка 6, гимназија, глуп, говор, граматика, граф, грубост, дивно 2, дисциплина, дневник, дом 3, досада 2, достигнућа, Достојевски 3, држава, дрчан, ћеврек, енглески 7, жијивот 2, жусто, застарело, здрав, земља, зима 9, зимска ноћ, зимски, Ивана Жигон, игра, испит, исток 2, ја 2, језик 273, језик давнина, језици, јесен, Јесенњин, кадет, Каљинка, капа, Катарина, књига 2, књижевник, књижевност 10, коза, козак, комунизам 2, комунистички, крагна, крај, Кремљ, крст, круна, култура 2, лаж, лако, Лењин, леп, леп језик, лепо, лепота, лијепо звучи, литература, лоза, лубав 3, мајка Русија, матерњи, медвед 2, меко, мекоћа 2, мелодија, мелодика, мелодичан, метро, мој, морал, Москва 16, Москвич, мушкирац, Набоков, најлепши, народ 5, наставник, научник, наш, нежсан, нежност, неясно, немачки 10, неразумљиво, ништа, палачинци, патријота, песма 2, песме 2, песник 3, писац 7, писмени, писци, плави човек, плаво 2, плен, плес, поезия, позаймљен, пољски 5, православље, православни, православно, пријатељ, пријатељство, пријатност, пропаст, простран 2, пространство, проф. руског / дебела, пруски, професор 5, Пушкин 2, рат, реализам, речник 7, романтично, рулет 8, Руси 2, Русија 15, руска застава, Рускиња, салата, сан, сверуски, семинарски, Сергеј, Сибир 4, Сибирски берберин, сиво, сиромашан, сјајан језик, слатка, сличан српском, сличност 2, Словени, словенски 8, сложен, смарање, Смирнов, смор, смрзнут, снег 3, СНГ,

совјетски 2, социјализам, српски 29, стар, стена 2, стран 2, страни 2, страни језик 2, страни језици, страст, сукња на коцке, тежак, тешко, тенк 2, тешко, торањ, традиција, туђ, ужас 2, украјински, уметност, уштогљен, факултет, филм 2, фронт, хладно 3, хрватски, хрт 3, цар 11, црвено 2, црква, чај 5, час, чешки, човек, ширина, школа 2, шубара 3, шубаре 2.

Дисперсия асоцијатов прилагателного руски (220 слов или выражений из 720 возможных) относительно небольшая, прежде всего из-за относительно высокой частотности выражения руски језик "русский язык". Список вербальных асоцијатов прилагателного руски по убывающей частоте показывает следующую картину: језик 273, српски 29, Москва 16, Русија 15, цар 11, немачки 10, књижевност 10, зима 9, рулет 8, словенски 8, енглески 7, писац 7, речник 7, вотка 6, водка 5, народ 5, пољски 5, професор 5, чај 5, воз 4, балет 4, браћа 3, бреза 3, дом 3, Достојевски 3, љубав 3, песник 3, хладно 3, хрт 3, шубара 3, авион 2, бабушка 2, велики 2, величина 2, дивно 2, досада 2, живот 2, исток 2, я 2, книга 2, комунизам 2, култура 2, медвед 2, мекоћа 2, песма 2, плаво 2, простран 2, Пушкин 2, Руси 2, Сибир 4, сличност 2, снег 3, совјетски 2, стена 2, стран 2, страни 2, страни језик 2, тенк 2, ужас 2, филм 2, црвено 2, школа 2, шубаре 2, алкохол, амерички, Ана Карејина, бабушке, белоруски, благост, бледило, близак, бљак, брат, бркови, будућност, велико, волети, волим, гимназија, глуп, говор, граматика, граф, грубост, дисциплина, дневник, достигнућа, држава, дрчан, ћеврек, жуто, застарело, здрав, земља, зимска ноћ, зимски, Ивана Жигон, игра, испит, и, језик давнина, језици, јесен, Лесењин, кадет, Калњинка, капа, Катарина, књижевник, коза, козак, комунистички, крагна, крај, Кремљ, крест, круна, лаж, лако, Левин, леп, леп језик, лепо, лепота, лијепо звучи, литература, лоза, мајка Русија, матерњи, меко, мелодија, мелодика, мелодичан, метро, мој, морал, Москвич, музикарац, Набоков, најлепши, наставник, научник, наш, нежсан, нежност, нејасно, неразумљиво, ништа, палачинци, патријата, писмени, писци, плави човек, плен, плеј, поезија, позајмљен, православље, православни, православно, пријатељ, пријатељство, пријатност, пропаст, пространство, проф. руског/дебела, пруски, рат, реализам, романтично, руска застава, Рускиња, салата, сан, северуски, семинарски, Сергеј, Сибирски берберин, сиво, сиромашан, сјаја језик, слатка, сличан српском, Словени, сложен, смарање, Смирнов, смор, смрзнут, СНГ, социјализам, стар, страни језици, страст, сукња на коцке, тежак, тешко, торањ, традиција, туђ, украјински, уметност, уштогљен, факултет, фронт, хрватски, час, чешки, човек, ширина.

Алфавитный список вербальных асоцијатов на слово-стимул руски, встречающиеся больше чем один раз, охватывает слова и выражения: авион 2, бабушка 2, балет 4, браћа 3, бреза 3, велики 2, величина 2, водка 5, воз 4, вотка 6, дивно 2, дисциплина, дневник, дом 3, досада 2, Достојевски 3, енглески 7, живот 2, зима 9, исток 2, я 2, језик 273, книга 2, књижевност 10, комунизам 2, култура 2, љубав 3, медвед 2, мекоћа 2, Москва 16, народ 5, немачки 10, песма 2, песме 2, песник 3, писац 7, плаво 2, пољски 5, простран 2, професор 5, Пушкин 2, речник 7, рулет 8, Руси 2, Русија 15, Сибир 4, сличност

2, словенски 8, снег 3, советски 2, српски 29, стена 2, стран 2, страны 2, страни језик 2, тенк 2, ужас 2, фильм 2, хладно 3, хрт 3, цар 11, црвено 2, чај 5, школа 2, шубара 3, шубаре 2.

Как видно в списке, среди самых частотных синтагматических ассоциаций встречаются ассоциации руски језик, руски цар, руска књижевност, руска зима, руски рулет, руски писац, руски речник, руска ватка, руски народ, руски чај, руски воз, руски балет, руска браћа, руска бреза, руски дом, руски песник, руски хрт, руска шубара, руски авион, руска бабушка, руска култура, руски медвед, руска песма, руски фильм, руски говор, руска граматика, и т.д., с словосочетанием руска ширина включительно.

Частотность некоторых из выявленных ассоциаций можно объяснять фактами страноведческого характера. Например, "Руски цар" - название одного из известных белградских ресторанов, и это, вероятно, больше повлияло на относительно высокую частотность ассоциации руски цар, чем возможные монархистические взгляды некоторых из испытуемых.

Слово *дом*, встречающееся в репликах трижды, несомненно является отражением того факта, что Российский информационно-культурный центр в Белграде практически всеми называется просто Руски дом, и в такой форме запечателся в сознании белградцев.

Реплики *српски, пољски, чешки, енглески, немачки* - парадигматического характера. Они скорее всего объясняются тем, что руски является в сербском студенческом жаргоне названием учебного предмета, так же как прилагательными *српски, пољски, чешки, енглески, немачки* именуются учебные предметы, относящиеся к другим иностранным языкам.

Если полученный в данном опросе материал распределить по тематическим группам, бросается в глаза сравнительно большое количество парадигматических реплик ономастического характера *Москва, Русија, Достојевски, Пушкин, Сибир, Ана Карењина, Кремљ, Лењин* и т.п.

Асоциат *Ивана Жигон* - очередное подтверждение актуальной общественной жизни в формировании ассоциаций, поскольку известная сербская актриса Ивана Жигон - председатель Общества сербско-русской дружбы (имена предыдущих председателей этого общества, среди которых были и ученые с мировым научным именем, данная анкета не отражает).

Подобным образом объясняется также тот факт, что в списке ассоциатов встречается существительное *берберин*, отражая вторую часть сербского перевода названия известного фильма Н. Михалкова *Сибирский цирюльник*, в то время как названия других, не менее известных, однако менее актуальных фильмов в репликах не представлены.

Все-таки, далеко не в каждом случае можно предложить надежное объяснение той или другой реплики, что в частности касается, хотя и не в одинаковой степени, названия цветообозначений, вызванных словом-стимулом руски, таких как: *плаво, црвено, сиво, жутво, бледило*.

Представленный в настоящей статье материал и предложенное его описание и объяснение являются лишь первым шагом по пути к изучению русского и сербского коммуникативного поведения по данным ассоциативного опроса. Наиболее нужным дополнением к изложенным в этой статье фактам

будет описание прилагательного *сербский* в вербальных ассоциациях носителей русского языка по такой же методике, по какой установлены ассоциаты сербов на слово *реплику руски* в сербском языке.

Бартминьски (ур.) *Słownik stereotypów i symboli ludowych* / Red. Jerzy Bartmiński, Lublin, 1996.

Драгичевич 2002: Р. Драгићевић. Нека запажања о могућности употребе асоцијативних тестова у лингвистичким истраживањима // Славистика, VI, 116-124.

Драгичевич 2003: Р. Драгићевић, Асоцијативна метода у концептуализацији емоција // Језик и говор. - Београд: Институт за експерименталну фонетику и патологију говора, 2003, стр. 66-74.

Пипер 2003г: П. Пипер, О некоторых особенностях сербского коммуникативного поведения // Язык и национальное сознание. Вып. 4. Воронеж, 2003, стр. 107-111.

Пипер 2003а: П. Пипер, О проучавањима вербалних асоцијација // Језик и говор. - Београд: Института за експерименталну фонетику и патологију говора, 2003, стр. 55-65.

Пипер 2003б: П. Пипер, Српски између великих и малих језика. - Београд: Београдска књига, 2003.

Пипер 2003в: П. Пипер, Асоцијативни речници словенских језика и етнокултурни стереотипи // Славистика, VII, 22-32.

Стернин (ур.) 2002: Русское и китайское коммуникативное поведение. Под ред. И. А. Стернина. Вып. 1. - Воронеж: Истоки, 2002.

Стернин, Еккерт (ур.) 2002: Русское и немецкое коммуникативное поведение. Под ред. И. А. Стернина и Х. Еккерта. Вып. 1. - Воронеж: Истоки, 2002.

Стернин, Ермакова (ур.) 2002: Русское и французское коммуникативное поведение. Под ред. И. А. Стернина и Р. А. Ермаковой. Вып. 1. - Воронеж: Истоки, 2002.

Стернин, Стернина (ур.) 2001: Американское коммуникативное поведение. Под ред. И. А. Стернина и М. А. Стерниной. - Воронеж: ВГУ, 2001.

Е. А. Правда, И. Кошова

Русские в восприятии словаков (экспериментальное исследование стереотипов восприятия)

Для определения стереотипов восприятия русских словаками нами было проведено экспериментальное исследование по методике, описанной в работе И. А. Стернина „Финны в восприятии русских (экспериментальное исследование стереотипов восприятия)“ (Стернин 2000).

В нашем эксперименте приняли участие студенты и преподаватели филологического факультета Университета им. Константина Философа в г. Нитра (Словакская Республика), всего 93 человека, большинство из которых

составили студенты (в возрасте от 18 до 23 лет), специализирующиеся по профилю кафедры русистики. Среди испытуемых было 68 женщин и 25 мужчин. Для создания им более комфортных условий анкетирование проводилось на словацком языке.

Отвечая на вопрос о внешности русского человека, информанты описывали: лицо, черты лица, выражение лица, глаза, взгляд, нос, губы, зубы, кожу, бороду, усы, форму головы, волосы, причёску, голос, руки, фигуру, рост, возраст, внешний вид, головной убор, одежду, а также предметы, которые, по их мнению, русские обычно держат в руках.

Повторились в анкетах следующие характеристики: *высокий* (55)¹; *светловолосый* (32); *голубоглазый* (15); *крепкого, могучего телосложения* (14); *усатый* (10); *худой* (10); *неопрятный* (9); *светлокожий* (8); *бородатый* (7); *русоволосый* (7); *такой же, как и другие* (6); *тёмноволосый* (6); *с красивой фигурой* (5); *большеглазый* (4); *широколицый* (4); *рыжеволосый* (4); *среднего роста* (4); *в папахе* (4); *с выразительными чертами лица* (4); *с веснушками на лице* (3); *полный* (3); *средне сложенный* (3); *деловитый, озабоченный* (3); *краснощёкий* (3); *со славянскими чертами лица* (4); *круглоголицый* (3); *пожилой* (3); *с сильным, мощным голосом* (3); *зелёноглазый* (2); *в ушанке* (2); *большерукий* (2); *обросший* (2); *с круглым носом* (2); *с короткими волосами* (2); *низкого роста* (2); *среднего роста* (2); *широкоплечий* (2); *мускулистый* (2); *не очень красивый* (2); *обвеянный золотом* (2); *простой* (2); *выглядящий мужественно* (2); *одетый соответственно климатическим условиям* (2). *хорошо одетый* (2). У русских женщин отмечено: *яркий, крикливый макияж* (4), *длинные волосы* (3), *косы* (2), *полнота* (2), *длинные юбки* (2) и др. Было также 3 отказа от ответа.

Сравнение ответов женщин и мужчин не выявило особых расхождений в приоритетных оценках: обе группы указывают прежде всего *высокий рост* типичного русского (40% мужчин и 49% женщин) и *светлые волосы* (16% мужчин и 38% женщин). Вслед за этими признаками мужчины выделяют: *такой же, как и другие* (28%), *сильный* (12%), *хорошо, атлетически сложенный* (8%), *темноволосый* (8%) и др.; женщины отмечают: *голубоглазый* (21%), *заросший* (18%), *усатый* (13%), *с крепкой, могучей фигурой* (12%), *светлокожий* (12%), *бородатый* (10%), *русоволосый* (9%) и др. Как видим из этих данных, кроме роста и цвета волос, мужчины обращают внимание на своеобразие внешности, физические возможности и фигуру, а женщины – на цвет глаз, ухоженность, наличие растительности на лице, фигуру и цвет кожи.

Определяя характер типичного русского, информанты оценивали главным образом темперамент, особенности коммуникативного поведения русских и некоторые типичные моральные качества.

Были названы следующие признаки: *дружелюбный* (27), *добрый* (25), *приятный* (15), *открытый* (11), *вспыльчивый* (10), *общительный* (10), *гостеприимный* (9), *весёлый* (8), *патриот* (6), *импульсивный* (5), *компанейский* (5), *отзывчивый* (5), *любит развлекаться* (5), *хороший* (5), *любезный* (4),

¹ В скобках указываем количество ответов – абсолютное или в процентах от общего числа ответов, о которых в каждом случае идёт речь.

спокойный (3), преданный (9), забавный (3), имеет чувство юмора (3), робкий (3), флегматичный (3), закрытый (3), темпераментный (3), принципиальный (3), нормальный (2), талантливый (2), человек настроения (2), деспотичный (2), высокомерный (2), наглый (2), упрямый (2), шумный (2), меланхолик (2), заботливый (2), интеллектуально развитый (2), живающий для общества (2), задумчивый (2), холодный (2), честолюбивый (2), строгий (2), рассудительный (2), работящий (2), суровый (2), уравновешенный (2), высоко ценит семью (2), выносливый (2), смелый (2), склонный к торговле (2) и др. Отказы –7.

Ответы мужчин и женщин по второму вопросу не столь согласованы, как при оценке внешности. У мужчин наиболее частотна характеристика *добрый, сердечный* (28%); далее следуют *вспыльчивый* (12%), *общительный* (12%), *любит развлекаться* (8%), *хороший* (8%), *деспотичный* (8%), *гостеприимный* (8%), *темпераментный* (8%), *высокомерный* (8%), *дружелюбный* (8%) и др.

В ответах женщин преобладают признаки: *дружелюбный* (37%), *добрый* (25%), *приятный* (21%), *открытый* (16%), *вспыльчивый* (10%), *гостеприимный* (10%), *весёлый* (10%), *общительный* (9%), *импульсивный* (7%), *компанейский* (6%), *гордый* тем, что русский (6%), *отзывчивый* (6%) и др. Как видим, мужчины обращают больше внимания на поведение русских по отношению к другим людям (ср.: *деспотичный, высокомерный*), в то время как для женщин важнее внешнее впечатление, производимое русскими (ср.: *дружелюбный, приятный, открытый*).

Вопрос о типичных занятиях русских вызвал у информантов представления как о действиях, так и о профессиях. Самыми частыми являются следующие ответы: *пьёт водку* (27), *развлекается с приятелями* (18), *работает* (14), *читает* (10), *разговаривает* (9), *занимается спортом* (8); кроме этого отмечено: *занимается домашним хозяйством* (5), *работает в сфере культуры* (5), *смотрит телевизор* (5), *торгует* (5), *размышляет* (4), *делает то же, что и другие* (4), *занимается военной службой* (4), *курит* (4), *делает обычные дела* (4), *поёт* (3), *радуется* (3), *решает проблему выживания* (3), *женщины занимаются тяжёлым трудом* (3), *работает учителем* (2), *женщины заботятся о детях и муже* (2), *сплетничает* (2), *работает руками* (2), *танцует казачок* (2), *занимается сельским хозяйством* (2), *пьёт чай* (2), *интересуется искусством* (2) и др.; в 5 случаях не дано определённого ответа.

Некоторые информанты указывали на разницу в типичных занятиях мужчин и женщин, представителей разных социальных слоёв – ср. ответы: „*пьёт водку, женщины работают*”, „*муж пьёт, а женщина дома работает и за мужа*”, „*женщины обычно работают, а мужчины обсуждают проблемы*”, „*женщина заботится о домашнем хозяйстве, о детях и муже, а мужчина пьёт водку*”, „*мужчина – слесарь-ремонтник или военный, а женщина – учительница*”, „*сидит в метро и читает или просит милостыню*”. „*одни гуляют с красавицами девицами по курортам, а другие работают в поте лица*”, „*зависит от того, какой это русский – „новый” или „нормальный”*”.

В ответах на данный вопрос приоритетные оценки мужчин и женщин совпали: и одни, и другие чаще всего упоминают пристрастие русских к

выпивке, к водке (36% мужчин и 26% женщин). Однако частотность других признаков различна; ср.: у мужчин – *работает* (20%), *размышляет* (12%), *делает обычные дела* (12%), *развлекается* (8%), *развлекается с приятелями* (8%), *читает* (8%), *торгует* (8%), *курит* (8%), *смотрит телевизор* (8%) и др.; у женщин – *развлекается с приятелями* (16%), *работает* (13%), *читает* (10%), *разговаривает* (7%), *занимается домашними делами* (7%) и др.

На вопрос о том, как говорит типичный русский, затруднился ответить один испытуемый; несколько ответов носят формальный характер (ср.: *ртом*; *по-русски*; *может и по-английски*; *иногда по-немецки и др.*). В остальных случаях характеризовались как акустические параметры речи, так и её манера, смысловое содержание высказываний, особенности восприятия речи русских иностранцами и др. Наиболее частотны следующие оценки: *быстро* (51), *громко* (17), *по-русски* (17), *непонятно* (13), *жестикулируя* (7), *энергично* (6), *тихо* (6), *медленно* (5), *эмоционально* (5), *натяжно* (4), *с юмором* (3), *приятно* (2), *может и по-английски* (2), *мягко* (2), *понятно* (2), *стараются ясно говорить с иностранцами* (2), *холодно* (2), *импульсивно* (2), *с экспрессивными словами и фразеологизмами* (2) и др.

Признак *быстро* чаще всего называют и женщины, и мужчины (59% женщин и 44% мужчин). Кроме этого, у мужчин повторяются определения *по-русски* (32%), *энергично* (12%), *непонятно* (12%), *стараются ясно говорить с иностранцами* (8%), а у женщин – *громко* (24%), *непонятно* (15%), *по-русски* (13%), *жестикулируя* (9%), *тихо* (9%), *медленно* (7%), *эмоционально* (6%), *натяжно* (6%) и др. Мужчины, таким образом, обращают несколько большее внимание на степень понятности русской речи, а женщины – на её внешние признаки.

Четвёртый вопрос касался выражения лица. В ответах на него повторялись следующие характеристики: *улыбка* (18), *задумчивое* (15), *серёзное* (15), *приветливое* (13), *приятное* (9), *весёлое* (8), *холодное* (8), *сурьёзное* (7), *грустное* (6), *переменчивое* (6), *спокойное* (5), *хмурое* (5), *замученное* (4), *строгое* (4), *решительное* (4), *русское* (3), *довольное* (2), *участливое* (2), *глупое* (2), *выразительная мимика* (2), *искреннее* (2), *оптимистичное* (2), *неискреннее (маска)* (2), *дикое* (2). Затруднился ответить один испытуемый; ответ „*русское*” следует, по-видимому, считать в данном случае формальным.

Мнения мужчин и женщин оказались близкими, но не совпадли. В анкетах мужчин находим: *улыбка* (12%), *замученное* (12%), *приветливое* (12%), *весёлое* (12%), *решительное* (8%), *холодное* (8%), *русское* (8%); в анкетах женщин – *задумчивое* (21%), *серёзное* (21%), *улыбка* (21%), *приветливое* (15%), *приятное* (12%), *грустное* (9%), *холодное* (9%), *сурьёзное* (9%), *спокойное* (6%), *хмурое* (6%), *строгое* (6%) и др.

Как видим, наиболее частым является в этом случае ответ *улыбка*. Однако на наличие или отсутствие улыбки указывают косвенно и другие ответы. Если сгруппировать их по данному признаку (ср.: „*с улыбкой*” – *приветливое*, *приятное*, *весёлое*, *довольное*, *оптимистичное*, всего 52 повторяющихся ответа; „*без улыбки*” – *задумчивое*, *серёзное*, *холодное*, *сурьёзное*, *грустное*, *хмурое*, *замученное*, *строгое*, всего 64 ответа), то окажется, что информанты в

целом, а также отдельно женщины представляют себе русских скорее неулыбчивыми, чем с улыбкой на лице, а мужчины – скорее улыбающимися.

Обобщение полученных результатов показывает, что чаще всего в ответах фигурируют характеристики: а) *высокий, светловолосый, голубоглазый;* б) *дружелюбный, добрый, приятный;* в) *пьёт водку, развлекается с приятелями, работает;* г) *говорит быстро, громко, по-русски;* д) *на лице улыбка, выражение лица задумчивое, серьёзное, приветливое.*

Наиболее согласованно испытуемые ответили на вопросы о внешности и темпе речи типичного русского: оценку *высокий* дали 59% опрошенных, а оценку *говорит быстро* – 55% опрошенных. В целом же полученная информация довольно противоречива, в ответах на каждый вопрос, причём, даже среди наиболее частотных ответов, содержится множество взаимоисключающих оценок, ср.: *высокий – низкий – среднего роста; худой – полный; гладко выбритый – заросший; светловолосый – темноволосый; голубоглазый – кареглазый; вспыльчивый, человек настроения – уравновешенный, спокойный; открытый – закрытый; робкий – смелый; весёлый – меланхолик; темпераментный – холодный, флегматичный; суровый, деспотичный – добный, отзывчивый; работящий – ленивый; работает в сфере культуры, работает учителем – работает в сфере производства, работает руками; говорит громко, быстро, понятно, эмоционально – говорит тихо, медленно, непонятно, холодно; серьёзное, строгое лицо – улыбка; выражение лица весёлое, оптимистичное, приветливое, участливое, искреннее – выражение лица хмурое, грустное, суровое, задумчивое, неискреннее и др.* Кроме того, довольно много неопределённых или явно формальных ответов.

Следует отметить, что из общей массы ответов „проступает” несколько образов-типов русского человека – как „позитивных”, так и „негативных”:

1) образ фольклорного героя – былинного богатыря, сказочного доброго молодца, красной девицы (ср.: *высокий, с могучей фигурой, светловолосый, голубоглазый, со славянскими чертами лица, с румяными щеками, с балалайкой; женщина с длинными светлыми волосами, с косами, в сарафане, как матрёшка*);

2) образ нового русского (ср.: *с золотыми цепочками, обвешан золотом, ходит в норковой шубе, ездит на „BMW”, ест икру и запивает её шампанским, гуляет с крашеными девицами по курортам, купается в деньгах, мафиози*);

3) образ обычного, простого человека, „совка” (ср.: *одет невыразительно (в синее или чёрное), с серпом и молотом в руке, находится под влиянием старого режима и войн, приучен слушаться, борец (за родину, за мир), решает проблему выживания, замученный, грустный, работает в поте лица*);

4) образ торговца-„челнока” (ср.: *торгует на рынке, спекулянт, склонен к торговле*);

5) образ бомжа (ср.: *худой, грязный, неухоженный, небритый, обросший, мёрзнущий на улице, просит милостыню*);

б) образ дремучего сибирского мужика (ср.: *приспосабливается к климатическим условиям, в шубе, в ушанке, занимается сельским хозяйством, консервативный, с кустарной прической, с очень специфическим вкусом, суровый, жестокий, despотичный, не любит иностранцев, с диким взглядом*).

Исходя из результатов эксперимента, можно заключить, что ядро представлений составляет „позитивный” образ русского, близкий к фольклорному.

Указывая источник своих знаний и представлений о русских, почти никто из опрошенных не выбрал предложенную возможность ответа *tak u нас думают многие*, лишь некоторые отмечали ответ *tак мне кажется* и никто из информантов не указал эти источники в качестве единственных.

Чаще всего опрошенные называли в качестве источников личные встречи, фильмы, реже литературу (главным образом классическую), рассказы других людей, учёбу, наименее часто – телевизионные передачи (прежде всего трансляции спортивных соревнований). При этом многие информанты, лично встречавшиеся с русскими, жаловались на то, что им трудно отвечать на вопросы анкеты, так как они знают конкретных русских, и это им мешает. Многие опрошенные, не имеющие личного опыта общения с русскими, ориентировались на фильмы, из которых были названы картины на военные темы, фильмы Н.Михалкова, А.Тарковского и других российских режиссёров, в том числе фильм-сказка „Морозко” и мультфильм „Ну погоди!”, американские фильмы и нек. др.

Таким образом, наше исследование показывает, что, независимо от личного опыта общения, в сознании словаков существуют определённые стереотипные представления о русских, которые, однако, не позволяют говорить о наличии единого, устойчивого и окончательно сформированного стереотипа.

Авторы искренне благодарят всех информантов за участие в эксперименте.

Стернин И. А. Финны в восприятии русских (экспериментальное исследование стереотипов восприятия) // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж, 2000. – С. 38–42.

Е. А. Правда, Т. В. Яурова

Русские в восприятии сербов

(экспериментальное исследование стереотипов восприятия)

Для установления того, как современные югославы, то есть носители сербскоязычной культуры в Югославии, представляют себе русских, нами было проведено исследование, аналогичное описанному в статье И.А.Стернина „Финны в восприятии русских (Экспериментальное исследование стереотипов восприятия)“ (Стернин 2000).

Участниками нашего эксперимента стали старшеклассники и студенты в возрасте от 15 до 30 лет, всего 62 человека, из которых 48 женщин и 14 мужчин. Большинство информантов составили студенты филологического факультета Белградского университета, изучающие русский язык в качестве будущей специальности.

Испытуемые должны были ответить на 5 вопросов, касающихся соответственно внешности, характера, обычных действий, речи и выражения лица типичного русского. Отвечать наши информанты могли так, как им удобно, по-русски или по-сербски.

Многие из опрошенных отвечали на вопросы анкеты подробно, указывали большое количество характеристик, причём оценивали не только русских мужчин, но и женщин, а также молодых и пожилых женщин, городских и сельских жителей.

Описывая внешность типичных русского и русской, испытуемые характеризовали цвет волос, цвет глаз, причёску, особенности фигуры, наличие бороды и усов, плотность телосложения, производимое эстетическое впечатление и др.; многие обращали внимание также на цвет кожи русских людей, их одежду, на макияж женщин и девушки. При этом в характеристиках русского мужчины повторились следующие оценки: блондин (44)¹, высокий (33), голубоглазый (22), светлоглазый, в том числе с серыми, зелёными глазами (15), крупный (14), среднего роста (13), тёмноволосый (13), румяный (12), со светлой кожей (12), худой (11), бородатый (9), сильный (7), усатый (7), тёмноглазый (7), красивый (7), круглицы (6), с прямым, правильной формы носом (5), русоволосый (5), с не круглым лицом (5), с короткими волосами (4), с заметными бровями (4), с большими губами (4), полный (4), широкоплечий (3), невысокого роста (3), плохо одетый (3), крепкого телосложения, плотный (3), полноватый (3), с волнистыми или кудрявыми волосами (3), с большим носом (3), с широким носом (3), с правильными чертами лица (3), с большим лбом (3), не очень красивый (3), часто с веснушками (2), со светлой бородой (2), со светлыми усами (2), с выразительными чертами лица (2), стройный (2), физически развитый (2), не очень толстый (2), с длинными ногами (2), интересный (2).

¹ В скобках приводится количество ответов – абсолютное или в процентах от общего числа ответов, о которых в каждом случае идёт речь.

В описании русской женщины наиболее частотны оценки: блондинка (27), голубоглазая (23), румяная (13), красивая (11), стройная (8), со светлой кожей (8), среднего роста (8), невысокая (8); повторились также характеристики: высокая (6), с длинными волосами (5), круглицая (5), низкого роста (5), полноватая (5), с пухлыми губами (4), с курносым носом (3), крупная (3), темноволосая (3), с волосами средней длины (3), зеленоглазая (3), светлоглазая (3), нежная (3), с носом правильной формы (2), худая (2), русоволосая (2), с прямыми волосами (2), скуластая (2), с высоким лбом (2), худая (2), с тонкой шеей (2), с большими глазами (2), с маленькими губами (2), симпатичная (2), изысканная (2), милая (2), некоторые толстые (2), с макияжем (2), в шубе (2). Для молоденьких девушек отмечено: стройная (3), высокая (3), блондинка (2), очень красивая (2), голубоглазая (2), длинноволосая (2) и др. Таким образом, всех русских женщин наши респонденты представляют себе светловолосыми, голубоглазыми, красивыми, стройными, высокими, с длинными волосами, а всех русских – светловолосыми, голубоглазыми, румяными, красивыми, со светлой кожей, среднего роста, высокими, скорее круглицыми, чем с лицом другого типа.

У опрошенных мужчин и женщин представление о внешности типичного русского во многом сходно; ср.: ответы женщин – блондин (75%), высокий (44%), голубоглазый (44%), са светлыми глазами (25%), румянный (23%), светлокожий (23%), крупный (23%), среднего роста (21%), темноволосый (19%), худой (19%), бородатый (9%), сильный (15%), усатый (15%), круглицый (13%), красивый (10%), русоволосый (10%), с носом правильной формы (10%); ответы мужчин – высокий (79%), блондин (57%), темноволосый (29%), среднего роста (21%), темноглазый (21%), с выразительными бровями (21%), с голубыми или серыми глазами (14%), худой (14%), бородатый (14%), красивый (14%), полный (14%). Однако сравнение ответов показывает, что женщины представляют себе русских людей голубоглазыми, а мужчины – скорее темноглазыми; кроме того, для женщин оказались значимыми наличие румянца и светлый оттенок цвета кожи.

Определяя черты характера русских людей, наши респонденты оценивали темперамент, коммуникативные свойства, душевые и морально-волевые качества, склонности, отношение к труду, степень воспитанности, наличие чувства юмора и др. Повторились следующие ответы: весёлый (16), дружелюбный (13), хороший (13), трудолюбивый (12), отзывчивый (11), умный (11), добродушный (9), добрый (9), открытый (8), имеет склонность к искусству (8), патриот (8), вежливый, любезный (6), с чувством юмора (5), великодушный (5), темпераментный (5), упрямый (5), похож на серба/югослава (5), гостеприимный (5), любит выпить (4), приятный (4), любит природу (4), ленивый (4), меланхоличный (4), любит людей (4), благородный (4), твёрдый (4), более закрытый, чем югослав (3), общительный (3), культурный (3), способный (3), набожный (3), строгий (3), менее эмоциональный, чем серб/югослав (3), социально пассивный (3), смелый (3), идеалистичный (3), властолюбивый (3), образованный (3), страстный (3), эмоциональный (3), храбрый (3), женолюб (2), со славянской душой (2), мятежный (3), любит свой дом (2), нежный (2), наивный (2), импульсивный

(2), обаятельный (2), бескорыстный (2), рассудительный (2), вспыльчивый (2), гордый (2), скромный (2), мужественный (2), грубый (2), знает, чего хочет от жизни (2), ненадёжный (2), спокойный (2), неуравновешенный (2), романтичный (2), нетолерантный (2), неискренний (2). В двух случаях русские охарактеризованы как исключительный по своим душевным качествам народ (ср.: *единственный народ с настоящей душой, народ с самой чистой душой*).

В характеристиках русской женщины повторились следующие оценки: весёлая (5), хорошая (4), кроткая (3), дружелюбная (3), трудолюбивая (3), умная (3), заботливая мать (3), хорошая хозяйка (3), разговорчивая (2), любит петь (2), милая (2), любит хорошо одеваться (2), следит за собой (2), добрая (2). Как видим, общими для всех русских являются следующие оценки их характера: *весёлый, компанейский, трудолюбивый, умный, хороший, добрый*.

Информанты-женщины на вопрос о характере типичного русского дали следующие ответы: *весёлый* (29%), *трудолюбивый* (21%), *дружелюбный* (21%), *умный* (19%), *добрый* (19%), *открытый* (17%), *отзывчивый* (17%), *добродушный* (17%), имеет склонность к искусству (17%), любит родину (15%), хороший (13%), вежливый (10%), с чувством юмора (10%), великодушный (10%), темпераментный (10%) и др.; мужчины – *отзывчивый* (21%), *дружелюбный* (21%), хороший (21%), эмоциональный (14%), немного упрямый (14%), *трудолюбивый* (14%), спокойный (14%), благородный (14%), умный (14%), *весёлый* (14%) и др. И для мужчин, и для женщин, таким образом, оказывается важным дружелюбие русских людей; при этом женщины отмечают, прежде всего, позитивный эмоциональный настрой русских, а мужчины ставят на первое место готовность русских помогать другим.

В ответах на вопрос о типичных занятиях русских, кроме собственно действий, назывались и типичные профессии. Приведём повторяющиеся ответы: *пьёт* (водку, пиво) (31), читает (книги, журналы) (25), встречается с друзьями (13), ходит на культурные мероприятия (в театр, в музеи, на концерты) (12), занимается физкультурой/спортом (11), поёт (9), занимается литературным творчеством (8), гуляет (7), развлекается (6), преподаёт (6), работает (6), работает в области медицины (6), занимается наукой (5), ходит в кино (4), ест (4), празднует (4), работает на заводе (фабрике) (4), танцует (4), рисует (4), ловит рыбу (3), охотится (3), разговаривает (3), занимается музыкой (3), занимается интеллектуальным трудом (3), проводит время с семьёй (3), делает то же, что и другие мужчины (2), работает в сфере производства оружия (2), занимается бизнесом (2), работает адвокатом (2), ходит в церковь (2), занимается своим хобби (2), работает военным (2), учится (2).

Для женщин отмечено: занимается домашними делами (6), преподаёт (4), помогает людям (3), читает (2), заботится о семье (2), ходит в кино (2), ходит в театр (2), занимается литературным творчеством (2), работает (2), встречается с друзьями/подругами (2). Как видим, для всех русских оказываются релевантными характеристики: *преподаёт, читает, ходит в кино, ходит в театр, занимается литературным творчеством, работает, встречается с друзьями*.

Информанты-женщины дали следующие оценки характера типичного русского: *пьёт (водку, пиво)* (54%), *читает* (50%), *ходит на культурные мероприятия (в театр, в музеи, на концерты)* (25%), *встречается с друзьями* (25%), *поёт* (17%), *развлекается* (13%), *занимается физкультурой/спортом* (13%), *преподаёт* (13%), *работает в области медицины* (13%), *гуляет* (13%), *работает* (13%), *занимается интеллектуальным трудом* (10%) и др.; мужчины указали: *пьёт (водку)* (36%), *занимается литературным творчеством* (21%), *играет в баскетбол* (14%), *работает в сфере производства оружия* (14%), *рисует* (14%), *делает то же, что и все другие мужчины* (14%) и др.

Как видим, у всех опрошенных совпадает приоритетная оценка – *пьёт водку*; помимо этого женщины выделяют занятия, связанные с повышением культурного уровня (ср.: *читает, ходит на культурные мероприятия*), а мужчины – занятие литературным творчеством.

Четвёртый вопрос касался выражения лица типичного русского, и здесь наши информанты характеризовали не только собственно выражение лица, но и взгляд, и производимое впечатление. Повторились следующие ответы: *улыбка* (19), *серъёзное* (11), *приятное* (10), *весёлое* (9), *добродушное* (8), *задумчивое* (7), *строгое* (7), *взгляд проницательный* (5), *нахмуренное* (4), *весёлость, скрывающая проблемы* (4), *искренний* (3), *смешное* (2), *взгляд тёплый* (2), *взгляд сообразительный* (2), *весёлые глаза* (2), *грустное* (2), *решительное* (2), *взгляд пытливый* (2), *приветливое* (2), *несчастное* (2), *беззаботное* (2), *спокойное* (2), *довольное* (2), *обманчивое* (2). Для русской женщины указано: *улыбка* (4), *весёлое* (3), *добродушное* (3), *приятное* (2), *нежное* (2), *мягкое* (2), *холодное* (2) и др. Для всех русских, таким образом, оказываются релевантными признаки: *улыбка, весёлое, добродушное*.

Информанты-женщины дали следующие оценки выражению лица русских: *улыбка* (35%), *весёлое* (23%), *серъёзное* (21%), *добродушное* (17%), *задумчивое* (13%), *строгое* (13%), *приятное* (10%), *взгляд проницательный* (10%), *весёлость, скрывающая проблемы* (8%) и др. Информанты-мужчины отметили: *приятное* (35%), *улыбка* (29%), *строгое* (14%) и др. Как видим, мнения двух групп опрошенных по данному вопросу в целом довольно близки.

Речь типичного русского наши информанты оценивали с разных позиций, обращая внимание на её акустические характеристики (темпер голоса, регистр, громкость) и темп, на особенности артикуляции, на впечатление, производимое речью, на её правильность, а также на некоторые особенности коммуникативного поведения, в том числе на содержание разговоров и нек. др.

Повторились ответы: *быстро* (14), *громко* (12), *интересно* (5), *умно* (5), *нежно* (3), *ясно* (4), *спокойно* (3), *медленно* (3), *крикливо* (3), *красиво* (2), *тихо* (2), *взвешивая слова* (2), *по-разному в зависимости от обстоятельств* (2), *вежливо* (2), *высоким голосом* (2), *с нецензурными выражениями* (2), *понятно* (2), *непонятно* (2), *низким голосом* (2), *в раздражённом состоянии очень грубо, резко* (2). Отмечено, что у русских женщин *высокий резкий голос* (7), они говорят *ясно* (4), *быстро* (2), *громко* (2), *тихо* (2). Таким образом, по мнению наших испытуемых, русские говорят главным образом быстро, ясно, громко или тихо и высокими голосами.

Информанты-женщины, характеризуя речь русских, отмечают прежде всего темп речи, её громкость и возможности её понимания, а информанты-мужчины – содержание речи и её темп (ср. оценки женщин – *быстро* (25%), *громко* (25%), *интересно* (10%), *ясно* (8%) и др.; оценки мужчин – *умно* (35%), *быстро* (14%) и др.).

Итак, если обобщить наиболее частотные оценки, данные нашими информантами, то получится следующий образ русского: блондин, голубоглазый, румяный, красивый, со светлой кожей, скорее круглолицый, чем с лицом другого типа, высокий или среднего роста; по характеру весёлый, компанейский, трудолюбивый, умный, хороший, добрый; обычно преподаёт, читает, ходит в кино, в театр, занимается литературным творчеством, работает, встречается с друзьями; на лице улыбка, выражение лица весёлое, добродушное; говорит быстро, ясно, громко или тихо и высоким голосом.

Наиболее согласованно информанты ответили на вопросы о внешности типичного русского и о его обычных занятиях – ср.: оценки блондин, высокий дали более 50% опрошенных, а пьёт водку указали чуть меньше 50% опрошенных. Остальные ответы довольно разнообразны, причём почти по каждому вопросу есть противоречивые, взаимоисключающие, ср: блондин – *темноволосый*; *круглолицый* – с не круглым лицом; *полный* – *худой*; *красивый* – не очень красивый; *весёлый* – *меланхоличный*; *спокойный* – *вспыльчивый*, *неуравновешенный*; *вежливый*, *любезный* – *грубый*; *работает на заводе/фабрике* – преподаёт, работает адвокатом; лицо с улыбкой, весёлое, беззаботное, спокойное, довольное – *серёзное*, *грустное*, *несчастное*, *строгое*, *нахмуренное*; говорит *быстро* – *медленно*, *громко* – *тихо*, *понятно* – *непонятно*, *высоким голосом* – *низким голосом* и др.

Лишь двое из наших информантов в качестве единственных источников своих знаний и представлений о русских назвали собственное мнение; большинство указали какие-либо внешние источники: фильмы (Н. Михалкова или других российских режиссёров, российские фильмы-сказки, американские и др. фильмы) – 30 чел., литературу (в том числе произведения русских писателей: Достоевского, Чехова, Шолохова и др.) – 28 чел., личные встречи и общение с русскими (в Югославии или в России) – 20 чел., телепередачи – 13 чел., русский фольклор – 13 чел., рассказы других людей – 12 чел.; процесс учёбы – 6 чел., расхожие представления, слухи – 3 чел. и нек. др.

В ответах испытуемых можно найти и указания на определённые стереотипные мнения и представления о русских – напр.: потому что русские – европейцы; потому что русские – православные; потому что русские – славяне. Ср. также: „В нашей стране, к сожалению, говорят: „Он русский, не верь ему” (всегда, когда мы искали товарищей, помочь и что-нибудь конкретное от русских, они обманули нас)”. Кроме того, многие опрошенные исходили в своих оценках из распространённого в Югославии мнения о сходстве русских с сербами (югославами) – ср.: „У меня не было возможности познакомиться с каким-нибудь русским, но думаю, что они очень похожи на югославов...”; Мне кажется, что русские очень похожи на сербов... Я никогда не была в России...”; ср. также: „Русские по характеру очень похожи на

сербов, нас связывает та же самая „тёплая славянская душа”, которая даёт нам склонность к искусству и, возможно чрезмерную, чувствительность”.

Добавим к сказанному, что среди полученных в ходе эксперимента ответов почти нет отказов, формальных ответов или свидетельствующих о затруднении информантов. Большинство участников отвечало с явной заинтересованностью, старалось как можно яснее и полнее выразить своё отношение к русским и России. В отдельных случаях это отношение негативное, однако, чаще всего – позитивное, ср. высказывания из анкет: „Для меня русские очень хорошие, с большим славянским сердцем и душой”; „Для меня русские очень хороший и умный народ. Я бы хотела жить в России”; „Я русофил – и трудно мне объяснить, почему... Буду упорна и настойчива, и буду читать и дальше о русских, чтобы как можно больше узнать о народе, который люблю, как свой”; „Желаю всем русским лучшей жизни, мира и семейного благополучия”.

Таким образом, наш эксперимент показал наличие в сознании сербов (югославов) определённых стереотипных представлений о русских, которые существуют независимо от личного опыта контактов с ними. Эти представления не составляют устойчивого и полностью сформированного стереотипа и свидетельствуют о преобладающем позитивном отношении информантов к русским.

В заключение авторы выражают искреннюю благодарность коллеге магистру Йовану Айдуковичу за помощь в организации эксперимента, а также всем информантам за участие в нём.

Стернин И. А. Финны в восприятии русских (Экспериментальное исследование стереотипов восприятия) // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж, 2000. – С. 38–42.

Л.Шипелевич

Понятие «межкультурная коммуникация» в восприятии польских студентов-русистов

Развивающееся в последнее время сотрудничество и культурный обмен между Россией и Польшей, межвузовские связи и студенческие обмены, личные контакты студентов, изучающих русский язык, привели к тому, что на факультете прикладной лингвистики и восточнославянских филологий Варшавского университета возникла необходимость введения новой научной дисциплины - межкультурной коммуникации.

Это объясняется также и тем, что до сих пор в Польше не проводились исследования, касающиеся сравнительного анализа коммуникативного поведения поляков в соприкосновении с другими культурами, в частности с русской.

Общие сведения о национальных праздниках, традициях и обычаях, культурных событиях подаются в прессе, радио и телевидении время от времени или накануне больших торжеств в виде простой информации. Однако нет исследований научного характера, которые помогли бы лучше узнать менталитет, характер, особенности коммуникативного поведения поляков и русских, точки соприкосновения двух славянских народов и культур в процессе взаимодействия. Такие исследования помогли бы студентам русской филологии не только лучше знать язык, но и лучше понимать русскую литературу, культуру и те исторические и политические события, которые происходили в России раньше и происходят сейчас. Необходимость таких исследований подтверждает и опрос студентов-русистов третьего курса, который мы провели в 2003 году. Ставилась цель узнать:

- а) что интересует студентов в других культурах, а что раздражает;
- б) что они считают в своей культуре самым ценным и хотели бы показать другим народам для лучшего понимания своей нации.

Мы предположили, что ответы на эти вопросы позволят нам так составить программу по новому для студентов предмету «межкультурная коммуникация», чтобы она была не только интересна им, но и способствовала научным исследованиям самих студентов в области межкультурных и межличностных отношений между польским и русским народами.

Ответы студентов мы разделили на три большие группы по основным темам, которые повторялись в анкетах. Объединяющим фактором, отраженным почти в каждой анкете, было то, что студентов больше всего интересуют различия и сходства польской и других культур, причем не только в сфере общения, но и в сфере восприятия.

Первую группу студентов интересовали особенности менталитета и общения в разных ситуациях, отношение иностранцев к полякам и польской культуре, фольклор и умение вести себя в присутствии представителей другой культуры, этикетные нормы и национальные особенности характера мужчин и женщин.

В связи с этим мы решили включить в программу курса такие темы для изучения и исследования, которые отражают интересы этой группы студентов:

- а) понятие культуры,
- б) основные виды культурных норм,
- в) понятия «свой» и «чужой»,
- г) коммуникация и культура,
- д) особенности межличностной коммуникации при межкультурном общении,
- е) верbalная и неверbalная коммуникация,
- ж) понятия коммуникации и общения,
- з) особенности польской культуры с точки зрения россиян и особенности русской культуры с точки зрения поляков.

Вторая группа студентов больше всего интересовалась историческими событиями, фактами, влияющими на общение между народами и странами, интересовалась различиями статуса женщины в разных странах, влиянием религиозных обрядов и традиций на современную молодежь и их понятие о

человеческих ценностях. Для этой группы студентов темы должны быть подобраны так, чтобы затрагивали факторы формирования русской и польской культуры в географическом, историческом, религиозном и социальном плане. Кроме того, студентам предлагается исследовать понятие польского и русского национального характера на примере литератур двух народов, театральных постановок, телевизионных передач.

Третья группа студентов интересовалась возможностью совместного обучения детей иностранному языку и культуре с раннего возраста через музыку, мультфильмы, кино и театральные представления. Эта группа студентов интересуется человеком как языковой личностью и влиянием изучаемых человеком иностранных языков на его менталитет, характер и отношение к тем культурам, язык которых он изучает. Для студентов этой группы интересны будут темы, связанные с социально-психологическими аспектами межкультурной коммуникации, теорией связи языка, мышления и культуры, спецификой вербальной и невербальной коммуникации, возможности освоения чужой культуры.

Исследования в этой области помогут студентам более глубоко изучить другие предметы - такие как лингвистика, психолингвистика, методика, педагогика, польская и русская литература.

Предлагается организовывать семинары с обязательными дискуссиями студентов. Тематикой могут быть высказывания, которые они написали в своих анкетах, например: «Культура – это музыка для меня», «Для меня не имеет значения, какой национальности человек, главное – какой он, потому что, узнавая культуру другого народа, мы можем многое почерпнуть из нее», «Меня интересует все перед поездкой в другую страну: мода, этикет, повседневное общение простых людей, развлечения, театр, музыка», «Важно познакомиться ближе с менталитетом и обычаями других народов. Это поможет в общении, когда я туда поеду».

Анализируя ту часть вопроса, в которой спрашивалось о том, что раздражает студентов в других культурах, можно отметить, что ответов было гораздо меньше, чем на первую часть вопроса. Это свидетельствует о том, что студенты толерантны к другим культурам.

Больше всего раздражает их то, что очень часто культуру связывают с политикой. Кроме того, в средствах массовой информации создаются отрицательные стереотипы разных национальностей, которые влияют на отношение к соответствующим людям.

Студенты считают, что необходимо разбивать такие стереотипы, но для этого надо много работать для презентации собственной культуры. Они предлагают пропагандировать польскую культуру, показывая богатое фольклорное наследие разных народностей, населяющих Польшу: горцев, кашубов, восточных и шленских поляков. Некоторые студенты считают, что надо лучше представлять кулинарное искусство Польши, рассказывать о блюдах национальной польской кухни разных районов страны, о кулинарных традициях и забытых старых кулинарных рецептах с тем, чтобы привлечь туристов и способствовать развитию межкультурных отношений.

Предлагается создание собственных страниц в Интернете с тем, чтобы обмениваться традициями и кулинарными рецептами, исследовать факторы, влияющие на создание стереотипов и способы их преодоления, изучать и описывать национальный характер и менталитет поляков и русских, характеризовать особенности польской культуры и изучать особенности русской культуры, воспитывать в себе толерантность по отношению к разным культурам, анализировать сходство и различия в польской, русской и других культурах, изучать влияние польского и русского языков на формирование национальных характеров.

Обмен мыслями и фактами по этим вопросам поможет как студентам, так и преподавателям быть толерантными не только по отношению к другим национальностям, но и друг к другу, лучше усвоить вузовскую программу по предмету «межкультурная коммуникация», а самое главное – почерпнуть самое лучшее из других культур, представляя исследования по своей культуре.

Мы представили только одну из возможностей, как можно заинтересовать и вовлечь в исследовательскую работу по межкультурной коммуникации студентов разных курсов, изучающих русский язык. Таких возможностей может быть много и мы, преподаватели, должны вместе со студентами искать точки соприкосновения культур для лучшего понимания себя и других.

Keller J., Kotański W., Szafrański W., Szamański E., Tyloch W., Źbikowski T. Zwyczaje, obrzędy i symbole religijne. Iskry. Warszawa. 1974.

Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П.Садохина.-М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации.-М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Массовая культура на рубеже ХХ-ХХI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов / Под ред. Ю.А.Сорокина, М.Р.Желтухиной. ИЯ РАН. - М: «Азбуковник», 2003.

Языковое сознание

Влашкалич Ясмина, Войводич Дойчил

О языках, «помнящих» и «не помнящих» родства (из наблюдений над системой родства в русском и сербском языках)

Возлюби ближнего твоего, как самого себя.

Евангелие от Матфея 22: 39
(ср. Евангелие от Марка 20: 31)

Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

*Ветхий Завет Священного Писания
(2-я кн. Моисеева 20: 12)*

Кровь не вода.
Русская пословица

Ни роду, ни племени.
Русская поговорка

1. В каждом обществе испокон веков семья (обычно определяющаяся как основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью) является главным фактором продолжения человеческого рода. Кроме того, она является основой личного счастья каждого человека, так как принадлежность к семье дает и родителям и детям особое чувство индивидуальной ценности (см., в частности, [20; 21]). Также, следует отметить, что семейная жизнь в миниатюрной форме отражает менталитет любого народа.

Названия и употребление единиц – наименований родства, которые здесь рассматриваются в общих чертах на материале русского и сербского языков в сопоставительном аспекте, во многом отражают как некоторые из основных взаимоотношений в институте семьи, так и важнейшие социальные характеристики семейно-родового устройства в целом.

2. В исследованиях о системе родства и связанных с ней терминов встречаются классификации различного типа. В нашем анализе данной системы используется, главным образом, разноуровневая модель классификации, предлагаемая, например, владимирским лингвистом Н. В. Юдиной и некоторыми другими авторами. Рассматривая этот вопрос, она подчеркивает, что социальная иерархия возникла из отношений между людьми, что эти отношения усложнялись и расширялись в разных

направлениях (по линии кровных и свойственных связей, по возрасту и т.п.) и что все это создавало предпосылки для расширения системы терминов (существительных), обозначающих степени родственных отношений, т.е. такой системы, которая всегда отображает как основную дихотомию родства - кровное VS. некровное родство, так и другие, образующиеся на базе ее, генеалогические дихотомии и их подвиды (см. [24, с. 80]; ср. также [14]). Иными словами, различается родство:

2.1. Кровное (реальное), устанавливаемое в результате действительных генетических связей:

а) по прямой линии (ближайшее): рус. *мать, отец, дочь, сын* / серб. *мати, отац, кћер, син*;

б) по боковой линии (дальнейшее): рус. *сестра, брат, тетя, дядя, племянники* / серб. *сестра, брат, тетка, стриц, ујак, сестрић, братић, синовац, нећак*;

2.2. Некровное, устанавливаемое в результате юридически закрепленного брака:

а) свойственное: рус. *муж, жена, свекор, свекровь, зять, сноха* / серб. *муж, жена, свекар, свекрва, зет, снаха (снаја)*;

б) условное: рус. *отчим, мачеха* / серб. *очух, маћеха*;

в) искусственное: рус. *кум, кума, крестник* / серб. *кум, кума*.

3. Также, как это справедливо отмечает Н. В. Юдина, система терминов родства изначально оказывается своеобразным отображением социальной структуры первобытного общества, и в этом качестве она является строго организованной системой элементов, каждый из которых соотнесен с определенной социальной позицией. Полагаясь на это, такую языковую (под)систему можно понять как своего рода совокупность лингвистических фактов, свидетельствующих об исторических связях народов, с одной стороны, и о возможностях языка, с другой (см. [24, там же]; ср. также [1, с. 6-9; 14; 17, с. 131-206; 22]).

4. Анализ такой сложной системы нуждается в полиаспектном рассмотрении, учитывающем не только приведенные исходные (объективные) критерии разделения родства (кровное/некровное), но и различные социолингвистические, функционально-стилистические и другие критерии классификации данных терминов в сопоставляемых языках [24; 7; 8].

4.1. Иными словами, современные русские термины родства можно различать:

4.1.1. с точки зрения происхождения:

а) исконные: - индоевропейские (*мать, брат, дочь*)

- общесловянские (*дед, внук, жених, невестка*)

- восточнославянские – древнерусские (*дядя, племянник, падчерица*)

б) заимствованные (*кузен, кузина, пана*)

в) пришедшие из так называемого «детского языка» (*мама, тятя*)

4.1.2. с точки зрения сферы употребления:

а) общеупотребительные (*мать, отец, сестра, брат*)

б) ограниченные в территориальном или социальном отношении (*братан, мамушка, помайчина*)

4.1.3. с точки зрения активного или пассивного использования в речи:

- а) современные / устаревшие (*жена брата мужа / ятровъ*)
- б) активные (дядя, тетка, муж, жена, тест, теща, свекор, свекровь, зять, сноха)

в) пассивные (деверь, шурин, свояк, свояченица, золовка)

4.1.4. с точки зрения экспрессивно-стилистической:

дочь – дочка, доченька, дочурка

мать - мама, матушка, мамаша, маменька

4.1.5. одиночные (*сестра, брат*) и имеющие дублеты – синонимы (*отец – родитель, батя, батюшка, пана, тятя*)

4.2. Таким же образом можно рассматривать и сербские термины родства, которые тоже различаются:

4.2.1. по происхождению:

- а) исконные: - индоевропейские (*мати, отац, брат, сестра*)
 - общеславянские (*деда, унук, невеста*)
 - южнославянские (*стриц, стрина, ујак, ујна*)

б) взаимствованные (*шогор*)

в) пришедшие из так называемого «детского языка» (*мама, тата, сека, бата*)

4.2.2. по сфере употребления:

а) общеупотребительные (*мати, сестра, брат*)

б) ограниченные в территориальном или социальном отношении (*бураз, кева, ћале*)

4.2.3. по использованию в речи:

а) активные (*ујак, ујна, стриц, стрина, тетка, тетак (теча), муж, жена, таст, ташта, свекар, свекрава, зет, снаха (снаја)*)

б) пассивные (*шогор, шурак, пашеног, свастика, јетрва, заова*)

4.2.4. с точки зрения экспрессивно-стилистической:

кћи – кћер, кћерка, кћерчица

мати – мајка, мајчица, мама, мамица

4.2.5. одиночные (*сестра, брат*) и имеющие дублеты – синонимы (*отац – родитель, тата, ћале, ћаћа, баба*)

5. Русский и сербский народы и языки близкородственные, славянские. Вследствие этого их системы терминов родства сходны.

5.1. В обоих языках находим исконные термины родства, как индоевропейские (рус. *мать, отец, сын, брат* / серб. *мати, отац, син, брат*), так и общеславянские (рус. *дед, внук, бабка, невеста* / серб. *деда, унук, баба, невеста*). Также в обоих языках существуют термины, пришедшие из так называемого «детского языка» (рус. *мама, тятя* / серб. *мама, тата*);

5.2. В русском и сербском, как и во всех славянских языках, строго различаются все лица мужского и женского пола, вследствие чего существуют существительные и мужского и женского рода для каждого отношения родства (рус. *брать – сестра, племянник – племянница, родственник – родственница, внук – внучка* / серб. *брат – сестра, сестрић – сестричина, рођак – рођака, стриц – стрина, ујак – ујна, унук – унука*);

5.3. В обоих языках различаются отношения свойства (некровного родства) в зависимости от пола лица (рус. *свекор – свекровь, теща – теща, зять – сноха, деверь – головка* / серб. *свекар – свекрва, таст – ташта, зет – снаја, девер – заова*).

6. Несмотря на высокую степень сходства, каждый из сопоставляемых языков отличается специфическими свойствами терминологической системы родства.

6.1. В русском языке есть существительные (по происхождению восточнославянские), которых нет в сербском языке (*дядя, племянник*), в то время как в сербском языке существуют некоторые названия отдаленных предков и потомков, которых нет в русском языке.

Речь идет о терминах, указывающих на степень кровного родства как по восходящей линии (вплоть до десятого колена), представляющих собой предков (пращуров) и предшествующих названию *прадед* <«прадед»> (*чукундеđ, наврндеđ, аскурђел, курђел, куребал, сукурбал/сукурд, бели орао*) и *прабаба* <«прабабушка»> (*чукунбаба, наврнбаба, аскурђела/аскунђела, курђупа, куребала, сукурдача/сурдепача, бела орлица*), так и по нисходящей линии (даже до пятого колена), представляющих собой потомков, следующих за названием *праунук* <«правнук»> (*чукунунук, бела пчела*) (см., в частности, [18, с. 182]; см. также [4, с. 112], где в качестве названий самых отдаленных потомков и предков в сербском языке более подробно рассматриваются термины родства *белая пчела* и *белый орао*).

6.2. В русском языке имеются специальные термины для обозначения далеких степеней родства, напр.: *двоюродный / троюродный брат* (*двоюродная / троюродная сестра*). Соответствующие понятия в сербском языке выражаются описательно, но без указания на степени (колена) родства (напр.: *брать (сестра) от тетки, брат (сестра) от стрица, брат (сестра) от ујака*), вследствие чего для уточнения приходится прибегать к расширению (лексическому наполнению) приведенных конструкций, напр.: *брать от рођене тетке* (букв. *«брать по родной тетке», т.е. «брать, являющийся сыном сестры отца или матери»), или *баба тетка* («тетка отца», т.е. «сестра деда или бабушки») и т.п.

6.3. В сербском языке имеются специальные термины для обозначения разных отношений родства, которые в русском языке не различаются: серб. *стриц* = «брать отца», *ујак* = «брать матери», *тетак (теча)* = «муж тетки» / рус. *дядя*; серб. *тетка* = «сестра матери или отца», *стрина* = «жена брата отца», *ујна* = «жена брата матери» / рус. *тетка*; серб. *сестрић (нећак)* = «сын сестры», *братић (братанац, синовац)* = «сын брата» / рус. *племянник*;

6.4. В конце этого краткого перечня различий между двумя сопоставляемыми языками отметим, что терминологическая система родства в сербском языке является более дифференциированной и прозрачной, чем в русском языке, так как сербский язык, в сопоставлении с русским, сохранил более разветвленную систему названий родственных отношений, как по прямой (белая пчела ← чукунунук ← праунук ← унук ← сын ← отец → дед → прадед → чукундеđ → наврндеđ → аскурђел → курђел → куребал → сукурбал → белый орао), так и по боковой линии (ујак - *стриц*, ујна - *стрина* и др.).

На наш взгляд, это связано с особыми общественно-историческими условиями, в которых жили южные славяне, в первую очередь сербы. Вследствие радикальных общественно-политических изменений в течение своей истории, они подверглись сильному влиянию других народов, религий и культур. Они, как известно, в ходе исторических событий были расчленены завоевателями на три группы - православные, католики и мусульмане. Чтобы сохранить (очень часто втайне) свое происхождение и чтобы как можно правильнее соблюдать некоторые обычаи и законы (касающиеся, в первую очередь, женитьбы и замужества, особенно те которые запрещают заключение брака между близкими родственниками), они старались сохранить достаточно разветвленную систему родственных отношений, нашедших соответствующее терминологическое отражение в языке.¹

6.5. В связи с этим добавим, что сербы, как и почти все народы в мире, хорошо знают, что несоблюдение данных законов, особенно когда речь идет о запрещении заключения брака между близкими - двоюродными, троюродными и т.п. - родственниками (что, в принципе, соответствует 7-й заповеди Ветхого Завета: «не прелюбодействуй» – 2-я кн. Моисеева 20: 14), может привести к чрезвычайно нежелательным последствиям, угрожающим физическому и психическому здоровью их потомков, как в близком, так и в отдаленном будущем, что впоследствии может закончиться непролонгированием рода, а иногда даже полным вымиранием определенного селения.

6.5.1. В качестве иллюстрации упомянутых негативных последствий может послужить, например, население небольшого острова Сусак в северной части Адриатического моря (бывшая СФРЮ, теперь Республика Хорватия), где по причине длительной физической изоляции от населения остальных островов и побережья, а также из-за желания сохранить семейное наследство, жителям (как в прошлом и многим знатным слоям общества, особенно дворянам и помещикам в Западной Европе) очень часто приходилось заниматься кровосмесением, вследствие чего, селение выродилось: большинство жителей острова рождается умственно отсталыми или со временем (во многих случаях даже с детства) становится психически больными и наполовину уже вымерло, причем этот процесс постепенного самоуничтожения ускоряется.

Несмотря на то, что такие крайности не встречаются на остальных, островах или в прибрежной зоне Адриатики, тем не менее в языке заселяющих в настоящее время эту территорию южных славян, называющих себя хорватами, отмечаются некоторые особенности терминологической системы родства, отличающейся, допустим, от терминологии родства соседнего южнославянского (по этническому происхождению преимущественно сербского) - хорватского (католи-ческого), сербского (православного) и босняцкого² (мусульманского) - населения, в основе языка которого лежит

¹ Но следует отметить, что в настоящее время данная разветвленность системы терминов родства все больше сокращается и упрощается (особенно среди городского населения), и в полном объеме сейчас встречается очень редко.

² Прил. боснийский (серб. бошњачки) происходит от слов *босняк* / *босняки* (самоназв. *бошњак* / *бошњаци*) и не обозначает жителей Боснии и

штокавский (название от вопросительного местоимения *што* <«что»>) диалект.

Так, например, в этой области (заселяемой в прошлом «этническими» хорватами, говорящими на чакавском (название от вопросительного местоимения *ча* <«что»>) диалекте, а в настоящее время, наряду с ними, и штокавским хорватским населением (по этническому происхождению сербским) разветвленная терминологическая система родства, характерная для сербско-хорватского этнолингвистического ареала в глубине материковой части Балкан, давно перестала использоваться.

Отдельные названия, обозначающие родственников по боковой (непрямой) линии (типа *стриц/стрина* - «брать отца/его жена» («дядя/тетка»); *ујак/ујна* - «брать матери/его жена» («дядя/тетка»); *тетка/тетак* - «сестра отца или матери/ее муж» («тетка/дядя»); *браћа/сестре од стрица (ујака, тетке)* - «двоюродные/троюродные братья/сестры»), исчезли, а вместо них используются более простые, по происхождению даже не всегда славянские (ср. *barba* (от итал. букв. «борода») - «брать отца/матери» или «муж сестры отца/матери»; *tetka (teta)* - «сестра отца/матери» или «жена брата отца/матери»; *rodak / rodica (rodaka) / rodaci* (букв. «родственник/родственница/родственники») - «двоюродные братья/сестры», а очень часто и все предыдущие непрямые отношения родства).

Добавим, что бросается в глаза и тот факт, что «островитяне» троюродных родственников, как правило, уже не считают родственниками, и что у них, в отличие от славянского населения на материке, не поддерживаются близкие родственные отношения, а наоборот - принято сохранять отношения на расстоянии, наподобие соседских, о чем наглядно свидетельствует приведенный сегмент соответствующей терминологии родства.

Можно предположить, что сохранению «прочных» родственных отношений у сербов, помимо соблюдения общизвестного закона о запрещении заключения брака между кровными родственниками, способствовала, в частности, и их православная вера, а также и некоторые правила, связанные с данной верой, как, например, соблюдение правила (обычая), по которому нельзя вступать в брак в случаях, когда семьи потенциальных жениха и невесты отмечают один и тот же семейный (церковный) праздник (напр. христианские праздники святых Николая, Иоанна, Георгия и т.д.).

Это связано с поверью, что может оказаться, что они являются кровными родственниками (предки которых когда-то в прошлом, вследствие различных обстоятельств, прервали принятый порядок этнокультурных и этикетных форм родственных взаимоотношений, не сохранив и не передав потомкам память о

Герцеговины, которых издревле часто (а сегодня реже) называют *боснийцами* (серб. *босанац / босанци*); в обстановке, возникшей в результате вспыхнувшей на территории бывшей СФРЮ гражданской войны 1991-95 гг, это относится лишь к одной национальности – к славянам-мусульман, бытующим на этом пространстве.

своем родословии). На это опосредованно указывает именно данный праздник, на который собирались все родственники, при помощи которого сохранялся основной принцип православной (особенно сербской) церкви – «соборность» (серб. *саборност*) (ср. отражение данного принципа в названиях, обозначающих «церковь» («храм») и «съезд», в рус. (*собор*) и в серб. (*саборна црква; сабор*)).

Напомним, что такой семейный праздник (серб. *круна слава*) издревле характерен только для сербов, являющихся православными, но следует добавить, что он встречается и у некоторых хорватов-католиков (особенно в Далмации), в то время как у многих славян-мусульман (особенно у тех, которые проживают в Черногории и Рацкой области в Сербии) сохранилась память о нем, что посредственным образом указывает на их сербское и православное происхождение.

О том, что православные сербы (особенно в XVII-XIX вв.) принимали другое вероисповедание - либо исламское, либо католическое – отмечается и в некоторых произведениях сербских писателей, как, например, в «Горном венке» П.П. Негоша (где воспета ожесточенная, до взаимоистребления, борьба (в XVIII веке) племен православных сербов-черногорцев с одноплеменниками, принявшими ислам, или в рассказе «Пилипенда» С. Матавуля (где описана совместная жизнь православных сербов и сербов только что принявших католическое вероисповедание в Далмации в XIX в. В нем особенно ярко выражено чрезвычайно высокое сознание простого, живущего в полной бедноте, крестьянина о значении православной веры, достоинствах, чести и других духовных и нравственных ценностях и их превосходстве над материальными интересами и ценностями, предлагаемыми ему царской (габсбургской) властью и католической церковью).

Отметим, что процесс принятия чужой веры продолжался и в течение XX века, в первую очередь во время трагических событий во время Второй мировой войны и последней войны, вспыхнувшей в 1991-95 гг. в бывшей СФРЮ, когда сербское население, особенно в Хорватии, было подвергнуто различным репрессиям и давлению. На наш взгляд, принятие чужой веры и постепенное забвение собственного этнического происхождения способствовали, в частности, изменению (упрощению) системы родства и ее лексическому обеднению в языке нынешних хорватов-католиков сербского православного происхождения.

Это характерно, в первую очередь, для тех южных славян (сербов и хорватов), которые веками живут на азиатических островах, по сути дела, отдельно и далеко от другого, по этническому происхождению самого близкого им славянского населения на материке, т.е. без возможности контакта с ним.

Известно также, что славяне, проживающие на островах, были в течение многих столетий под властью государств (сначала Венеции и, потом, Австрии), в которых культурные и религиозные концепты и общественные правила нравственного поведения, духовный и материальный образ жизни в целом создавались привилегированным – сначала романским, потом германским – населением, отличающимся упрощенной и относительно

непрозрачной системой родства, которую постепенно, вследствие, прежде всего, принятия (либо добровольного, либо насильного) католического вероисповедания, принимало и славянское население. Об этом в настоящее время, в частности, наглядно свидетельствует и языковая картина данной системы (о причинах и последствиях «униатства» и насильного принятия католического вероисповедания у сербов см., в частности, [6]).

Однако следует добавить, что у славян-мусульман (т.е. у босняков) также, как и у всех сербов (православных), и у подавляющего большинства хорватов (католиков) «штокавского» происхождения (преимущественно у тех, которые, как и сербы и босняки, проживают во внутренней части Балканского полуострова), сохранилась разветвленная система родства.

Отличительной чертой этой системы является использование заимствований из турецкого языка, отличающегося также, как и сербский, разветвленной системой терминов родства; ср., напр.: *бабо/баба* («отец»; «отчим»; «дед»; «свекор»; «тестя»), *ама/хама* («мать»), *буразер* («брать»), *бика* («дочь»; «мать»), *амица* («дядя по отцу»), *даица* («дядя по матери»), *ала/хала* («тетка <чаще всего по отцу>»; «жена дяди»), *теза* («тетка <чаще всего по матери>») и т.д. (подробнее об этом см. [2, с. 204,3]).

Таким образом, влияние турецкого языка, в том числе и его системы терминов родства, способствовало сохранению родственных отношений у этой части южнославянского населения, что, конечно, отразилось и на терминологической системе родства, которая, как и в прошлом (в то время, когда предки нынешних славян-мусульман были православными, соответственно сербами), осталась, по сути дела, ненарушенной и почти такой же разветвленной, как и у православных сербов.

Можно предположить, что предки народов с данным типом системы родства, по всей вероятности, жили в больших семействах. Известно, например, что именно такие большие семейства существовали вплоть до середины XX века на Балканах, в том числе и среди сербского населения, где данный вид семейства называли либо *братство* («содружество, представляющее собой группу членов племени, связанных кровным родством», которое было характерно больше всего для Черногории и с которым, в частности, был связан «закон кровной мести»¹, т.е. совершение убийства в отмещение за убитого родственника), либо *задруга* («семейная община из нескольких поколений потомков одного отца с их женами и детьми, где хозяйство и потребление были общими» [21]; ср. рус. устар. *задруга*; ср. также соответствующее название иноязычного (греч.) происхождения *патронимия*).

В отличие от внутренней части Балкан, совсем недалеко, на Адриатических островах, т.е. по соседству с православными сербами, проживают южные

¹ Добавим, что кровная месть не встречается больше у славянских народов; она – в качестве института «смертной казни» - все еще существует у некоторых других народов, напр., у кавказских и албанских (особенно в северной части Албании) племен.

славяне-католики, называющие себя хорватами (хотя большинство из них, как и «материковое» хорватское (католическое) население, если судить по их языку и обычаям, этнолингвистически, вероятно, принадлежат к той же славянской народности (этносу), к которой принадлежат и сербы)¹, живущие уже в течение долгого времени в небольших семьях, так как у них установлено, что сыновья сразу после женитьбы должны жить отдельно от родителей.

Это, вероятно, сформировалось в давнюю эпоху под влиянием более богатого романского населения, проживавшего рядом с ними, от которого они, в частности, приняли упрощенную, очень суженную и недифференцированную систему терминов родства (особенно по боковой линии), многие слова которой отличаются многозначностью (ср., напр., [2, с. 204]). Следовательно, на островах прочные родственные отношения не могли сохраниться между членами семьи, так как каждая новообразовавшаяся «семья» имела свои собственные материальные интересы, не соответствующие общим интересам более широкого семейства, которому она формально, на основании кровного родства, принадлежала. Вследствие этого, благодаря именно материальным расчетам, родственные связи стали менее обязательными и более «эластичными», в результате чего боковые ветви рода сокращались, что впоследствии отразилось и на языке этого славянского населения. В первую очередь, упростилась его терминологическая система родства, которая стала более обобщенной и недифференцированной, чем системы родства в русском или, даже, в западноевропейских языках.

Следует добавить, что в современную эпоху у большинства народов, в том числе и у славянских, происходит ослабление родственных связей. Это ослабление отмечается и у «материкового» южнославянского (сербского, хорватского, мусульманского) населения. В первую очередь, в ситуациях, когда, как и у многих других народов, очень близкие и любящие друг друга члены семьи должны расстаться – к примеру, когда дети женятся или выходят замуж, они начинают, как правило, жить отдельно, и постепенно становятся далекими друг другу. Такое ослабление, а часто и прекращение родственных отношений, особенно ярко проявляется в городской среде, которая в большей мере, чем сельская, способствует изолированной жизни членов семьи, несмотря на их степень родства – либо по прямой, либо по боковой линии.

Данный процесс сокращения боковых ветвей рода и развития дистантных взаимоотношений между родственниками можно в последние годы (начиная с 1991 г.) наблюдать среди сербов-беженцев из Хорватии и Боснии и Герцеговины, а в последнее время (с 1999 г.) и среди беженцев из сербского автономного края Косово и Метохия, которые, покинув не по своей воле родной край и оказавшись в Сербии и Черногории, т.е. в стране с несколько

¹ Об этнолингвистическом характере и этнокультурной эволюции южнославянского (сербского и хорватского) населения, бытующего на Балканах и Адриатике, подробнее см. (статьи О. А. Акимовой, Е. П. Наумого и Н. И. Толстого) [16, с. 94-164].

другими, для них все-таки непривычными обычаями, постепенно отдаляются друг от друга.

Это особенно заметно в случаях, когда беженцы (двоюродные и троюродные родственники), проживавшие еще совсем недавно в тесных родственных отношениях рядом друг с другом в одной и той же деревне или поселке, оказываются в городской среде, где они очень часто живут отдельно (или даже в разных городах) и где встречаются редко, чаще всего случайно на улице или рынке (на котором многие из них торгуют, хотя раньше этим никогда не занимались). Непривычная жизнь в городе заставляет их направлять все свои усилия на то, чтобы выжить и материально обеспечить семью, что способствует их самоизоляции и все большему отдалению друг от друга; они только изредка «сближаются» - на похоронах, когда собираются как близкие и дальние родственники, так и их бывшие соседи.

Можно предположить, что изоляция (особенно в городах) членов современного сербского семейства приведет не только к их дистантным взаимоотношениям, к ослаблению родственных - как прямых, так и косвенных - связей, но и к изменению отражающей эти связи языковой картины в целом, в первую очередь, к упрощению и сужению существующей разветвленной системы терминов родства.

7. Сказанное подтверждает, что система родства, как и любая система, представляет собой совокупность единиц, в которой каждая единица определяется (т.е. получает свою качественную определенность) всеми остальными единицами. Об этом наглядно говорит отражающая в языке суть родственных отношений русская пословица *Без племянников человек не дядя*, которую, например, М. В. Панов (Современный русский язык. Фонетика. М., 1979, с. 6) использовал в качестве метафорического определения и объяснения языковой системы знаков. Она в переносном смысле говорит о том, что любая система, в том числе и система (терминов) родства, состоит из «племянников» и «дядей», т.е. из взаимоопределяющихся единиц, без которых данная системность немыслима. Ср. напр., подсистемы отношений по восходящей и нисходящей линиям родства, в которых единицы («племянники» и «дяди») определены друг другом: *внук ← сын ← отец ← дед // дед → отец → сын → внук*.

На упомянутую системность терминов родства указывают и некоторые типичные национальные особенности русской речевой культуры. Речь идет об использовании, наряду с личными именами, отчества, с помощью которого можно, в частности, узнать о кровном происхождении (по прямой линии) его носителя; ср. напр.: *Милости просим, батюшка Алексей Степаныч и матушка Софья Николаевна!* (С. Т. Аксаков).

На Руси подобное обращение (по имени и отчеству) издревле использовалось как в качестве удобного в употреблении вежливого обращения к собеседнику, так и в качестве кодифицированного идентификационного средства, которое, к сожалению, в последнее время, особенно у представителей более молодого поколения, все меньше употребляется [9; 10].

На значение родства посредственно указывает заимствованное из латинского языка название *фамилия* в русском языке; в латинском и многих

других языках (в том числе и в сербском - наряду с существительным *породица*) это существительное (лат. *familia*) используется в значении «семья». Насколько употребление отчества (и вместе с ним фамилии) было важно в русской речевой культуре говорит и поговорка: *Иван, родства не помнят* (о людях без всяких традиций, ко всему равнодушных). Это выражение пошло от бежавших с категорией людей, которые, скрывая от всех, в первую очередь от полиции, свое прошлое, очень часто называли себя «Иванами» и которые на вопросы о родичах отвечали, что «родства своего они не помнят» [23, с. 98].

Патронимические формы используются и у других народов, но почти никогда - так, как в русском языке, в качестве обращения к собеседнику. Иными словами, они, как правило, используются участниками коммуникативной ситуации при их знакомстве (представлении), особенно при уточнении их идентификации (ср. серб., где отчество формально совпадает с большинством русских фамилий, а форма фамилии с русской формой отчества м. р.: *Ja сам Павле Петров / Ja сам Павле Петра Јовановића* - «Меня зовут Павел Петрович / Меня зовут Павел Петрович Иванов», а также как ответ на вопрос «Чей ты?» (ср. серб. *Чији су? - Петров / Син Петра Јовановића*), или в некоторых других ситуациях (как, например, у сербов, в официальных (письменных) призывах в армию, когда личное имя отца (в форме род. пад.) вставляется между фамилией и именем адресата: *Јовановић Павла Петар*) и т.п.

В Черногории было издревле принято при знакомстве (в разговорной речи) спрашивать у собеседника, кто он по происхождению (т.е. какому «роду и племени» принадлежит). Для этого используется выражение (вопрос) *Чеговића (су)?* (в значении «чей ты?»), напоминающее модели сербских фамилий, заканчивающихся на суффикс *-ић* (ср. рус. суффикс - *(ов)ич*, на который заканчиваются отчества м. р.; ср. также (из русской народной песни) *С какого ты села-города и какого отца-матери?*).

8. Добавим, что существительные, обозначающие отношения родства, представляют собой определенную систему, отражающую социальную структуру общества. Эта система является результатом длительного развития не только человеческой культуры и языка в целом, но и каждой национальной культуры и языка в частности. Иными словами, родственные отношения всегда у всех народов, в том числе и у славян, имели весьма важное место в повседневной жизни и общении.

В качестве иллюстрации хороших, прочных, искренних и преданных родственных отношений между членами семьи (особенно между братьями и сестрами) могут, в частности, послужить и различные жанры литературного творчества, в том числе и былины (ср., например, фрагмент из сербской былины *Царь Лазарь и царица Милица*, где выделяются обращения-просьбы царицы Милицы к братьям (особенно к самому младшему и ею самому любимому), уходившим на войну с турками, оставаться хотя бы одному из них в кругу семьи, чтобы она могла его именем клясться) или народные сказки (ср., например, русскую сказку *Сестрица Аленушка и братец Иванушка*, где показана сила огромной и нежной взаимной любви между братом и сестрой,

которая, в свою очередь, даже приносит себя в жертву (выходит замуж), чтобы спасти любимого брата).

Эти жемчужины народного творчества могли появиться только благодаря прочным родственным отношениям, которые в «оное» время представляли один из основных факторов физического существования и продолжения рода, а также сохранения духовного наследия и семьи в целом. Наверное, в отличие от той эпохи, когда родственники между собой были не только физически (в одном семействе), но и духовно очень близки, в современную эпоху вряд ли можно было бы создать произведения на данную тему с таким оригинальным поэтическим выражением и проявлением необыкновенной силы чувства любви, так как в настоящее время родственные отношения, преимущественно из-за индивидуализации материальных интересов, все больше дестабилизируются и становятся более далекими.

Эти отношения отражаются и в поговорках и пословицах, отражающих собой языковую картину каждого народа. Ср. следующие примеры (почерпнутые из [5; 12; 15; 19] и, в особенности, из [13] и [11]) в русском языке и их эквиваленты в сербском: *Кровь не вода* (*Крв није вода*); *У него ни роду, ни племени* (*Он је без где иког свог*); *Брат брату сосед* (*Браћа подијељена сусједи назвати*); *Дитя не заплачет - мать не знает* (*Док дијете не заплаче, мајти се не сјећа*); *Каков дуб, таков и клин, каков батька, таков и сын* (*Каква врба, такав клин, какав отац, такав син*); *По матери дочка* (*Каква мајка онака и ћерка*); *Дочку сватать - за матушкой волочиться* (*Ко ћер хоће да добије матери ваља да се умиљава*); *Ни в сыворотке сметаны, ни в зяте племени* (*Ни од зета син, ни од врбе клин*); *Брат – брат, сват – сват, а денежки не родня* (*Ако смо и браћа, нијесу нам кесе сестре*); *Хоть лыкамы сшит, да муж* (*Муж је муж, макар био као пуж*); *Муж да жена – одна сатана* (*Свака жена на свог мужа налик*).

О значении родственных отношений говорит и метафорическое употребление иной лексики, не принадлежащей терминам родства и представляющей, таким образом их синонимы; ср., напр., употребление слов *конь* в русских и *пань* («пень») в сербских пословицах (в значении «отец»; «глава семьи»): *Без старого коня огнище сиротой* (*Без стара паня сирото огњиште = «Без старого пня...»*).

Известны и примеры противоположного типа - метафорическое употребление терминов родства, напр., в значении «источника чего-нибудь»: *Лень - мать всех пороков* (*Бесспосленост је мајка свих зала*), или в значении «сходства»/«несходства»: *Иному судьба мать, иному мачеха* (*Некоме мајка, а некоме маћеха*) / *Голод не тетка, брюхо не лукошко*, или в значении «отождествления»: *Посулленное данному брат* и т.п.

Родственные отношения всегда занимали важное место и в художественной литературе, в которой очень часто отражаются и отдельные библейские мотивы, связанные, в первую очередь, с установлением (предписанием) правил и норм религиозно-нравственного поведения для членов любой семьи, где соблюдение этих правил и норм и сохранение соответствующих родственных (взаимо)отношений играет весьма значительную роль в повседневной жизни каждого человека. Ср., например,

некоторые произведения русских и сербских писателей: «Отцы и дети» И. С. Тургенева, «Семейная хроника» С. Т. Аксакова, «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, «Дурная кровь» Б. Станковича, «Корни» Д. Чосича и др.), о чем наглядно говорят и процитированные в начале работы библейские заповеди (Ветхозаветная 5-я заповедь Божественного Закона и Новозаветная 2-я заповедь), а также все вышеприведенные пословицы и поговорки.

9. В заключение отметим, что для психофизического, духовного, морального здоровья каждого человека, его семьи и народа, а также и общества в целом очень важным является сохранение и развитие стабильных родственных отношений, что подразумевает полное соблюдение издревле установленных и опытом народа проверенных форм образа жизни и взаимоотношений как в кругу собственной семьи, так и в кругу более широкого семейно-родового устройства.

Именно полное уважение собственной родословной и всех обычаев и правил поведения, связанных с ней, должно найти отражение и в языке, т.е. в его стабильной терминологической системе родства. Это, в свою очередь, будет способствовать улучшению и укреплению любых семейных и других родственных отношений, как по кровным (прямым и боковым, восходящим и нисходящим), так и некровным (свойственным, условным и т.п.) линиям родства.

Добавим, что данный сегмент языковой системы следует всегда беречь, особенно от различных деструктивных экстралингвистических влияний, так как он (наряду с речевым этикетом, обращениями и подобными универсализированными средствами, представляющими собой «презентабельную» часть языковой картины любого языка-народа) является одной из самых существенных идентификационных характеристик каждого народа и его языка, в том числе русского и сербского.

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
2. Бјелетић М. Терминологија крвног сродства у српскохрватском језику // Јужнословенски филолог, L, 1994.
3. Bjeletić M. Turcizmi u srpskohrvatskoj terminologiji srodstva // Јужнословенски филолог, LI, 1995.
4. Бјелетић М. Беле пчеле // Кодови словенских култура, бр. 6, 2001.
5. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2002.
6. Борак С. Срби католици. Нови Сад-Београд, 1998.
7. Влашакалич Я. Русская языковая картина отношений родства в сопоставлении с сербской // Антропоцентристические парадигмы современной филологии. [Межвузовская студенческая конференция, Уфа, 26 апреля 2002 г.] Тезисы докладов. Уфа, 2002.
8. Влашакалич Я. Русские и сербские термины родства в сопоставительном аспекте // Русское слово в мировой культуре. [= X Kongress МАПРЯЛ, Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г.] Доклады. СПб., 2003 [в печати].

9. Войводич Д. О русском «языковом вкусе эпохи» через призму вокативных обращений // Зборник Матице српске за славистику, књ. 64 (2003) [в печати].
10. Войводич Д. О языковой картине социокультурной (само)идентификации русских // Русское слово в мировой культуре. [= X Kongress МАПРЯЛ, Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г.] Доклады. СПб., 2003 [в печати].
11. Гильотен Ж. Ж. Српскохрватско-руски паремиолошки речник // Славистички зборник, № 2: Вук и словенске културе. Београд, 1987.
12. Даљ В. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I-IV. М., 1978-1980.
13. Даљ В. Пословицы русского народа, тт. I-III. М., 1994.
14. Калужин Л. А., Скороходъко Э. Ф. Некоторые замечания о лексической семантике (на материале терминологии родства и свойства) // Исследования по структурной типологии / Отв. ред. Т. Н. Молошная. М. 1963.
15. Карапић В. С. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Београд, 1935.
16. Литаврин Г. Г., Иванов Вяч. Вс. (отв. ред.). Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.
17. Лопатин В. В., Плотникова В. А. и др. Слово и грамматические законы языка: Имя. М., 1989.
18. Митровић Ј. Д. Називи за степене потомака и предака код Срба // Гласник Етнографског музеја, бр. 49, 1985.
19. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1968.
20. Рот Н. Основи социјалне психологије. Београд, 1994.
21. Советский энциклопедический словарь. М., 1987.
22. Трубачев О.Н. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства // Вопросы языкоznания, № 2, 1957.
23. Успенский Л. В. Слово о словах. Ты и твое имя. Л., 1962.
24. Юдина Н.В. Система терминов родства как часть русской ментальности (прошлое и настоящее) // Русский язык: исторические судьбы и современность. [Международный конгресс исследователей русского языка, Москва, 13-16 марта 2001 г.] Труды и материалы. М., 2001.

О.Н.Чарыкова

Отражение коммуникативной ситуации «конфликт» в русской фразеологии

Ситуация конфликтного общения является релевантной для коммуникативного сознания народа, что обуславливает широкую представленность в языке средств ее репрезентации.

В русском языке, помимо собственно лексических средств номинации конфликтного общения, широко используются фразеологические единицы. Фразеологический словарь русского языка под редакцией А.И. Молоткова включает в себя 254 фразеологизма, объединенных семантическим компонентом «конфликтная ситуация». Представляется интересным

определить их специфику в языковом и коммуникативном сознании русского народа, проведя анализ по следующим параметрам: 1. грамматические характеристики данной группы фразеологизмов; 2. генетические (семантико-исторические) особенности; 3. специфические черты презентации конфликта в русском коммуникативном сознании.

В плане грамматических характеристик фразеологизмы исследуемой группы отличаются структурным многообразием, поскольку отражают всё разнообразие свободных словосочетаний непредикативного и предикативного характера, подвергшихся процессу фразеологизации. Например: *мутить воду, загребать жар чужими руками*.

Самым многочисленным и продуктивным разрядом являются глагольные фразеологизмы различной структуры. Менее распространенный тип составляют именные фразеологические единицы, образованные из сочетания существительного в именительном падеже с другим существительным в косвенном падеже (с предлогом или без него): *избжение младенцев, козёл отпущения, яблоко раздора* и др.

Более или менее чётко в структурном отношении выделяются группы наречных фразеологизмов. Важно отметить, что наречные фразеологизмы употребляются только при ограниченном числе глаголов-сопроводителей, что еще раз подчеркивает основную роль глагола в представленной группе фразеологических единиц. Среди наречных фразеологизмов выделяются следующие структурные типы:

1. наречные фразесоединения, образованные из сочетания прилагательных, определительных местоимений, числительных с именем существительным в косвенном падеже (с предлогом или без него). В составе такого рода фразеологизмов отчетливо выделяется опорный компонент, выраженный именем существительным: *кричать, реветь благим матом, гнуть в три погибели, гнать в три шеи*;

2. наречные фразеологизмы, представляющие собой различного рода конструкции из имен существительных с предлогом: *вооружён до зубов, ходить стенка на стенку*;

3. редкие фразеологизмы, возникшие в результате переосмыслиния придаточной части сложного предложения: *ругать на чем свет стоит, загнать куда Макар телят не гонял*.

Особую структуру имеют фразеологизмы, представляющие собой сравнительный оборот. Наиболее многочисленными являются фразесоединения типа «как (словно, точно) + имя существительное в именительном падеже + существительное в косвенных падежах с предлогом или без предлога»: *надулся как мышь на крупу, боится как чёрт ладана, как бельмо на глазу, как пауки в банке*. Менее распространены словесоединения типа «как (словно, точно) + согласованное определение + существительное в именительном падеже»: *как горькая редька, как банный лист*.

Наречные фразеологизмы употребляются в качестве разного рода обстоятельств (чаще всего обстоятельств меры и степени и образа действия). Синтаксическая функция указанных фразеологизмов задана системой языка, поскольку глаголы-сопроводители вместе с сопровождаемыми

фразеологизмами составляют единицу более или менее постоянного контекста, элементы которого распределяются в предложении следующим образом: глагол употребляется в качестве сказуемого, а примыкающие к нему фразеологизмы – в роли обстоятельств.

Столь высокая активность глагола в структуре исследуемой группы фразеологизмов, вероятно, обусловлена спецификой отражения конфликтной ситуации в коммуникативном сознании, где ситуация конфликта репрезентируется через действие или отношение.

В аспекте лексико-семантических характеристик обращает на себя внимание значительное число фразеологических единиц, включающих в свой состав соматизмы. В рамках исследуемого материала соматические фразеологизмы составляют более трети его объема и самой многочисленной группой среди них являются фразеосочетания с лексемой «рука»: *накладывать руку, связывать по рукам и ногам, поднимать руку (на кого-то), давать по рукам, давать волну рукам, под горячую (сердитую) руку и др.*

Однаковой степенью частотности характеризуются лексемы: «нога» - *наступать на ногу (кому-то), выбивать почву из-под ног, ни ногой (к кому, куда), уносить ноги и т.д.; «сердце (душа)» – держать сердце (на кого-либо), вытягивать всю душу (из кого), плевать в душу и др.; «голова» - снять голову (с кого), выдавать с головой (кого), выбивать дурь из головы и др.; «горло (глотка)» - затыкать глотку, наступать на горло, становиться поперёк горла, брать за горло и др.*

Несколько меньшей степенью частотности характеризуются такие лексемы, как «глаза» - плевать в глаза, колоть глаза, тыкать в глаза, мозолить глаза, глаза бы мои не глядели (видали); «нос» - совать свой нос (куда, во что), тыкать носом (кого, во что), воротить нос, утереть нос; «язык» - чесать языки (о ком), наступать на язык (кому), укоротить языки, связывать язык; «зуб» - зуб за зуб, попадать на зубок, иметь зуб (на кого, против кого), поломать зубы (на ком, на чем).

В составе рассматриваемых фразеологизмов используются также следующие соматизмы: «бок (спина)» - брать за бока, намять бока, нож в спину; «нервы» - трепать (портить) нервы, играть на нервах; «палец» - пальца в рот не клади, показывать пальцем; «шея» - свернуть шею, в три шеи (гнать), наломать шею (кому); «кровь» - портить кровь (кому), пить кровь, кровь за кровь; «кишки» - выпустить кишки; «печень» - сидеть в печёнках; «мозоль» - наступать на мозоль; «мозг» - вправлять мозги; «жила» - тянуть жилы (из кого); «рот» - затыкать (зажимать) рот.

Степень частотности того или иного соматизма в составе фразеологических единиц, по-видимому, обусловлена степенью значимости называемого этой единицей органа, важностью его функций в репрезентируемой ситуации.

Большое количество фразеологизмов с соматическим компонентом свидетельствует о том, что в коммуникативном сознании русского народа конфликтная ситуация сопрягается с физическим или моральным (которое тоже осмысливается через конкретно-чувственные параметры) воздействием на тело человека в разных его частях с причинением неприятных ощущений, то

есть словосочетания подобного типа так или иначе указывают на человека, который является субъектом или объектом конфликтного действия.

Кроме соматических, в рамках рассматриваемой группы представлено значительное количество фразеологизмов, которые тоже репрезентируют агрессивные действия одного субъекта (или субъектов) по отношению к другому (другим). Например: *бросать камнем (в кого), втаптывать в грязь, вставлять палки в колеса, гнуть в бараний рог, гнуть в три погибели, давать по шапке, не давать прохода, не давать шагу сделать, забрасывать камнями, закрывать двери дома (перед кем), заступать дорогу, обливать грязью, отказывать от дома, сажать в лужу, срывать маску, становиться поперёк дороги, стоять на пути (у кого), указывать на дверь, шапками закидаem.*

Некоторая часть фразеологизмов исследуемой группы связана с наблюдением над животными, с конфликтами в их среде, их реакциями на какие-то негативные явления или агрессивными действиями человека по отношению к животным: *жить как кошка с собакой, закусывать удила, точить зубы (на кого), пух и перья летят (от кого), становиться на дыбы, с цепи сорваться; прижимать хвост (кому), в хвост и в гриб, драть как сидорову козу, гладить против шерсти, обломать рога (кому), спустить шкуру, подрезать крылья, гусей дразнить.*

Образование данных фразеологизмов обусловлено тем, что словосочетания, называющие конкретные физические действия в силу своей повторяемости в однотипных ситуациях, связанных с конфликтом, постепенно приобретают в коммуникативном сознании народа характер знака конфликтной ситуации.

Специфика фразеологии такова, что, даже изучая ее единицы в синхронном плане, невозможно не исходить из генетического источника – свободного сочетания. Это обуславливает необходимость исторического подхода к фразеологическим явлениям. Так, образование многих фразеологизмов, обозначающих конфликт, связано с образным переосмысливанием ситуаций трудовой деятельности, связанных с определённой профессией, военным или морским делом. Например: *дать урок, склонять во всех падежах, подносить пилюлю, стереть в порошок, проглотить пилюлю, сводить счёты, выводить в расход, поймать на удочку, устраивать сцену, подкручивать гайки, разделять под орех, довести до белого каления.* Интересно отметить, что все указанные словосочетания в их буквальном значении передают процесс воздействия на объект, дающий основания для его отрицательной коннотации в языковом сознании. Именно отрицательная коннотация процесса становится основой фразеологического переосмысливания подобных единиц в языке для обозначения конфликтной ситуации.

Этот же фактор – отрицательная коннотация в народном языковом сознании действия, процесса или явления – становится причиной фразеологизации словосочетаний, происхождение которых связано: с суевериями и различными обрядами (*перемывать косточки, выносить сор из избы, выбивать осиновый кол, пить кровь, черная кошка пробежала, ни дна ни покрышки*); мифологией (*яблоко раздора, метать громы и молнии, пустить*

красного петуха); религиозными верованиями (отправить на тот свет, ad кромешный) и другими сферами жизни народа.

Существенным представляется тот факт, что превалирующая часть рассматриваемых единиц отражает активные действия одной из сторон по отношению к другой, имплицитно воспринимаемой как страдающая от агрессии противоположной стороны. При этом чрезвычайно мало фразеосочетаний, передающих конфликт как взаимное действие (*как кошка с собакой, стенка на стенку, зуб за зуб*) или репрезентирующих ситуацию отпора агрессивным действиям (*давать по рукам, отбиваться руками и ногами*), что, несомненно, обусловлено спецификой русского коммуникативного сознания.

Таким образом, в коммуникативном сознании русского народа ситуация конфликта трактуется прежде всего как агрессивное действие физического или морального характера, приносящее страдание второму участнику коммуникации, и имеет отрицательную оценку.

Хроника

Об исследовании проблем коммуникативного поведения в Воронежском университете

Под коммуникативным поведением понимается совокупность норм и традиций общения определенной лингвокультурной общности – народа, группы, личности.

Термин *коммуникативное поведение* в указанном смысле был введен нами в 1989 г. (И.А.Стернин. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989, S. 279 – 282). Однако еще в 70-80-ых г.г. сектором психолингвистики Института языкоznания АН СССР были выпущены три сборника: Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977; Национально-культурная специфика общения народов СССР. М., 1982; Этнопсихолингвистика. М., 1988. В этих сборниках впервые предпринималась попытка описать национальные особенности общения разных народов. К сожалению, эта серия дальнейшего развития не получила.

В 1989 г. в Галле (ГДР) публикуется брошюра И.А.Стернина «Очерк русского коммуникативного поведения», в которой впервые предпринята попытка системного описания коммуникативного поведения одного народа.

С начала 90-ых г.г. в Воронеже в рамках проекта кафедры общего языкоznания и стилистики ВГУ «Коммуникативное поведение» начинается разработка проблематики, связанной с изучением и описанием коммуникативного поведения разных народов, начинают появляться статьи на данную тему, а с начала 90-ых г.г. начинает выходить серия публикаций по национальному, а затем возрастному, гендерному и профессиональному коммуникативному поведению.

**Серия научных изданий
в рамках проекта «Коммуникативное поведение»**

1. Стернин И.А. Очерк русского коммуникативного поведения. Галле, 1989.
2. Коммуникативное поведение. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2002.
3. Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. /Под ред.И.А.Стернина Воронеж, 2000.
4. Коммуникативное поведение. Лемяскина Н.А., Стернин И.А.. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000.
5. Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып.2. /Под ред.И.П.Лысаковой, И.А.Стернина С-Пб., 2001.
6. Коммуникативное поведение. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001.
7. Коммуникативное поведение. Очерк американского коммуникативного поведения. /Под ред. И.А.Стернина, М.А.Стерниной. Воронеж, 2001.
8. Коммуникативное поведение. Американское коммуникативное поведение. /Под ред.И.А.Стернина, М.А.Стерниной. Воронеж, 2001.
9. Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып.3. /Под ред.И.А.Стернина Воронеж, 2002.
10. Коммуникативное поведение. Русское и французское коммуникативное поведение. Вып.1. /Под ред.И.А.Стернина, Р.А.Ермаковой. Воронеж, 2002.
11. Коммуникативное поведение. Русское и китайское коммуникативное поведение. Вып.1. /Под ред.И.А.Стернина Воронеж, 2002.
12. Коммуникативное поведение. Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып. 1. /Под ред.И.А.Стернина, Х.Эккера. Воронеж, 2002.
13. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение. М., 2002.
14. Коммуникативное поведение. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж, 2003.
15. Sternina M., Sternin I. Russian and American Communicative Behavior. Voronezh, 2003.
16. Коммуникативное поведение. Возрастное коммуникативное поведение. Вып.1./ Ред.И.А.Стернин, К.Ф.Седов. Воронеж, 2003.
17. Коммуникативное поведение. Вып.17. Вежливость как коммуникативная категория / Ред. И.А.Стернин. Воронеж, 2003.
18. Коммуникативное поведение. Вып. 18. Песня как коммуникативный жанр /Ред. И.А.Стернин. Воронеж, 2004.

С 1994 г. кафедрой общего языкознания и стилистики ВГУ ежегодно выпускается сборник «Культура общения и ее формирование», в котором публикуются тезисы и материалы докладов одноименной ежегодной научной конференции. В каждом сборнике представлен раздел «Национальные, социальные и возрастные особенности общения», включающий публикации по

национальному, возрастному, социальному и гендерному коммуникативному поведению.

В середине 90-ых г.г. начинается подготовка диссертационных исследований по проблемам коммуникативного поведения.

Основными направлениями исследования коммуникативного поведения в диссертационных исследованиях аспирантов и соискателей Воронежского ГУ были проблемы национального (С.В.Никитина, К.М.Шилихина, М.В.Шаманова, С.В.Меликян, А.О.Стеблецова, О.В.Высоцина) и возрастного коммуникативного поведения (А.И.Марочкин, Н.А.Лемяскина, Е.Б.Чернышова). Тематика защищенных диссертаций такова:

Марочкин Александр Игнатьевич. Лексико-фразеологические особенности молодежного жаргона (на материале речи молодежи г. Воронежа). 1998.

Никитина Светлана Валентиновна. Национальная специфика текста промышленной рекламы (на материале русскоязычных и англоязычных периодических изданий по вычислительной технике). 1998.

Шилихина Ксения Михайловна. Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах. 1999.

Лемяскина Наталья Александровна. Коммуникативное поведение младшего школьника. 1999г.

Шаманова Марина Владимировна. Лексико-фразеологическое поле "общение" в современном русском языке. 2000.

Меликян Светлана Вячеславовна. Речевой акт молчания в структуре общения. Воронеж, 2000.

Стеблецова Анна Олеговна. Национально-культурная специфика делового текста (на материале английского и русского языков).2001.

Высоцина Ольга Владимировна. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование).2001.

Чернышова Елена Борисовна. Коммуникативное поведение дошкольника (психолингвистическое исследование). 2001.

Создание РОПРЯЛ в конце 90-ых г.г. заметно стимулировало исследования в области коммуникативного поведения, и изучение коммуникативного поведения начинает расширяться, вовлекая в орбиту гендерное и возрастное коммуникативное поведение.

Российское общество преподавателей русского языка и литературы определило исследование коммуникативного поведения как одно из приоритетных научных направлений в своей деятельности. В рамках данного научного направления, которое получило название «Коммуникативное поведение (народ, группа, личность)» (руководители И.А.Стернин, Ю.Е.Прохоров), ставится цель - *исследование коммуникативного поведения как интегрального компонента национальной, групповой и личностной культур*.

Задачами исследования являются:

- * теоретическая разработка понятия коммуникативного поведения;
- * разработка принципов и методик изучения и описания коммуникативного поведения;

- * разработка моделей описания коммуникативного поведения;
- * практическое описание коммуникативного поведения личности, коммуникативного поведения возрастных, социальных, профессиональных и гендерных групп, территориальных общностей, национального коммуникативного поведения различных народов;
- * разработка методики обучения национальному коммуникативному поведению в процессе обучения языку как иностранному, а также разработка проблемы формирования социально-адекватного коммуникативного поведения представителей различных социальных групп и отдельных личностей;
- * исследование проблемы толерантного коммуникативного поведения личности и его формирования.

В рамках направления созданы несколько секций.

Секция № 1 “Национальное коммуникативное поведение” ставит перед собой следующие задачи:

- Разработка моделей описания национального коммуникативного поведения.
- Изучение и описание основных особенностей русского коммуникативного поведения как отражения русского менталитета, национального характера и стереотипов русского поведения.
- Описание типичных особенностей коммуникативного поведения русского человека, проявляющихся в его повседневной коммуникативной практике в стандартных коммуникативных ситуациях и коммуникативных сферах.
- Контрастивное описание русского коммуникативного поведения в сравнении с коммуникативным поведением народов Европы, Америки, Азии, Ближнего Востока и др. стран.
- Разработка методик формирования у изучающих иностранный язык навыков адекватного понимания коммуникативного поведения народа страны изучаемого языка и овладения ими релевантными нормами национального коммуникативного поведения страны изучаемого языка.

Секция № 2 «Групповое и личностное коммуникативное поведение» ставит следующие задачи:

- Разработка моделей описания группового коммуникативного поведения.
- Описание коммуникативного поведения отдельных социальных, профессиональных, возрастных и гендерных групп населения России.
- Проблема оптимизации коммуникативного поведения отдельных групп населения
- Разработка моделей описания коммуникативного поведения отдельной личности.
- Описание коммуникативного поведения известных личностей прошлого и настоящего.
- Проблема формирования адекватного коммуникативного поведения личности в группе и в обществе в целом.

Координируют работу по данному направлению кафедра общего языкознания и стилистики Воронежского ГУ и ИРЯ им. Пушкина (Москва).

С 2002 г. этим также занимается межрегиональный Центр коммуникативных исследований, созданный при филологическом факультете Воронежского ГУ, который координирует исследования коммуникативного поведения в разных регионах. В работе Центра участвуют, кроме кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского университета, возглавляющей работу, также:

сектор психолингвистики и теории коммуникации Института языкоznания РАН;

кафедра педагогики и психологии Института русского языка им. А.С.Пушкина;

кафедра английского языка Воронежского университета;

кафедра французской филологии Воронежского университета;

кафедра современных языков и теории коммуникации Воронежского технического университета;

центр теории и практики речевой коммуникации Высшей школы филологии и культуры Ярославского педагогического университета;

кафедра теории и практики коммуникации Воронежского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования,

кафедра русского языка университета Ювяскюля (Финляндия);

кафедра славистики Белградского университета (Сербия);

этнографический институт Сербской академии наук и искусств;

институт экспериментальной фонетики и патологии речи (Сербия, Белград);

кафедра межкультурной коммуникации Российского ГПУ им.Герцена (СПб.);

кафедра перевода и межкультурной коммуникации Харьковского национального технического университета;

кафедра педагогики и управления социальными системами Харьковского национального технического университета.

Появляются первые библиографии работ по коммуникативному поведению:

1. Высоцина О.В. Исследования по проблемам коммуникативного поведения, опубликованные членами воронежской проблемной группы «Коммуникативное поведение» в 80-90-ых г.г. // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж, 2000, с. 88-98 (описаны 180 публикаций);

2. Публикации кафедры межкультурной коммуникации РГПУ им. Герцена. Проблемы коммуникативного поведения, этнического менталитета и национально ориентированной методики обучения РКИ // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 2. СПб., 2001, с.159-161 (описаны 27 публикаций);

3. Исследования, опубликованные членами проблемной группы «Коммуникативное поведение» по проблемам американского

коммуникативного поведения // Очерк американского коммуникативного поведения. Воронеж, 2001, с. 196-198 (описаны 25 публикаций).

Настоящий сборник представляет собой очередную, 19-ую публикацию Центра коммуникативных исследований. Он – первый, посвященный коммуникативному поведению славянских народов, содержит статьи по особенностям коммуникативного поведения русских, сербов, чехов, словаков, поляков. Надеемся, что он представит интерес для широкого круга читателей и расширит круг исследователей коммуникативного поведения разных народов.

И.А. Стернин

Содержание

Национальные особенности коммуникативного поведения

Пипер П., (Сербия), Стернин И.А. (Россия) О контрастивном изучении коммуникативного поведения близкородственных народов (русская и сербская коммуникативные культуры)	c.3
Стернин И.А. (Россия) Основные особенности русской коммуникативной культуры	c.10
Правда Е.А. (Россия) Некоторые особенности коммуникативного поведения словаков	c.25
Попович Л.В. (Сербия) Жесты как невербальные и фразеологизированные диалогемы русских и сербов	c.39
Маслова А.Ю. (Россия) Коммуникема как компонент процесса общения (на материале эмотивных высказываний в русском и сербском языках)	c.53
Правда Е. А. (Россия) Некоторые особенности коммуникативного поведения представителей сербскоязычной культуры	c.70
Драгичевич Райна (Сербия) Сербский коммуникативный идеал в сопоставлении с русским (экспериментальное исследование коммуникативного поведения)	c.90

Национальный речевой этикет

Вичентич Биляна (Сербия) Речевой этикет у сербов и русских	c.95
Войводич Дойчил (Сербия) О лингвокультурном статусе обращений в русском языке в прошлом и настоящем	c.101
Пляскова Е.А. (Россия) Из наблюдений над обращением в славянских языках	c.130

Коммуникативные жанры

Kostić Jelena. Novinski oglasi kao deo rituala vezanih za smrt – Istorijat i tipovi	c.134
Кончаревић Ксенија, Бајић Ружица. О коммуникативним функцијама литургијског дискурса у српском језику.	c.146
Ласта Джапович (Сербия) Проклятие как мерило значимости	c.178

Стереотипы восприятия

Пипер Предраг (Сербия) Прилагательное <i>руски</i> в вербальных ассоциациях сербов	c.183
Правда Е. А. (Россия), Кошова И. (Словакия) Русские в восприятии словаков (экспериментальное исследование стереотипов восприятия)	c.188
Правда Е. А., Яурова Т. В. (Россия) Русские в восприятии сербов (экспериментальное исследование стереотипов восприятия)	c.194
Шипелевич Л. (Польша) Понятие «межкультурная коммуникация» в восприятии польских студентов-русистов	c.199

Языковое сознание

Влашкалич Ясмина, Войводич Дойчил (Сербия) О языках, «помнящих» и «не помнящих» родства (из наблюдений над системой родства в русском и сербском языках)	c.203
Чарыкова О.Н. (Россия) Отражение коммуникативной ситуации «конфликт» в русской фразеологии	c.216

Хроника

Об исследовании проблем коммуникативного поведения в Воронежском университете	c.220
Содержание	c.226